

На боевом посту

БП

5'91

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Цхинвали: в пожаре вражды

Валентин Пикуль. «Барбаросса»

Беспамятство – путь в тупик

на боевом посту **БП**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

5'91

Издается с 1958 г.

Учредитель — МВД СССР

Главный редактор

А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АСТАШИН,

В. В. АФАНАСЬЕВ,

Б. Р. БОРУКАЕВ,

В. И. БУСЫГИН

(ответственный
секретарь),

В. П. ВОРОЖЦОВ,

Ю. В. ДУРНЕВ,

Э. В. КАЛАЧЕВ,

И. Т. КОЗЛОВ,

В. Ф. КУЗЬМЕНКО,

Н. П. КУЗЬМИН,

В. В. МУРАТОВ,

Е. А. НЕЧАЕВ,

Л. А. ПАНКРАТОВ,

Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,

Н. Н. ПРОКОПЕНКО,

Ю. Л. РАЖЕВ

(зам. главного
редактора),

Л. Л. СМИРНОВ,

П. А. СТУДЕНИКИН,

В. Н. УСКОВ

(зам. главного
редактора),

В. С. ФРОЛОВ,

В. И. ЯКУБОВСКИЙ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ: фото А. АЛЕК-
САНДРОВА.

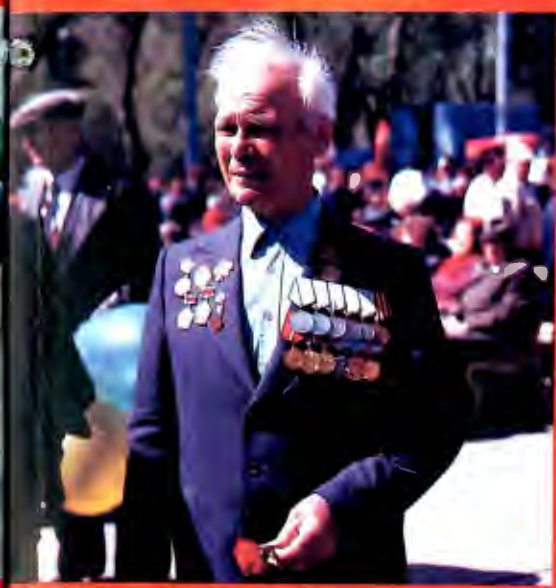
С ДНЕМ

ПОБЕДЫ!

ПРАЗДНИК СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ

Москва. Парк Горького в праздничном убранстве. То тут, то там вспыхивают солнечные блики на орденках и медалях ветеранов. Из репродуктора звучат проникновенные слова волнующей всех песни: "...Это праздник со слезами на глазах..." Увы, ряды победителей с каждым годом редеют, а слезы сверкают все так же, как прежде. Правда, бреши в строю фронтовиков сегодня заполнили "афганцы" — кто на костылях, кто в инвалидной коляске. Так они и стоят плечом к плечу, фронтовики деды и воины-интернационалисты внуки — воевавшие дети невоевавших отцов. Стоят порой в растерянности и недоумении, видя, как попираются святыни, за которые они проливали кровь, как нищает держава, за счастливое будущее которой отдали жизни их товарищи. Так что слезы этого праздника далеко не всегда радостные.

Но праздник есть праздник. На соседней аллее заиграл аккордеон. Веселую армянскую мелодию подхватил кларнет, и в пляс пустились наши гости с Кавказа. Зрители, образовавшие круг, азартно аплодировали в такт музыке. Среди них стоял в глубокой печали седой ровесник танцоров. Всего полгода назад его внук, солдат внутренних войск, погиб в Карабахе от пули боевика. И нет у деда никаких претензий к этим пляшущим армянам, но их веселье уже не находит отклика в его душе.

Фото
Б.БУЛГАКОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

■ В ОСОБОМ РАЙОНЕ

АРТЮХОВ Е. Цхинвали мне запомнился таким... 2

■ ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

РОМАНОВ П. Поединок 8
ЛИТВИНОВ Р. Шестнадцатилетний солдат 8
БЕЛИКОВ И. У Химкинского моста 10

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

НАГОРНЫЙ В. Наивные мечтания? 37
ПЕЧЕВОЙ Л. Чтобы победить и уцелеть 41
Письма читателей 45
КАРГОВ Б. Две войны подполковника Чекмарева 48
ГЕРАЩЕНКО В. В трясине интриг 53
УШАР А. С барского плеча (фельетон) 61

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ЛЯПИН И. Вот боль моя, вот совесть (стихи) 13
ПИКУЛЬ В. «Барбаросса» (роман-размышление, продолжение) 16
ПОДБЕРЕЗКИН А., ФАРТЫШЕВ В. Одиннадцатая запоедь Джонса (политический детектив, начало) 72

■ ПУБЛИЦИСТИКА

ЛЕОНОВ Б. Беспамятство?! 65

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ГЛАДКОВ М. Ушу — искусство и оружие 85
Между нами, женщинами 88
Сапоги всмятку (сатира, юмор) 92
Клуб знакомств «Возможна встреча» 94
О жизни собачьей: советы специалиста 95
Наша анкета 96

ВНИМАНИЕ: «ГОРЯЧАЯ ЛИНИЯ»

По многочисленным просьбам читателей редакция журнала «На боевом посту» планирует провести «горячую линию»: читатель — журнал — командование внутренних войск. Ориентировочный срок — 10 и 11 июля с 9.00 до 12.00 московского времени по телефону 361-85-23. Читатели смогут задать любые интересующие их вопросы, на которые в одном из последующих номеров журнала ответят: генерал-полковник Ю. В. ШАТАЛИН, генерал-лейтенант В. С. ДУБИНЯК (организация служебно-боевой деятельности), генерал-лейтенант А. И. ГРИЕНКО (проблемы социально-политической и правовой защищенности военнослужащих и членов их семей), генерал-майор Л. А. ПАНКРАТОВ (тыловое обеспечение войск), генерал-майор Ю. А. АЛЕКСЕЕВ (кадровая политика), другие руководители управлений и самостоятельных отделов ГУКВВ МВД СССР. При необходимости редакция сможет передать отдельные вопросы на разрешение руководством Министратва внутренних дел страны, а также взаимодействующим с войсками органам и учреждениям.

Журнал
зарегистрирован
в Госкомпечати СССР
25 сентября 1990 года
под № 241

Адрес редакции:
111250, Москва, Е-250.
Телефоны:
секретариата — 361-82-57,
Отделов:
войсковой жизни — 361-85-23, социально-политических проблем — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы и критики — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, издательства и рекламы (вопросы подписки) — 361-80-97, художественного оформления — 361-85-21, литературных приложений — 361-85-52, бухгалтерии — 361-85-80.

Художественное оформление
Е. Н. Селиковой,
Э. П. Копылова.
Корректоры
Е. Ю. Гаврилова,
И. Ю. Семibrатова.

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы материалов.

Сдано в набор 5.03.91 г.
Формат бумаги 70×108^{1/16}.
Уч.-изд. л. 133.
Усл. печ. л. 8,4+2 вкл.
1/4 п. л.
Подписано к печати 14.05.91 г.
Цена 90 коп.
Зак. № 769.
Тираж 115000 экз.

Ордена «Знак Почета»
типография
«Красная звезда»,
123826 Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38.

ЦХИНВАЛИ

МНЕ ЗАПОМНИЛСЯ ТАКИМ...

В НАЧАЛЕ зимы в одном из столичных еженедельников мое внимание привлекла хлесткая фраза, вынесенная в заголовок интервью с Звиадом Константиновичем Гамсахурдиа: «Мы слишком долго цацкались с сепаратистами». О чем же говорил недавно избранный председатель Верховного Совета Республики Грузия? Как ни странно, о том, что решение национальных проблем для республики вопрос надуманный, ибо в ней он никогда не стоял, и Грузия «всегда была самой интернационалистической страной в мире». Ну а то, что происходит в ней теперь, — это, дескать, происки Москвы, подогревающей сепаратистские настроения и выходящей в этом «главные козыри для борьбы с суверенитетом Грузии».

По-разному можно расценивать такие заявления. Одно бесспорно — в словах нового грузинского лидера звучала нескрываемая угроза: «Пусть никто не питает иллюзий, что в Абхазии и Южной Осетии будут созданы какие-то особые республики и они будут отторгнуты от Грузии. Там есть автономии, и этого достаточно. А если осетины и абхазы будут продолжать сепаратистскую деятельность, то потеряют и это».

7 января 1991 года Президент СССР подписал Указ «О некоторых законодательных актах, принятых в декабре 1990 года в Грузинской ССР». В нем говорилось, что 20 сентября 1990 года Юго-Осетинский областной Совет народных депутатов провозгласил Юго-Осетинскую автономную область Юго-Осетинской Советской демократической республикой, а 11 декабря, в ответ на это, Верховный Совет Республики Грузия вообще ликвидировал юго-осетин-

скую областную автономию, существовавшую с 1922 года, и одновременно из Конституции Грузии исключил положения, касающиеся данной АО.

То, что эти акты Президент объявит противоречащими Конституции СССР и не имеющими юридической силы, предугадать было нетрудно. Но прозвучал этот указ в Цхинвали и Джавском районе, без малого месяц уже живущих по законам чрезвычайного положения и комендантского часа, к сожалению, под грохот автоматных и пулеметных очередей...

Н А ВЪЕЗДЕ в Цхинвали толпилась масса милиции, что-то горячо обсуждая и почти не реагируя на незатихающую пальбу из автоматического оружия. Впрочем, утверждать, что все эти люди действительно принадлежали к правоохранительным органам, не берусь. Было бы полбеды, что расхристанные, небритые стояли они у превращенных во временные жилища автобусов, но иные ведь и одеты были не совсем по-милицейски и вооружены кто чем. Впрочем, особо удивляться не приходилось, поскольку весь участок пути от Гори запомнился как раз группами агрессивной настроенной молодежи, толпящейся по обочинам шоссе в каждом из грузинских сел.

Метрах в двухстах за КПП «уазик» при тормозил у ворот турбазы «Осетия», где расположился оперативный полк подполковника А. Ананьева.

— В начале декабря, — рассказывал Александр Алексеевич, — нам была поставлена задача на марш из Тбилиси в Цхинвали, где состоялись выборы в новой демократической республике. Обстановка была на-

калена. Мы понимали, что теперь начнется нештучное давление грузинского руководства на осетинское, возможные беспорядки. Однако сразу в город нас не ввели, трое суток полк стоял в Гори, и лишь когда в суботном центре и Джавском районе было объявлено чрезвычайное положение, мы прибыли к месту назначения. Местные жители к нам отнеслись доброжелательно: ведь люди помнили, кто спал их осенью 89-го...

Сам Ананьев в тех событиях, окрещенных «вялой гражданской войной», участия не принимал — служил за пределами Грузии. Но очевидцев найти не составило труда.

10 ноября 1989 года юго-осетинский облсовет принял решение преобразовать свою область в автономную республику в составе Грузинской ССР. Не прошло и двух недель, как на Цхинвали двинулась лавина грузинских неформалов с явным намерением показать осетинским жителям, кто «истинные хозяева» на этой земле. Не трудно представить, к чему привел бы рейд пятидесятитысячной воинственно настроенной армии в город, все население которого едва превышает эту цифру, не оказавшись у них на пути подразделения внутренних войск. «Четыре с половиной часа, пяясь к старому мосту, три наших БТР сдерживали грузинскую колонну, — вспоминал подполковник М. Слабко. — Этого времени хватило, чтобы собраться с силами и не дать повториться новому Сумгаиту. Противостояние длилось двадцать семь часов кряду. Потом неформалы все же убралась восвояси, хотя стычки в здешних местах продолжались до февраля 90-го, и наш милицкий батальон с той поры так и не уходил из Цхинвали».

Относительное спокойствие оказалось недолгим. В декабре конфликт, ярко окрашенный в политические тона, вошел в новую фазу.

ЕСЛИ СЛЕДОВАТЬ букве закона, то происходящее в Юго-Осетии не подпадало ни под какие положения, на основании которых следовало вводить чрезвычайное положение в Цхинвали и Джавском районе. Не считать же выборы в новой Советской республике стихийным бедствием или же массовыми беспорядками? Правда, в постановлении грузинского парламента говорилось о преступных действиях сепаратистов, об угрозе гражданскому миру, о террористических актах. Но, к слову сказать, преступность в Тбилиси куда выше цхинвальской, однако там никто не помышлял вводить ЧП. Что же касается террористических актов, то и тут никак не обойти одного примечательного момента.

Уже под вечер 12 декабря 1990 года в Цхинвали возле Пионерского парка неизвестными был совершен этот самый теракт: из автоматического оружия были убиты трое молодых мужчин (один из ко-

торых осетин, работник Цхинвальского УВД) и двое ранены. Именно на него ссылается Верховный Совет Грузии в своем постановлении от того же 12(1) числа. Готовившие документ так спешили, что даже обсчитались в количестве раненых. Приезжавший в Цхинвали корреспондент «Комсомольской правды» в своем материале неспроста усомнился: а не странно ли, что эта темная, нерасследованная история легла в основу столь крутых мер? Задал он и другой вопрос: что делал погибший телохранитель Президиума Верховного Совета Грузии и его вооруженные до зубов товарищи в Цхинвали?

Ах как не по душе пришлось эти вопросы в Тбилиси! Еще бы: ведь где только не говорилось, что славные грузинские парни — члены гуманнейшего общества защиты флоры и фауны республики — стали жертвами кровожадных осетинских экстремистов. 5 января на первой полосе «Заря Востока» — газета Верховного Совета Грузии — публикует большую статью с отповедью «Комсомолке», а на следующий день... один из «славных ребят» — Джемал Гундишвили — был задержан группой капитана В. Костеневица в числе боевиков, обстреливавших Цхинвали.

А дело было так. Группу спецназа выделили в распоряжение коменданта района чрезвычайного положения генерал-майора милиции Г. Кванталиани с задачей выдвинуться к городскому кладбищу, где в то время велась интенсивная стрельба из автоматического оружия. Выехали на двух БТРах и БРДМ (где находился комендант). У кладбища встретили группу грузинской милиции, которая указала на лесопосадку, откуда боевики обстреливали город. Кванталиани распорядился прочесть ее и по возможности задержать экстремистов. Двинулись вперед и буквально через минуту другую заметили фигурки убегающих людей. Блокировав лесок, захватили стоянку с двумя «УАЗ-452», «РАФом», «Нивой», «Москвичом» и «ЗИЛ-130». «Жигуленку» и еще одной «Ниве» удалось уйти, но большая часть преступной группы все же оказалась в руках солдат. При этом боевики успели произвести лишь два одиночных выстрела по головному БТРу, но, к счастью, никого из десанта не зацепило.

Задержанные были одеты по-разному: кто в «сафганку», кто в «камуфляж», кто в гражданские куртки и вооружены кто чем: АКМ, винтовками Мосина, был у них винчестер, карабин системы Симонова, малокалиберные винтовки, охотничьи ружья, пистолеты Макарова, ТТ. Обыскивая машины, спецназовцы изъяли ящик гранат Ф-1, 6 штук РГ-42, противопехотную мину и уйму самых различных патронов.

Вскоре к месту происшествия подъехал генерал Кванталиани. Он быстро о чем-то расспросил по-грузински боевиков и сказал Костеневицу, что это... отряд телохранителей Верховного Совета Республики

Грузия, их надо отпустить и вернуть оружие.

Оружие и боеприпасы командир роты спецназа наотрез отказался возвратить и под охраной привез их в часть, по акту передан в войсковую оперативную группу. А задержанных отпустил. Кванталиани сказал, что рядом ведут бой осетинские экстремисты, туда надо выдвигаться чем быстрее, тем лучше, а с этими, мол, разберутся его люди. Не подчиниться Костеневич не мог, хотя на всякий случай забрал удостоверения и паспорта у тех, у кого они имелись.

В этой операции подчиненные Костеневича задержали 16 человек. Двое оказались осетинами, заложниками, захваченными неподалеку и избитыми. Один все говорил, что он участковый, выбежал из дома на выстрелы...

СКАЗАТЬ, ЧТО в Цхинвали наши войска оказались в сложной ситуации, это ничего не сказать. Поначалу грузинское руководство, вдруг счастливо забыв об их чужеродности и «оккупационной» сути, вознамерилось солдатскими руками осуществить свои планы в Юго-Осетии, ну и, разумеется, все издержки списать на эти же руки. Оно вменило в обязанность войскам союзного подчинения действовать согласно своему постановлению и даже назначило комендантом района чрезвычайного положения полковника В. Пузырного. Не прошло! Тогда в адрес IV Съезда народных депутатов СССР, Президента страны, министра внутренних дел СССР полетела телеграмма за подписью З. Гамсахурдиа и Т. Сигуа, дескать, войска «ведут себя возмутительно... вступили в сговор с осетинскими экстремистами, на постах стоят вместе с ними, проверяют и обыскивают только грузинское население, превышают свои полномочия, отнимают табельное оружие у сотрудников МВД Республики Грузия». Словом, либо подчиняйте нам, либо выведите совсем.

Комментируя по моей просьбе этот документ, начальник войсковой оперативной группы МВД СССР генерал-майор Г. Малюшкин заметил, что Гамсахурдиа скорее всего введен в заблуждение. Да и телеграмма появилась буквально через неделю после того, как внутренние войска приступили к службе в районе чрезвычайного положения. Ну а военнослужащие да и местные жители говорили мне о том, что внутренние войска — бельмо на глазу у тех, кто намерен расправиться с народом Южной Осетии.

— Моим ребятам не привыкать к злым выпадам, — говорил подполковник Ананьев. — А задачу им ставлю всегда коротко и ясно: проявлять сдержанность, терпимость, не допускать кровопролития, на какой бы почве оно ни возникало.

И его подчиненные задерживали с ружьем грузина, с пистолетом Марголина — осетина. За нарушение комендантского часа —

и тех и других. Попадались им и сомнительные личности, правда, в большинстве своем — грузины. У многих документы подписаны МВД Республики Грузия. Кто такие? Военнослужащим объясняли — состоят в должности телохранителей Верховного Совета. Но что делают здесь? Одеты не по форме, вооружены нештатно, ведут себя вызывающе. Мне показывали фотокопии тех удостоверений. Судя по серии и номерам, в день их выдавалось республиканскими властями до сотни! Что это, как не стремление любыми путями узаконить ношение оружия боевиками?

Интересовало меня и другое: не встречались ли среди задержанных те, кто по отношению к правительству Гамсахурдиа находится в оппозиции и, не исключено, совершает провокации? Но на этот вопрос наши военнослужащие затруднялись, что-либо ответить. Ведь многие задержанные оказывались без документов. Их сдавали коменданту города, с ними разбирался он сам и его подчиненные. Практически всех тут же увозили в Гори. Как решалась их судьба — бог весть. Одно только известно: солдаты многих опять видели на дорогах на тех же машинах, с тем же оружием...

ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ вместе со слушателями тбилисского филиала Высшей школы МВД СССР наши подразделения успешно несли службу на КПП, патрулировали в период комендантского часа, сопровождали колонны с грузами, оперативно реагировали на изменение обстановки. Главное, чего добивались — как-то стабилизировать ситуацию, подготовить почву для политического решения проблемы. Ведь объявив автономную область Советской демократической республикой, облсовет Юго-Осетии фактически упразднил областные структуры, не успев создать республиканские. В то же время грузинский парламент принял решение о роспуске существовавших. И наступил паралич власти. Большинство проблем социально-экономического, культурного развития области перестали решаться. То же и с кадровыми вопросами. Сила власти сплошь и рядом начала подменяться властью толпы. Попробуй тут сдержать митинговые страсти.

А в результате правительством Грузии был ужесточен комендантский час, а в Цхинвали вошло дополнительно три тысячи грузинских милиционеров.

НЕ СТАНУ живописать последствия этой кровавой, наверняка до конца не обдуманной акции. Достаточно сказать, что уже к концу января число убитых достигло двух десятков человек, а раненых — перешло за сотню. Подразделения грузинских сил правопорядка вошли в Цхинвали истинно по-оккупационному и вскоре чем-то напомнили наполеоновских солдат в разоренной Москве восьмьсот двенадцатого года.

Я записал немало свидетельств происшедшего. Но для понимания ситуации, пожалуй, наиболее интересны суждения председателя исполкома народных депутатов вновь образованной Советской республики Т. Кулумбегова, тем более, что наша беседа состоялась незадолго до ареста Тореза Георгиевича во время мирных переговоров сотрудниками МВД Грузии.

— Мы за то, чтобы все возникающие вопросы устранять политическими средствами при посредстве внутренних войск, которые нейтральны,—говорил Кулумбегов.— Грузинская милиция пришла в Цхинвали, чтобы запугать народ, устроить новую Фергану. Но мы предупреждали: если войдут сюда силы милиции Грузии — будет гражданская война.

— Может быть, вы все же поспешно приняли решение о создании Юго-Осетинской Советской демократической республики? Ведь в отличие от Литвы Грузия не стала в одночасье заявлять о своем «разводе» с Советским Союзом, объявила переходный период, продолжительность которого не день и не месяц.

— Нет, мы действовали последовательно. Мы хотим защитить свой народ не на словах, а конституционно. Ни в одном из своих документов мы не говорим о выходе из состава Грузии. Год назад просили парламент Республики Грузия и Верховный Совет СССР признать наше право стать автономной республикой в составе ГССР. А теперь, когда в ноябре 1990 года Грузия поломала у себя все советские структуры, перестала признавать договоры, начиная с 1921 года, мы заявили об образовании своей Советской республики и решимости остаться в Советском Союзе в случае выхода Грузии из него.

— Да, но ведь в Юго-Осетии проживает немало грузин, для которых это — земля Грузии, историческая родина.

— Спросите честных людей: кто их ущемляет? Я ведь здесь не посторонний — родился и вырос, учился и преподавал в школе, находился на комсомольской и советской работе, знаю, как живут в этих краях. Вам никто не скажет, что осетины притесняют грузин. Но ведь что происходит: юридически мы автономия, а на деле прав никаких нет. Фактически все решается в Тбилиси. Вот они ломают советские структуры, но мы не хотим этого...

ПРИЗНАТЬСЯ, смешанные чувства владели мной, когда на бронетранспортере возвращался с «осетинской стороны» Цхинвали на ту, где мешками с песком укрепляла контролируемые перекрестки грузинская милиция.

С одной стороны, святое право наций на самоопределение. И вроде бы, убедительно говорил об этом Кулумбегов. Но почему тогда его не слышат в Тбилиси, хотя сами тбилисские лидеры хотят быть услышанными Москвой? Почему тогда за не-

полные полгода Торез Георгиевич третий, кто возглавил Юго-Осетинский облисполком? Почему после провозглашения Юго-Осетинской Советской демократической республики потребовалась отставка всех (за исключением нынешнего зампреда Е. Дзагоевой) членов прежнего руководства? Что это, если не политическая борьба, в ходе которой что только не объясняют интересами народа, забывая при этом самый главный его интерес — жить в мире.

А ведь если разобраться, то в стране счет пошел уже на десятки вот таких «неофициально провозглашенных» республик. Одновременно с Цхинвали о повышении своего статуса объявили Симферополь, Биробиджан. И ничего, слава богу, обошлось без крови. Что ж, выходит — кому-то можно, кому-то нет?

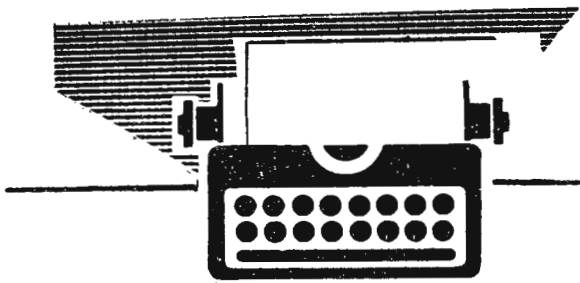
Но неужели народные депутаты СССР не понимают, что всякий раз, оставляя антиконституционное действие без политической оценки, они дают повод к его повторению! Почему бы не определиться с происходящими событиями в Цхинвали еще год назад? Ведь с ноября 89-го по февраль 90-го тут погибло 6 человек и свыше 165 получили ранения. Или почему бы не сказать веское слово в сентябре 90-го, когда в нарушение союзной Конституции здесь провозглашалась новая Советская республика, объявлялись сроки выборов в ней. Разве трудно было предугадать реакцию грузинской стороны? Чего же вы ждали, дорогие товарищи из Комиссии Совета национальностей Верховного Совета СССР по национальной политике и межнациональным отношениям? Да ведь прозвучи Указ Президента в те дни, не надо бы ни нынешних усилий по замирению, а главное — не пролилась бы заново кровь.

А войска — что ж, войска? Вновь одни с надеждой, другие с ненавистью смотрят в нашу сторону. Но как же трудно каждому из тех, кто в строю, выполнять в родимом Отечестве роль «солдата ООН»!

— Наши командиры,—говорил мне сержант Михаил Дутов, его подчиненные,—не устают повторять, что огонь должен открываться только при явном нападении. А тут... Красный флаг над облисполкомом грузинская милиция срезала пулеметной очередью. Кто-то где-то саданул из автомата, так она подгоняет БРДМ и начинает пальбу по улице, по зданиям, баррикадам. А чему удивляться? Эти люди, хоть и носят милицейскую форму, считают, что в Грузии им все дозволено. Они живут не по нашим законам.

То-то и оно. И как ни крути, ни прикидывай, но пока в нашей Советской стране одни народы будут стремиться жить по своим законам, другие — по своим, а внутреннее войска замирать их, исходя из Конституции СССР,—ни проку, ни покоя не будет. И как бы прискорбно ни звучало, не исключено, что Цхинвали не станет последней горячей точкой.

Подполковник Е. АРТЮХОВ.

НАМ ЕСТЬ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ, ЕСТЬ ЧТО ЗАЩИЩАТЬ

Непредсказуемыми событиями был насыщен апрель. Не успел завершить свою работу внеочередной съезд народных депутатов России, как страну поразил новый виток забастовочного движения. Забурлил Минск, подстрекаемые своими экстремистскими лидерами выступили железнодорожники Грузии.

Еще горячее стало в горячих точках. Активизировали бандитские вылазки армянские боевики. Прикрывая отход своих товарищей, до последнего патрона сражался с многочисленной группой бандитов молодой политработник лейтенант Олег Бабак. Кто знает, сколько бы жизней могло оборваться, если бы офицер не сказал подчиненным: «Остаюсь прикрывать, скорее увозите раненых!» А сам припал к земле, короткими очередями отсекая боевиков от БТРа, неутомимо надвигающегося на горстку солдат внутренних войск. К той самой земле, с которой подняться ему уже не суждено. Конечно, он не мог этого не понимать. И все же он, коммунист Олег Бабак, подсоединив рожок к автомату, вступил в свой последний бой с семью десятками боевиков и поддерживающим их пулеметным огнем бронетранспортером.

Погиб. Но победил: боевики не прошли, хотя и заплатил за это молодой замполит немалой ценой — ценой собственной жизни.

Впервые в мирное время командование внутренних войск представило военному служащего к высшей степени отличия — звание Героя Советского Союза. Когда пишутся эти строки, представление ходит по инстанциям. Но будет ли понято и поддержано! Во всяком случае в войсках ждут и надеются.

Сколько их уже было, подобных подвигов! Свыше 220 воспитанников войск стали Героями Советского Союза. А сколько могли бы, да не получили это высокое звание. Тут и легендарный Алексей Ващенко, предвосхитивший в битве под Сталинградом подвиг Александра Матросова, и отважный снайпер Николай Красношапка, уничтоживший десятки фашистов только в последнем бою, и беззаветно преданный красноармейскому долгу Сергей Белоус,

вызвавший на себя огонь своей батареей на подступах к Москве и остановивший танки врага.

Вот почему в преддверии славного Дня Победы над фашизмом войны внутренних войск как бы снова и снова вчитываются в героические страницы летописи своих частей и соединений. Гордятся подвигами старших поколений. И соизмеряют ратные дела времен Отечественной с поступками своих сверстников, особенно тех, кто находится в районах межнациональных конфликтов. Их повседневная служба по обеспечению общественной безопасности сопряжена со смертельной опасностью, постоянным риском. Но самое парадоксальное, что им же адресованы и незаслуженные упреки, раздающиеся и справа, и слева. Против них направлены и злобные выпады ультрадемократических изданий, которые по-прежнему обвиняют солдат внутренних войск в тбилисских событиях, в январской драме в Баку, в трагедии на ереванском железнодорожном вокзале, даже в наманганском шабаше, где ребят в солдатской форме садистски избивали и подожгли, словно поленницу дров.

В первые послевоенные годы войны внутренних войск активно боролись с бандами националистов в западных областях Украины, Белоруссии, Прибалтике. Сотни могил остались немymi свидетельствами солдатских подвигов. А сейчас и могилы эти оскверняют, и тех, кто грабил, убивал, делают героями нации.

Неужели через десятилетия и наших парней, погибших в Карабахе, в горах Армении, в Абхазии и Южной Осетии, назовут бандитами, а нынешних боевиков — защитниками народа!?

Нет, в это невозможно поверить. Допустить такое значит предать тех ребят — а их погибло в горячих точках уже около сорока, — которые знали, что защищали святое — безопасность страны, покой людей, мир на родной земле.

Об этом думаем мы в день Праздника Победы над фашизмом. И еще больше утверждаемся в мысли, что, как и наши старшие братья, боремся за счастье родного дома, единый, обновленный Союз.

217

Кто знает? Кто помнит? Кто поможет найти?

Вопросы эти звучат набатом уже полвека. И нет ответа. Уж выплаканы в безысходности слезы, покрылись рубцами раны сердечные, а люди ищут сгинувших в крошечном пекле родных, ищут могилы наших ратников, исполнивших до конца свой долг священный перед Отечеством.

Надеждой и памятью продлевается безрадостная жизнь солдатских вдов и мате-

рей. В людях мерцают трепетные свечечки — огоньки надежды. И чтоб не погасли они, всем миром честным нужно оградить их живыми ладонями человеческими. Оградить от холодного ветра беспамятства, забвения многострадальной Родины нашей.

И Вечный огонь на могилах — братских и безымянных — не должен погаснуть, пока мы их помним, знаем, ищем...

Фото старшего лейтенанта С. ЛЕЦКО.

ПОЕДИНОК

Произошло это на одном из участков фронта под Новгородом, где мне довелось служить в штабе второго артиллерийского полка войск НКВД. В ту пору подразделения Первой и Второй дивизий особого назначения держали оборону в долине неподалеку от населенного пункта Александровское, вели тяжелые бои. Рядом с позициями проходила железнодорожная ветка, по которой курсировал вражеский бронепоезд. «Долиной смерти» прозвали бойцы этот участок.

В начале 1943 года в артдивизион, которым командовал майор Б. Ульянин, прибыл новый заместитель командира по политчасти капитан Николай Федорович Фирсов. Новый замполит, всегда подтянутый и бодрый, быстро расположил к себе бойцов. Для одних у него всегда находилось теплое слово, для других — шутка. Однажды беседе помешал тяжелый гул рельсов.

— Опять бронепоезд двинули, — догадался ефрейтор А. Кокашинский.

— Орудия — на запасную! — приказал комбатр старший лейтенант В. Лейко.

— Отставить, — тотчас раздался голос невесты откуда возникшего командира дивизиона. — Орудия на колеса! Занять позицию на холме, за елками!

Артиллеристы действовали сноровисто: вручную перекатали пушки, подготовились

к ведению огня. А в это время замполит обратился к командиру дивизиона:

— Товарищ майор, предлагаю сюрприз непрошеному гостю. Мне бы с собой пару добрых подрывников...

— Найдутся, — сказал Ульянин и кликнул добровольцев. Капитан Фирсов и бойцы по-пластунски двинулись к тому месту насыпи, где колея делала довольно крутой поворот, огибая лесистый холм. До бронепоезда оставалось метров триста, когда минеры, сделав выемки, заложили под рельсы заряды...

Бронепоезд, ни на секунду не прекращая пальбы, приближался к взрывчатке. «Чего они тянут?» — нервно покусывал сухие губы командир дивизиона. Вдруг серые с охотничьим прищуром глаза Бориса Прокопьевича потеплели: он увидел, как Фирсов откатился в ровик, куда чуть раньше отползли саперы с подрывной машинкой. Грянул мощный взрыв. Бронепоезд, накреньясь, замер на месте.

— Батарея, прямой наводкой, первому и второму в паровой котел, третьему и четвертому — в башню головного орудия, — выкрикивал майор Ульянин. Орудийные стволы задвигались, выискивая цель.

Но и гитлеровцы не мешкали. Снаряд с бронепоезда опрокинул орудие сержанта Агеева. Взрывной волной разметало расчет, сбilo с ног комбата майора Ульянина.

ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНИЙ

Древний русский город Воронеж славится красотой улиц и площадей, парками и скверами. Не верится, что и полувек не прошло, как кромсала его линия фронта.

Священны для воронежцев братские солдатские могилы у Задонского шоссе, и на городском кладбище, в районе сельхозинститута, и у Отроженских мостов, и в самом центре Воронежа — в Детском парке. И невозможно не остановиться у скромного обелиска: «ОПАРИН Б. П. Солдат. Кировская область. 1927 г.—1943 г.»

Кто он, шестнадцатилетний солдат?

Я обратился в Архив Министерства обороны СССР, в отдел учета персональных потерь солдат и сержантов Советской Ар-

мии. Мне ответили, что рядовой 287-го стрелкового полка Опарин Борис Петрович, 1927 года рождения, уроженец Кировской области, Вятско-Полянского района, Константиновского сельсовета, станции Сосновка, призван в Советскую Армию Арским райвоенкоматом, умер от ран 19 августа 1943 года. Сообщили и адрес его матери.

Из Арского военкомата ответили, что Борис Опарин в Красной Армии с 20 марта 1943 года. Но год рождения почему-то указали 1924-й. Кто же ошибся?..

Писал в милицию, в исполком, и наконец — ответ от Ирины Павловны Опаринной. Да, Борису было всего шестнадцать лет, когда он стал солдатом. Много раз ходил в райвоенкомат, но ему неизменно отве-

Старший лейтенант Лейко, вскочив первым, помог подняться командиру дивизиона, и дуэль возобновилась:

— Второму и третьему в паровой котел, четвертому в башню, бронебойными, огонь!

Расчеты действовали слаженно, но разбить паровоз сразу не удалось. Тогда комбат, отодвинув наводчика, сам встал к прицелу. Грянул решающий выстрел. Бронепоезд обволокло паром — взорвался котел. Фашисты в панике стали выскакивать из люков.

— Шрапнельными, — снова закричал Ульянов, — по убегающим гитлеровцам, огонь!

Когда бой закончился, майор Ульянов вместе с замполитом пошли на доклад к командиру полка. Подполковник П. Великанов, выслушав рапорт, по-отцовски обнял и расцеловал отважных офицеров. Весть о разгроме бронепоезда быстро облетела подразделения.

— Молодец майор, метко врезал! — восхищались бойцы.

— А комиссар-то, комиссар! Видать, давно воюет...

...В ночь на 22 июня 1941 года на станцию неподалеку от Бреста пришел из-за рубежа состав с углем. Исполняющий обязанности начальника погранзаставы политрук Фирсов отправил на его досмотр наряд пограничников во главе со старшиной сверхсрочной службы Бабарыкой.

За час до рассвета бледный как полотно старшина прибежал на заставу.

— Машинист, поляк, говорит, война начнется, — задыхаясь от бега, доложил он политруку. — Всего час остался. Мы-то в бой, а с семьями что будет?

Политрук прекрасно понимал тревогу старшины — у того грудной малыш, да и у самого двое дошколят...

— Ступай к женщинам. Пусть быстро собираются, — распорядился Фирсов и немедленно связался по телефону с начальником погранотряда...

Заставу подняли в ружье. Небо загудело. Над головами девятка за девяткой к востоку неслись вражеские самолеты. Политрук попытался считать, но сбился.

Среди камыша на противоположном берегу Буга Фирсов без бинокля различил вражеских саперов, с лихорадочной поспешностью крепивших штурмовые мостки на двух понтонах.

И тотчас взмыли ракеты, раскололось залившее небо, ураган огня обрушился на позиции пограничников, поднимая в воздух груды земли и тучи песка. Полузасыпанные, оглохшие бойцы терпеливо ждали команды.

— Товарищи! — политрук старался, чтобы его услышали даже в самом дальнем окопе. — Мы первыми принимаем вражеский удар. Не пустим врага на родную землю! Берегите патроны, бейте наверняка... Огонь!

Трое суток раненый политрук с горсткой бойцов удерживал рубеж, пока от командира не поступил короткий и горький приказ — отходить...

Свой поединок с фашизмом Николай Федорович закончил в Праге. Грудь его украсили орден Отечественной войны второй степени, два ордена Красной Звезды. А вскоре чехословацкое правительство наградило воина-освободителя орденом Белого Льва...

Капитан в отставке П. РОМАНОВ, участник Великой Отечественной войны.

СОЛДАТ

чали — рано тебе, подростков не призываем. Тогда он поехал в Арск и сказал военному, что хочет на фронт. Документы, мол, потерял, но скоро уже восемнадцать... Парень он был рослый — поверили, записали год рождения 1924-й. Позже ошибку исправили, но оставили служить. В самом деле, не гнать же бойца домой!

Шестнадцатилетний солдат попал в 287-й стрелковый полк внутренних войск НКВД. Эту часть сформировали в марте сорок второго года, но она успела отличиться в оборонительных боях жарким воронежским летом. Несколько суток полк вместе с тремя другими частями внутренних войск сдерживал натиск намного превосходящих сил гитлеровцев, не давая им форсировать реку Воронеж.

Подразделения полка на своем участке защищали каждый дом. Воины уничтожили около двух тысяч солдат и офицеров противника, подбили семь танков, несколько бронемашин. Но и заплатили дорогой ценой: в боях за Воронеж сравнительно малочисленные 41-й и 287-й полки потеряли убитыми 493, без вести пропавшими 194 и ранеными 729 человек. Позже полк охранял тылы 40-й армии Воронежского фронта. Его солдаты помогли ликвидировать гитлеровскую агентуру, сражались с вражескими диверсантами, сопровождали на фронт оружие и боеприпасы. Пока неизвестно, как погиб шестнадцатилетний воин. Смертельную рану получил он жарким летом сорок третьего года, когда гремела Курская битва.

Хочется верить, что живы еще ветераны 287-го полка внутренних войск, и что найдутся те, которые помнят шестнадцатилетнего солдата.

Майор внутренней службы
Р. ЛИТВИНО!

У ХИМКИНСКОГО МОСТА

Обратиться к этой, казалось бы, уже позабытой истории меня побудило чтение «литературной мозаики» Владимира Карпова «Маршал Жуков». В конце главы, посвященной обороне Москвы, писатель как бы между прочим в качестве своего рода постскриптума привел малоизвестный эпизод уничтожения танкистами из дивизии имени Ф. Э. Дзержинского группы гитлеровских мотоциклистов в районе Химкинского моста.

В опубликованном кусочке ничего нового для себя я не обнаружил, если не считать того, что почему-то искаженными в нем оказались фамилии обоих упомянутых там офицеров дивизии. Об этом я сразу же написал В. В. Карпову, желая предостеречь его от повторения редакционной неряшливости при подготовке отдельного издания книги.

И заодно припомнил связанный с этим любопытный эпизод двадцатилетней давности.

В 1971 году политотдел дивизии имени Ф. Э. Дзержинского выпустил брошюру «За нами — Москва», приурочив ее к 30-летию московской битвы, в которой участвовали воины-дзержинцы. В начале декабря в честь знаменательной даты в гарнизонном Доме офицеров состоялось торжественное собрание, на котором среди других гостей присутствовал генерал-лейтенант К. Ф. Телегин. Его приглашали нередко, и он всегда охотно приезжал к воинам прославленного соединения как его ветеран: в 20-е годы он здесь служил. Я — тоже как ветеран дивизии, поскольку начинал в ней до войны красноармейскую службу, а в 1960—1962 годах работал начальником ее политотдела — сидел в президентуре рядом с Телегиным. С любопытством листая врученную ему новенькую книжечку и что-то удовлетворенно произнося про себя, Константин Федорович дошел до рассказа участником боя у Химкинского моста и нервозно, с нескрываемым возмущением и горячностью заявил, что в действительности ничего подобного не было, что это нелепые выдумки. «Как член Военного совета Московской зоны обороны я в деталях знал все, что происходило на подступах к столице и в самом городе буквально каждый час в те октябрьские дни сорок первого года», — категорически подытожил он. И испещрил странички брошюры вопросительными знаками и нелестными словами.

Такой вот неожиданный инцидент, едва не испортивший праздничное настроение.

Во избежание нежелательных осложнений издатели книжки даже попридержали ее распространение в подразделениях (предназначалась она исключительно для внутреннего пользования, но за текущими ситуационными заботами в поиски каких-либо подтверждений эпизода, вызвавшего у К. Ф. Телегина столь резкое неприятие, углубляться не стали.

Ветераны же танковой части, лично участвовавшие в уничтожении прорвавшейся к Химкинскому мосту группы вражеских мотоциклистов, — некоторые из них еще продолжали служить в дивизии, — рассказывали о своих действиях с подробностями, не вызывавшими никаких сомнений в достоверности. Они вспоминали также, что в одном из выпусков тогдашней нашей кинохроники видели такой кадр: на фоне металлических конструкций Химкинского моста на асфальте Ленинградского шоссе лежит убитый фашистский мотоциклист; сопровождая зрительный ряд, диктор произносит лаконичное: «Этот гитлеровец был ближе всех к Москве».

Как происходили события, упоминание о которых вызвало возмущение у К. Ф. Телегина? Что нам известно о действиях частей дивизии в августе—октябре 1941 года?

Для борьбы с воздушными десантами противника в радиусе 150 километров от столицы еще в конце июля 1941 года были созданы два боевых участка — западный и восточный. В них несли службу истребительная авиация, зенитные части ПВО, войска НКВД, истребительные батальоны. На западном боевом участке, разбитом на три сектора, находились три мотострелковых и артиллерийский полки, а также отдельный танковый батальон дивизии имени Ф. Э. Дзержинского. Войскам западного боевого участка приказами от 2 и 6 августа командир дивизии генерал-майор М. П. Марченков определил границы каждого сектора и конкретные задачи частям, их обеспечивающим. Для своевременного обнаружения и уничтожения вражеских десантов на основных направлениях секторов в 40—60 километрах от Москвы высылались передовые моторизованные отряды, которые в свою очередь выставляли наблюдательные посты, вели непрерывную разведку. Смена передовых отрядов производилась через семь суток.

По мере приближения фашистских войск к Москве радиус действий частей дивизии сокращался. В октябре командир дивизии ставит задачу не допустить прорыва мото-

мехчастей противника к столице. Границами секторов являются уже площади и улицы города. Танковый батальон, состоявший в резерве, перебазировался из пункта постоянной дислокации в район Покровских казарм.

Именно оттуда, с Покровского бульвара, и совершили танкисты свой стремительный марш по Ленинградскому шоссе 16 октября.

Утром начальник связи батальона лейтенант С. И. Бобков (подполковник в отставке Сергей Иосифович Бобков скончался в конце 1990 года) принял шифротелеграмму, в которой предписывалось срочно выбросить роту в район Крюково и уничтожить прорвавшегося туда противника. Выполнить приказ поручили командиру 2-й танковой роты старшему лейтенанту И. И. Стребко. Находившийся в головном охранении 1-й взвод, приближаясь на большой скорости по Ленинградскому шоссе к Химкинскому мосту, неожиданно встретил колонну мотоциклистов с колясками. Наши танкисты вначале приняли мотоциклистов за своих, и лишь открытая теми прицельная стрельба рассеяла всякие сомнения. Головной танк сержанта Панина, ведомый Виктором Линниковым, первым ответил гитлеровцам и пулеметным огнем и гусеницами уничтожил два вражеских экипажа. Другие, оказавшись непосредственно на мосту, бросались даже в воду, но нескольким мотоциклам удалось по обочине проскочить дальше, вплоть до динамовской водной станции, где с ними раздалась уже бойцы из взвода лейтенанта Козлова.

Так о случившемся и рассказывали непосредственные участники этих событий — Алексей Акимович Машнин, подполковник в отставке, тогда помощник начальника штаба батальона, и Виктор Кондратьевич Линников, старшина сверхсрочной службы, водитель танка. Да ведь и сам я, находясь в те драматические дни осени сорок первого года в строю дзержинцев заместителем политрука роты, а затем секретарем бюро ВЛКСМ батальона боевого обеспечения, не по книгам помню о действиях частей соединения. И потом неоднократно обращался к событиям, связанным с участием дивизии в защите столицы. Упомянутый же эпизод, получивший определенное распространение в качестве слуха и попавший даже в книгу Александра Верта «Россия в войне 1941—1945», постепенно забывался. Ни в военно-исторических трудах, ни в обильной мемуарной литературе о нем не найдешь ни слова.

Тогда, в семьдесят первом, под свежим впечатлением от инцидента в президиуме собрания я размышлял сам, советовался с начальником политотдела дивизии Н. З. Ларгиным, почему же генерал Телегин среагировал на статью в брошюре с такой жесткой нетерпимостью? Убежден, что с неправдоподобными историями ему прихо-

дилось встречаться неоднократно. И прав ли он? А может, и в самом деле в печать попал недостоверный, непроверенный факт? Разве редкость в воспоминаниях участников войны домыслы, приукрашивание, дешевая сенсационная беллетристика, выдаваемые за увиденное «глазами очевидца»? Под напластованиями самого что ни на есть примитивного вранья полным полно такого, что ждет раскопок дотошных историков. Да и те, скажем прямо, далеко не безгрешны, подчас вносят путаницу и неразбериху в вопросы уже бесспорные, как случилось, скажем, с биографией одного из 28 панфиловцев, Добробабина-Добробабы... Неужели мы и здесь имеем дело с мистификацией или чем-то подобным?

Посудив-порядив, мы решили в качестве одной из версий допустить, что Константин Федорович не мог не знать о случившемся 16 октября 1941 года в районе Химок, но не захотел признаться в собственной перестраховке, которую он, быть может, тогда, во избежание неприятностей и огорчений, позволил. К тому дню, о котором идет речь, он их однажды имел, оперативно и правдиво доложив 5 октября начальнику Генштаба Б. М. Шапошникову (а тот в свою очередь И. В. Сталину) о продвижении крупной танковой колонны противника из Спас-Деменска на Юхнов. Ему же просто не поверили. Состоялось объяснение по телефону с самим Верховным. Пришлось выслушать сбидные упреки в паникерстве. Еще больше досталось первоисточнику той прискорбной информации — командующему ВВС округа Н. А. Сбытову. Тот едва вырвался из цепких лап армейской контрразведки. Возглавлявший ее Абакумов учинил Сбытову допрос с пристрастием, пригрозил судом трибунала, как паникеру и провокатору. Сведения же о беспрепятственно проникшей в тыл наших обороняющихся войск колонне танков, трижды проверенных авиационной разведкой, подтвердились, и это спасло Телегина и Сбытова от неминуемой кары. Но совсем свежий этот урок наверняка не прошел для Константина Федоровича бесследно, заставив его при докладах наверх быть предельно осторожным и осмотрительным.

Мы ни с кем никогда не делились этим своим подозрением в отношении безусловно честного коммуниста, видного фронтового политработника, завершившего войну в Берлине членом Военного совета 1-го Белорусского фронта вместе с Г. К. Жуковым. Нельзя также не учитывать и того, что К. Ф. Телегин безвинно пострадал от бериевских сапранов уже после войны. Повторяю, это одна из наших догадок, за которую никто не может стопроцентно ручаться, и пусть простится нам эта вольность. Замечу впутно, что, когда я с двумя своими соавторами в 1972—1975 годах работал над историческим очерком о дивизии имени Ф. Э. Дзержинского (вышел в 1976 году в Военном издательстве), из со-

ображений такта и уважения к Константину Федоровичу Телегину (он умер в 1981 году) решил вообще обойти спорный эпизод молчанием: как говорится, от греха подальше.

И в то же время возможность скрыть такой факт, как прорыв маневренной, пусть и небольшой, разведгруппы гитлеровцев буквально к самой границе столицы, кажется маловероятной. О нем не могли не знать разные люди, и для того, кто вместо объективного доклада о случившемся попытался бы его утаить, риск был поистине громадный и непредсказуемый по своим последствиям.

А вот Виктор Линников, с которым мы на эту тему обстоятельно беседовали совсем недавно, уже в 1991 году, вполне допускает, что вверх о случившемся в районе Химкинского моста могли и не доложить. Да и ни в одном боевом донесении штаба дивизии этот эпизод не значится.

Было, как вспоминает В. К. Линников, дальше так. Танкисты роты, разбив мотоциклистов, стремительно продолжали свой марш в назначенный район. Отрыв капониры для боевых машин, они находились там в течение трех суток.

— Когда мы возвратились в Москву, командир части И. М. Хорьков лично строго предупредил нас, чтобы мы не распространялись насчет Химкинского моста. «И без того в городе хватает паники», — подчеркнул он.

Что верно, то верно. Напомню, что случилось это 16 октября, в один из самых драматичных для столицы дней, когда началась массовая эвакуация из Москвы, когда события развивались подчас стихийно и ситуацию под контроль взять удалось не сразу.

Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» писал, что уже к исходу 7 октября все пути для противника к Москве были по существу открыты, поскольку в обороне образовались зияющие бреши, которые нечем было закрыть, поскольку никаких резервов в руках командования Западного фронта не оставалось. На протяжении следующей недели обстановка на подступах к столице усугубилась. 15 октября Государственный Комитет Оборона принимает решение об эвакуации жителей Москвы. Между прочим, в соответствии с ним, 16 октября город должен был покинуть И. В. Сталин. В тот день москвичи не могли попасть в метро, которое, по некоторым сведениям, готовили к взрыву, как и некоторые предприятия и другие объекты, не успевшие эвакуироваться из города. Все это не могло не породить лавину самых невероятных слухов и не вызвать паники. Я сам видел Горьковское шоссе, забитое машинами, повозками, пешими людьми, в страхе поспешно оставляющими Москву.

Конец неорганизованности и беспорядкам положило принятое 19 октября извест-

ное постановление ГКО о введении в Москве и прилегающих к ней районах осадного положения.

Итак, мы имеем рассказы живых людей, активных участников событий — людей, которых я сам давно знал по совместной службе и не верить которым не имел и не имею оснований.

И есть категорическое возражение Константина Федоровича Телегина, человека авторитетного, в ту пору члена Военного совета Московского округа и Московской зоны обороны. Знаю также, что в своем отрицании эпизода на мосту он не одинок, что журналиста Льва Колодного, рассказавшего о случившемся 16 октября в «Московской правде» (на него, кстати, ссылается и Владимир Карпов) тоже обвиняли в обнародовании непроверенных данных.

Где же истина?

На всякий случай обращаюсь в Институт военной истории Министерства обороны СССР. Интересно, могли ли практически фашистские моторизованные разведчики так углубиться в наше расположение и 16 октября достигнуть Химок? Где к тому моменту пролегла линия нашей обороны на северо-западном направлении вдоль оси Ленинградского шоссе?

Для научных сотрудников института, занимающихся проблемами начального периода Великой Отечественной войны, вопрос сенсационным не оказался, им уже не раз приходилось отвечать на запросы о столкновении в районе Химкинского моста. Но поскольку никакими документами о нем институт не располагает и подтвердить этот эпизод не может, его, естественно, в соответствующую главу истории второй мировой войны не включили.

Да, линия фронта находилась от Химок сравнительно далеко, вероятность безнаказанного прорыва фашистских разведчиков через боевые порядки обороняющихся частей представляется ничтожной. Впрочем, тот же Виктор Линников утверждает, что, совершая марш из Москвы, они не встретили на своем пути никаких частей и даже контрольных дорожных постов. Лишь однажды видели невдалеке от шоссе расчет зенитной установки.

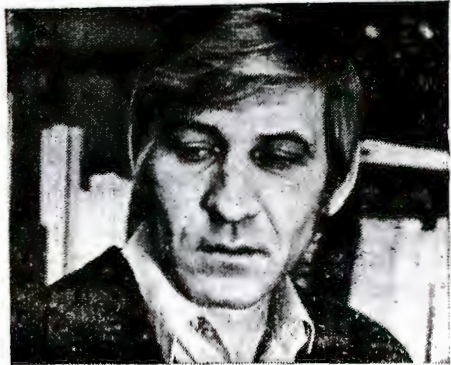
Зато вполне вероятной остается выброска в непосредственной близости от Химок воздушного десанта. Незадолго до этого, 10 октября, подразделениями дивизии были обнаружены выброшенные авиадесанты в районах Михнево, Семеновское (последний численностью до 100 человек) и некоторых других. А 11 октября в районе Дылдово — численностью до полка. В районе Крюково, куда направлялись 16 октября танкисты старшего лейтенанта И. Стребко, десанты высаживались неоднократно...

Так что не следует поспешно отвергать истинность случившегося в тот день в районе Химкинского моста.

Генерал-майор в отставке
И. БЕЛИКОВ.

Игорь ЛЯПИН

*Вот баль моя,
Вот совесть*

«Бедой горячие осьмушки, похоронки, бараки, тряпичные футбольные мячи, учитель в полинявшей гимнастерке, прихрамывая, ходит у доски» — это все приметы эпохи у Игоря ЛЯПИНА, человека, рожденного в Сорок Первом — автора многих поэтических книг, лауреата премии имени Ленинского комсомола, секретаря Союза писателей РСФСР.

Стало уже расхожей истиной, что о поэте лучше всего говорят сами стихи. Но нам все-таки кажется нелишним напомнить характеристику, данную Ляпину Евгением Осетровым в предисловии к его одноименнику «Избранного»: «Очень самостоятельный, цельный... порой резкий, предельно честный и искренний». Согласитесь, что в наше смутное время такой оценки заслуживает далеко не каждый.

Подборка, которую предлагаем вашему вниманию, открывается «Спецназом». Надеюсь, что стихотворение придется по душе особенно войсковым читателям, ощущающим «всю тяжесть погон», мы поинтересовались: «Наверное, оно родилось после поездок по горячим точкам!»

— Не только, — пояснил Игорь Иванович. — В прошлом году летом вернулся со службы мой сын Михаил. Он был солдатом внутренних войск. Осенью ему на смену ушел служить Сережа.

Спецназ

Словно выстрелы, строки приказа,
Эхо долгое, словно в горах.
И уходят ребята спецназа
В раскаленный враждой Карабах.

Бьет приказ по взводам
и по ротам,
Потому что, как видим, пока
Пресловутая дружба народов
На поверку — не очень крепка.

Потому и в долинах Кавказа,
У дунайской и волжской волны
На бесстрашных мальчишек
спецназа
Обращаются взоры страны.

От качания смятых беретов
Строй их видится жестким, тугим.
Что напутано властью Созетов,
Выпадает распутывать им.

Со своим боевым офицером,
Ощущая всю тяжесть погон,
Вот стоят они, как под прицелом,
Между двух озверевших сторон.

Все, что будет здесь,
станет судьбою.
Мир огромный напрягся, притих.
И глазами, налитыми кровью,
Обе стороны смотрят на них.

Власть Советов — пустейшая фраза,
Если так, через семьдесят лет,
Подменяют солдатом спецназа
И Верховный, и местный Совет.

Полковнику

Современного боя броня.
Даже лес тут угрюмей и строже.
— Вы, полковник, моложе меня.
Он в ответ:
— Не намного моложе.

На душе у него нелегко,
И в грядущем его темновато.
Хмуро ходят майоры его,
До чего ж молодые ребята!

Затуманен судьбы горизонт,
Штаб в смятенье, как обезоружен.
Мир не проще, а их гарнизон
Сокращают, решили — не нужен.

Вон инструкторов целый косяк,
Не о доблести речь, не о славе.
И военные люди никак
Не поймут,
что творится в державе.

Люди в кителях знают ясней
Все, что было под Брестом,
под Рузой,
Потому у армейских людей
В размышленьях не много иллюзий.

Жизнь всегда испытаньем была
Для решительных и непокорных.
Вот и взвешивай эти дела,
И терзайся, и думай, полковник.

Каждый нерв твой натянут струной.
Я смотрю и надеюсь, что все же
Ты, полковник, в сравненье со мной
Не наивней, а только моложе.

Переселенцы

Все посольские планы сминая
Так, что МИД наш
в затылке скребег,
Рвутся люди под небо Синая,
Вольных Штатов, свободных Европ.

Рвутся граждане
к визам желанным,
Будто счастья хватают билет.
Нынче это не кажется странным,
В пору гласности странностей нет.

Сколько в толпах
таких изнуренных
У посольских толчется дверей
И униженных, и оскорбленных,
И расчетливых слишком людей.

Тот степенный, а тот запыленный,
Этот шустрый и явно прохвост.
Но от жизни, конечно, хорошей
Кто, скажите, торчал
у посольств?

Что ж судить? И последнее дело
Бросить камень во гнев и зле,

Если сердце их не прикипело
К этой горестно милой земле.

Всюду хаос, неверие, смута,
Не страна, а какой-то кабак.
Я и сам бы уехал отсюда,
Только мне без России — никак.

Я не выживу там, за кордоном,
Без соседа, что горестно пьет,
Без того чердака, на котором
Гениальный художник живет.

Я не выживу там без раздолья,
Где дорога, как в небо, бежит,
Где, какая ни есть — твоя доля,
Чаще все-таки хочется жить...

Механизм у посольства отлажен,
Флаг высок, словно флаг корабля.
Я смотрю на бегущих сограждан
И уже говорю про себя:

— Вы устроены, видно, иначе,
Пыл не тот да и гонор не тот.
Я желаю вам, люди, удачи,
Только вряд ли и там повезет.

Будет жизнь и сытней, и красивой,
Но не станет, не станет судьбой.
И к России потянет, к России,
Самой проклятой и дорогой.

К Отчеству

Меня сгибало всякое в дугу,
И блажь, и новостройки на востоке.
Я перед многим глазом не моргнул,
А тут задело — просто не могу:
И вот они, стихи о перестройке.

Я видывал и радость, и беду.
Уроки жизни... Как их не усвоить?
И я скорей руками разведу,
Чем разумом и сердцем совпаду
С тем,
Кто меня хотел бы перестроить.

Я вырастал, надеясь на хребет.
Ни перед кем
не стал в лакейской стойке,
Ни в десять лет не стал,
ни в сорок лет,
Хоть это и прибавило мне бед,
Но душу сберегло
от перестройки.

Я не трусил от жизни в стороне,
Я греб в ее стремительном потоке.
За мной отец,
отдавший жизнь стране,
И не к лицу сегодня было б мне
Его завет
подвергнуть перестройке.

Весь памятью пронизан горевой,
Смотрю на мир с надеждою
и болью.
Год сорок первый,
год тридцать седьмой...
Какой ни грянет гром
над головой —
Я отношенья к ним не перестрою.

Уже, как шрамы, складки у бровей.
Мне каждый день
чего-то в жизни стоил.
Вот очи светлой женщины моей,
И вот глаза подросших сыновей —
Дай Бог,
чтоб их никто не перестроил!

Отечество, ты видишь, я стою
Весь на виду,
вот боль моя, вот совесть.
Я славлю жизнь, любимую свою,
Надежду на высокую зарю.
А что я стану славить,
перестроясь?

Стихи о революции

Ветры с юга, а тучи с востока,
Майским утром — дыханье зимы.
Все запуталось в жизни настолько,
Что распутаем, видно, не мы.

Бог не мил нам
и дьявол не страшен,
Красной тряпкой обвис
транспарант.
В мире нашем, в отечестве нашем,
В душах наших — великий разлад.

Разделяясь на красных и белых
И сшибаясь полки на полки,
Как мы в этих запутались бедах
И в какие зашли тупики!

Мы,
отважившись строить коммуны,
Начинали с разора страны.
И построили — склеп да трибуну
У священной Кремлевской стены.

Как чумою, страну заразили,
Как убогие, просим подать.
Будто не было в мире России,
Заставлявшей себя уважать.

Даже слезы от горя не льются
При звучании слова «Вставай!»
Может, хватит тебе революций,
Дорогой, обескровленный край?!

Разделяясь на левых и правых,
Мы России добра не сулим,
Как и те,
что в отстроенных храмах
Поклоняются жертвам своим.

15. БАРВЕНКОВСКИЙ КАПКАН

НЕ СТАНУ утомлять читателя нумерацией полков и дивизий, не стану перечислять имена их командиров, безвестно сгинувших, или тех, кто обрел бессмертие в наших энциклопедиях, постараюсь быть скуп в цифрах и датах, донося лишь главную суть событий и всегда помня, что на поле битвы все читается иначе, нежели читалось тогда на оперативных картах, а потом читается в мемуарах. Как бы ни философовали в самых высших инстанциях, как бы ни мудрили в средних, все это было далеко от окопов, где солдаты всю мудрость жизни, политики, стратегии и тактики воплощали в едином душевном призыве:

— Бей их, гадюков! Тока бы приделиться... Ишь, зад-то отключил, а башку за пенек ховает. До свету не управимся...

Не в меру бодрые доклады маршала Тимошенко дали Сталину повод для резкого осуждения работников Генерального штаба:

— Если вас, любителей обороны, не подтолкни как следует, мы бы так и торчали на одном месте. А теперь, видите, как удачно все складывается у Тимошенко под Харьковом...

Верно! Наступление началось прямо-таки превосходно.

Ударные силы нашей армии рвались на стратегический простор из невыносимой и довлеющей над ними узости Барвенковского выступа, охватывая при этом Харьков с юга, а со стороны Волчанска двигалась на Белгород вторая группа, огибая Харьков с севера, и где-то — уже за Харьковом! — они должны были сомкнуться, чтобы устроить немцам хороший котел. Внешне все было задумано вроде бы правильно и сомнений не вызывало... Зато сразу же, с первого дня, возникли подозрения!

Но возникли они не там, где Тимошенко склонялся над картами, красным карандашом отмечая стрелы прорыва, подозрения появились там, где в невообразимой пылице шагали наши солдаты, рассуждая меж собой, чтобы их не слышали командиры:

— Что-то непохоже на немца! Гляди, Вась, смываются от нас и даже не пальнут для порядку.

— Это как понимать? Вроде бы и далее нас заманивают.

— Да, братцы, чует сердце — не к добру...

В некоторых селах немцы оставляли богато накрытые столы со своим шином и нашей самогонкой, навалом было пирогов, свинины, гусей и всякой другой снеди. Думали, что отравлено, поначалу боялись, а потом попробовали, никто не помер — и навалились. Колхозники говорили, что немцы сами пировать собирались, да вдруг разом снялись и удрали.

— А куда удрали-то? — спрашивали их.

— А шут их ведает. Бала-бала — и давай деру...

В одном месте разбили отступающую штабную колонну с радиостанцией. Немцы оставили портфель желтого цвета, что определяло его секретность. В портфеле нашли бумаги с верными характеристиками наших командиров, и вечером, подвыпив, особист полка говорил:

— Все знают! Кто пьет, кто трезвенник. У кого жена, у кого дети. Даже адреса домашние собирали. Мы, уж на что мы, и то своих же людей так не знаем... Капитан Панкратов, где ты?

— Да здесь я. А что?

— А то, миляга, что ты вот с Шуркой Водянкиной шурымуры на сеновале крутил, так даже это немцам известно...

Немецкая разведка даром хлеба не ела, и в тот же день, первый день нашего наступления, Паулюс был извещен, что Тимошенко на один километр фронта имеет лишь до 19 орудий и не более пяти танков. Новых же танков очень мало, чаще старых модификаций с противопулевой броней, на бензиновых моторах, почему они и вспыхивают, как спички.

Продолжение. Начало в № 1, 2, 4, 1991.

ДРОЗА

Впрочем, когда на фронте уже завязались бои, Паулюсу доложили:

— Тимошенко что-то уже почувствовал, потому что начинает вводить свои вторые эшелоны.

— Так рано? — удивился Паулюс. — Шмидт, вы слышали?

— Да, слышу. Все это очень странно.

— Но мы не станем самообольщаться, — сказал ему Паулюс. — В отличие от маршала, мы побережем не только вторые, но и третьи эшелоны. Сейчас многое зависит от энергии фон Клейста.

— Клейст не опоздает для удара с южного фланга, — заверяли его. — После неудачи под Ростовом ему необходима реабилитация под Харьковом, чтобы вернуть себе расположение фюрера...

В первый день наступления наши войска продвинулись вперед — где на десять-двадцать километров, а там, где немцы

**Валентин
пикуль**

«БАРБАРОССА»

роман-
размышление

оказывали сопротивление, даже два километра брались с невероятным трудом. Танки противника еще не появлялись, авиация только прикрывала отход своих войск или вела разведку. Немцы очень экономно расходовали свои силы, и на юге выступя (южнее Барвенково) они бросали в бой строительные батальоны, нам попался в плен солдат из похоронной команды и даже из команды по сбору трофеев («бараньщик»). За ночь Паулюс выкатил из Харькова свои «ролики», и второй день наступления Тимошенко стал днем переломным.

Сопротивление ожесточилось. Паулюс запросил Адама, готовы ли к атакам панцер-дивизии Хубе и Виттерсгейма.

— Да, — отвечали ему, — всего триста семьдесят машин. Хубе и Виттерсгейм с нетерпением ожидают ваших распоряжений.

— Отлично. Не пора ли нам расхатывать фланги Тимошенко? На танки пусть Хубе примет пехоту. Заодно предупредите

Рихтгофена, чтобы его четвертый воздушный флот выделил нам пикирующие бомбардировщики. Я подозреваю, что маршал Тимошенко, припомнив свою молодость, проведенную в конюшнях, обязательно прибежит к помощи кавалерии... Конечно, — сказал Паулус, — мне, генералу, как-то не совсем удобно учить маршала, но в этих условиях ничего другого не остается...

Удары танков и авиации Тимошенко воспринял на свой лад — как доказательство слабости противника.

— Ну, вот! — обрадовал он Баграмяна. — Паулус уже на грани истощения, он транжирит свои последние козыри...

Силы противника сознательно им уменьшались, а свои собственные Тимошенко преувеличивал. Совершенно не понимаю (и объяснений тому нигде не отыскал), почему Семен Константинович был убежден в том, что на подмогу его армии идут свежие дивизии из... Ирана (?).

— Но, боюсь, они поспеют к шапочному разбору, когда мы своими силами разделимся с фрицами, — говорил он...

13 мая уже наметилась неразбериха. Штабы соединений и штаб самого маршала работали в отдалении от передовой — иногда их разделяли 20—30 километров, бывало, что и более. При этом они все время перемещались, не предупреждая фланговых соседей, радиосвязь работала безобразно, позывные частей перепутались, и в этой сумятице всеобщего воодушевления мало кто еще догадывался, что управление войсками было уже потеряно... Но Тимошенко, уверенный в себе, уверял Москву и свой штаб, что все складывается по плану:

— Я очень доволен ходом событий...

Маршал К. С. Москаленко (сам участник этих событий) по этому поводу писал: «Ошибочные оценки не были изменены в ходе боевых действий даже тогда, когда наши войска по существу уже потеряли инициативу...» Перелом обозначился, и теперь не мы, а Паулус навязывал нам свою волю. Однако наступление еще развивалось, и к концу дня 14 мая определился даже четкий успех: с Барвенковского выступа мы шагнули на 50 километров, а со стороны Волчанска (севернее Харькова) пробили оборону врага вглубь до 25 километров.

Наверное, это и был тот самый счастливый момент, когда Александр Ильич Родимцев, оторвавшись от стереотрубы, вытер восторженную слезу:

— Вижу, шайтан вас дери... вижу! Дома, крыши, садики, фабричные трубы. Харьков! Пора слать туда наши разъезды.

В трудные моменты боя нас выручали «сороканятки», шедшие в порядках пехоты (те самые орудия в 45 мм, которые в канун войны маршал Кулик и Сталин указали снять с производства), — именно эти пушки и стали нашей «палочкой-выручалочкой» в годы войны. Прекрасные наводчики-казахи с их острым зрением степных

жителей раз за разом отмечали точные попадания:

— Жаксы, жаксы... о, бек жаксы! — восклицали казахи.

15 мая Клейст южнее Барвенково уже разворачивал свою танковую армаду, а маршал авиации Вольфрам Рихтгофен поднял в небо воздушный флот, который выстраивал над нашими войсками «небесную постель», обстреливая все живое, в строю «дикой свиньи» клином врзался в наши слабые авиационные звенья... Но любой натиск врага маршал Тимошенко не считал наступлением, расценивая его как жесткую оборону:

— Не сдаются, окаянные! Мы их переломим. Мы еще покажем, что умеем бить врагов по-суворовски: не числом, а умением...

Тогда же он заверил Сталина в успешности наступления. Между тем сражение уже распадалось на отдельные очаги, изолированные один от другого «пробойнами» в линии фронта, и в эти «пробойны» бурным потоком вливались резервы Паулуса, от Славянска с юга начали проскакивать одиночные танки...

Иван Христофорович Баграмян запросил Южное направление — какова у них обстановка и где сейчас танки Клейста? Ответ из штаба Малиновского был утешительным:

— Клейст не шевелится. А мы следим, чтобы к Барвенково он не прорвался. В случае чего — предупредим...

16 мая стало последним днем нашего наступления. Наши войска еще продолжали нажим на Харьков, а местные жители, стоя у деревенских околиц, кричали бойцам:

— Да оглянитесь назад, родимые! Вы-то вперед идете, а за вами-то, эвон, уже немецкие машины шныряют...

Из Харькова вернулась конная разведка. Родимцев выслушал, что там творится: немцы перепуганы, госпитали эвакуируются, с балконов домов свешиваются трупы повешенных, один старик повешен даже вниз головой над панелью. Люди рвались вперед — на Харьков, но Родимцев каким-то подсознательным чутьем война уже ощутил трагизм положения и решил перейти к обороне:

— Спасибо, ребята. Расседывайте коней. Понимаю вас. Понимаю и харьковчан. Но город сейчас не брать...

— Как же так? Нас в Харькове обнимали, нас всех целовали. Мы заверили харьковчан, что не сегодня, так завтра...

— Расседывайте коней, — отвечал Родимцев. — Понимаю вас и понимаю харьковчан. Но город сейчас не брать...

Наши войска все больше увязали в «оперативном мешке» Баранковского выступа, будь он трижды проклят, и разве можно было тогда подумать, что громадная армия уже обречена...

Командующий 6-й армией распрямылся над картой.

— Генерал Малиновский на юге не рас-

познал угрозы со стороны броневых кулака Клейста, нацеленного вот сюда... от Краматорска, от Славянска! Не догадывается об этом и Тимошенко, а я, Шмидт, не завидую тем минутам свидания, которые уделит потом господин Сталин для приватной беседы со своим маршалом.

Явился Вильгельм Адам, крайне взволнованный:

— Ваш сын, капитан Эрнст Паулюс... ранен!

Паулюс остался спокоен (а скорее, он притворялся невозмутимым — даже сейчас в проявлении отцовских чувств).

— Если мой сын ранен, — был ответ, — следует положить в госпиталь... на общих основаниях. Если у меня будет свободное время, я навещу его. Пока все!

Р. Я. Малиновский с Южного фронта послал на помощь С. К. Тимошенко свой 5-й кавалерийский корпус. Тимошенко, узнав об этом, отправил Малиновскому свой 2-й кавалерийский корпус. Это напоминало обмен визитками вежливых людей, но тактически ничего не изменило в положении на фронте. Однако именно этот факт свидетельствовал о чем-то опасном: командование фронтов — и Малиновский, и Тимошенко! — еще не понимало близости катастрофы. Где-то уже летела в прорыв краматорская группа на звенящих гусеницах, а маршал Тимошенко, вспомнив молодость, надеялся задержать врага лихим набегом сабельной кавалерии.

— Орлы! — говорил он. — Разве кто устоит перед доблестной красной конницей, о которой в народе слагают песни?

Кавалерия уходила на верную смерть — с песнями:

С неба полуденного
Жара не подступи,
Конница Буденного
Рассыпалась в степи...

Уходящие в небытие, они видели своего главокома в широкой казачьей бурке и в кубанской папахе набекрень; маршал казался им далеким видением из эпохи гражданской войны, еще не ведавшей ожесточенной битвы моторов.

А танки горели! Горели танки. Наши...

А наша кавалерия была уничтожена авиацией. Генерал Гани Сафиулли (из казанских татар) запомнил: «Лошади без седоков, в одиночку и группами, на полном карьере мчались в разные стороны. Вражеские истребители догоняли их на бреющем и уничтожали пулеметными очередями. Кони ржали, падали, пораженные пулями, они кувыркались через головы...» И, дрыгая ногами, они затихали в смерти, а молодецкий солдат, тоже видевший эту расправу, громко плакал, сказав Сафиуллину:

— Всегда их жалко! Мы-то люди, мы понятливые, мы знаем, за что кровь проливаем, а как им-то, бедным да бессловесным, как им объяснить — за что муку терпят?

Наконец, генерал Баграмян, начальник штаба, и Н. С. Хрущев, бывший тогда чле-

ном Военного совета фронта, убедили твердолого и донелзя упрямого маршала, что наступление выдохлось — пора занимать жесткую оборону.

— Да, — вдруг согласился Тимошенко, — я и сам вижу, что на войска из Ирана надежды слабые, мы вынуждены перейти к обороне, о чем я извещу товарища Сталина, а вы, Иван Христофорович, готовьте приказ по армии о переходе к обороне.

— Слава богу, что перестал артачиться. Наверное, и сам понял, что надо не своей престиж, а людей... людей побережь!

Кажется, говоря так, Баграмян даже перекрестился.

Было три часа ночи, когда Баграмян вдруг навестил Никиту Сергеевича, а глаза начальника штаба были в слезах.

— Что там еще? — спросил его Хрущев.

— Наш приказ о переходе к обороне... отменен.

— Кто посмел отменить? — сразу взвинулся Хрущев.

— Маршал. Он, действительно, разговаривал со Сталиным, после чего велел ПРОДОЛЖАТЬ НАСТУПЛЕНИЕ, а сам... пошел спать.

Хрущев сумрачно матюкнулся:

— Так когда же этот бардак у нас закончится?

— Я, — просил его Баграмян, — умоляю вас переговорить с товарищем Сталиным, который наверняка дал нагоняй маршалу, после чего Семен Константинович и отменил свое распоряжение. А далее наступать нельзя, вначе, сами понимаете... катастрофа!

Хрущев, мужик с головой, понимал: сначала Тимошенко водил Сталина за нос, увлекая его на Харьков, а теперь Сталин начал водить Тимошенко — и это опасно. Но понимал Хрущев и другое, опасное уже лично для него: переубеждать Сталина — это значило, что надо заставить Сталина признать свою ошибку, а Сталин признает ошибки других, но свои — никогда.

— Сначала позвоню Василевскому, — решил Хрущев.

Но звонок Василевскому ничего не прояснил.

— Товарищ Сталин на ближней даче, — отвечал начальник Генштаба, давая понять, что не он главные вопросы решает. — Да, это его распоряжение... да, на даче... звоните ему... товарищ Сталин свел необходимым... не знаю... желаю успеха.

Хрущев долго собирался с душевными силами.

— Звонить Хозяину, — сказал он Баграмяну, — все равно что давиться. Но... что поделаешь, если надо?

К телефону на ближней даче Сталина подошел Маленков.

— Подожди, — ответил он Хрущеву, — я сейчас доложу. — Последовала продолжительная пауза, после которой Маленков сказал, что товарищ Сталин говорить не желает. — Он просил тебя сказать мне, что надо, а я ему передам...

Делать нечего. Никита Сергеевич сказал, что нельзя отменять их приказ о переходе армии к обороне, как нельзя и наступать далее, ибо наше наступление ствечает замыслам противника, а в результате всей операции одна дорога — мы сами загоняем свою армию в германский плен.

— Мы и без того растянули линию фронта, — доказывал Хрушев, — а случись, последует неизбежный удар с левого фланга (от Клейста), так нам кулаков не хватит, чтобы отмахаться...

Маленков выслушал, просил обождать, переговорил со Сталиным, после чего опять вернулся к аппарату:

— Ты слышишь? — спросил он.

— Слышу, — отозвался Хрушев, замирая.

— Товарищ Сталин сказал, что надо поменьше трепаться, а надо наступать. Хватит уже! Посидели в обороне...

Разговор закончился, а Баграмян рыдался.

— Все погубило, — говорил оп. — На себе я крест уже поставил... мне все равно... Людей... людей жалко...

В большой стратегии, как и в большой человеческой жизни, случаются страшные трагедии, когда ничего не исправить.

Читатель, надеюсь, уже и сам начал догадываться — кто прав, а кто виноват, и читателю стало уже понятно — почему армия Паулюса вскоре оказалась на Волге!

16. ВРЕМЯ

ИСКАТЬ ВИНОВНЫХ

Паулюс навестил в госпитале раненного сына. Он сказал ему, что на полях сражений догорают груды развороченных русских танков. Цитирую слова Паулюса, сохранившиеся в военных архивах ФРГ: «Мы взяли в плен русского офицера. Он сказал нам, что маршал Тимошенко однажды приехал на передовую, чтобы наблюдать за танковым сражением: маршал видел наступающих вплотную немцев и свои танки, буквально разнесенные в клочья, на что он только проронил: «Это ужасно!» После чего ему ничего не оставалось, как молча повернуться и покинуть поле боя». Этот рассказ Паулюса сыну завершается выводом германских историков: Паулюс не столько был рад своим успехам, сколько был озадачен вопросом: «Какими еще резервами может обладать его гидроподобный противник?..»

У гидры, как известно, на месте отрубленной головы сразу вырастают две новые. Но резервов у Тимошенко не было, ибо с первого же дня наступления он стал их транжирить. В пламени боев перегорели вторые и даже третьи эшелоны его ре-

зервных полков. Утро 16 мая стало последним, когда наши войска еще пытались наступать. На следующий день Тимошенко перебрался подальше от фронта — на левый берег Сев. Донца, расположившись в районе Песков, не оповестив о перемене места ни свою армию, ни своего южного соседа Р. Я. Малиновского, — там, в этих Песках, он и затих, почему армия по сути дела лишилась командующего, а где он сам и где искать его — никто не ведал. «Штаб армии, — писал Баграмян, — остался, фактически, без управления, так как радиосредств не хватало» (точнее — их попросту не было, ибо авиация Рихтгофена гонялась за каждой автомашиной, похожей на походную радиостанцию). Именно 17 мая и случилось то, чего больше всего боялись...

Эвальд Клейст вдруг бросил всю свою танковую армаду вперед, как бы подсекая Баренковский выступ с южного его основания, как подсекают дерево с комля. После полудня гарнизон Баренково был смят в жестоком бою. Баренково оказалось в руках противника. Но в наших штабах об этом до самого вечера ничего не знали. Н и ч е г о !..

Вечер этого дня застал Артура Шмидта на позициях близ Балаклеи, когда из сумерек тающего дня вырвался танк, заляпанный дорожной грязью и кровью раздавленных им людей. Моторы он заглушил перед штабной палаткой 6-й армии. Из люка выбрался сухопарый танкист в коротком кительке, лоснившемся от машинных масел. Рукава его были закатаны до самых локтей, а волосатые руки были сплошь унизаны браслетами разных марок, его пальцы сверкали золотом от обилья обручальных колец.

Он спрыгнул с брони танка на землю и крикнул:

— Дело за вами... Стоит вам ударить со стороны севера, и все русские останутся в нашем оперативном мешке.

— Вы откуда? — спросил Шмидт. — От Виттерсгейма?

Танкист расхохотался:

— Нет, я из группы Эвальда Клейста...

В руке Шмидта щелкнула зажигалка с «прыгающим чертиком».

Он задумчиво раскурил сигарету и засмеялся:

— И чем только мой чертик не шутит!

Как это ни странно, но Сталина намного раньше, нежели Тимошенко, тревожила эта мощная танковая группа Клейста, до поры до времени как бы затаившаяся в степных балках, замаскированная в редких перелесках, но активно «выстреливающая» отдельные танки в сторону Баренково... Однажды в присутствии Г. К. Жукова, который разделял его опасения, Сталин созвонился с командованием Юго-Западного направления и, переговорив с маршалом Тимошенко, отошел от аппарата, успокоенный.

— Пока все идет успешно, — убедился Сталин. — И нет никаких причин для прекращения харьковской операции...

Но именно этот мнимый «успех» вызвал большую озабоченность работников Генерального штаба, которые давно почувствовали, что обстановка под Барвенково и Харьковом складывается не так уж мажорно, как об этом докладывает маршал.

17 мая на пороге сталинского кабинета в Кремле появился генерал-полковник Александр Михайлович Василевский:

— Хотя вы и распорядились, чтобы Генштаб не вмешивался в дела главнокомандующего Тимошенко, я все-таки решил вмешаться.

Сталин поднес спичку к своей легендарной трубке, но спичка догорела в его пальцах, он так и не раскурил трубку.

— Что вас беспокоит, товарищ Василевский?

— Беспокоит именно то, что совсем не волнует командование Юго-Западным направлением: группировка танков Клейста. Она подpiraет с юга Славянск и всю ударную группу армий, слящуюся вырваться из мышеловки Барвенковского выступа...

— Вы разве хорошо знаете обстановку на юге?

— Она... критическая! — запальчиво сказал Василевский. — Могу выразиться иначе — она попросту угрожающая. Тем более, что дельных резервов мы в этом районе не имеем.

Разговор Сталина с Василевским происходил в то время, когда о прорыве танков Клейста к Барвенково они оба еще ничего не знали. Верховный Главнокомандующий предпочитал в эти тревожные дни не подписывать приказы своим именем, чтобы не оставаться потом виноватым в принятых решениях, — он укрывался за общими и расплывчатыми определениями слова «Ставка» (а там как хочешь и понимай — кто в Ставке умный, а кто глупый).

Пройдясь вдоль стола, Сталин подумал перед ответом:

— Товарищ Тимошенко резервов у нас не просит. Он хорошо обходится своими силами... А что вы предлагаете?

Что мог предложить Василевский? Самое разумное.

— Немедленно, — сказал он, — прекратить наступление на юге и все силы развернуть назад — для отражения танкового удара со стороны Клейста. Если мы, товарищ Сталин, не сделаем это сегодня, то завтра будет уже поздно.

Было поздно не завтра, а уже сегодня.

— Вы так думаете, товарищ Василевский?

— Уверен.

Сталин открыл графин с водой и закрыл его снова.

— Хорошо. Я еще переговорю с товарищем Тимошенко...

Но это был как раз тот уникальный случай, когда в Генштабе лучше знали обстановку на юге, нежели в безвестных Песках, где укрывался маршал Тимошенко, думавший в это время не о том, как спа-

сать армию, а как ему избежать гнева Верховного.

— Хорошо, — повторил Сталин, — сначала выслушаем товарища Тимошенко, с мнением которого нам нельзя не считаться.

И хотя Александр Михайлович видел, что зыбкая чаша доверия Сталина склоняется в пользу докладов Тимошенко, он, Василевский, решил продолжать свой диалог с Верховным, чтобы спасти армии, спасти знамена, спасти технику.

— Спасти хотя бы людей, — говорил он, не подозревая еще, что эти люди уже обречены. — Очень трудный диалог, но его надо продолжить... завтра!

18 мая Сталин встретил его иначе — слишком сурово.

— Кого мне слушать? — сразу спросил он Василевского. — Вас или товарища Тимошенко? Вы тут разводите панику, а товарищ Тимошенко считает, что угроза со стороны краматорской группы Клейста сильно преувеличена... в кабинетах Генштаба! Наступление, по словам товарища Тимошенко, развивается точно по плану, и нет никаких причин для его прекращения.

Александр Михайлович все выслушал.

— Товарищ Сталин, обстановка требует немедленного свертывания операции под Харьковом, иначе могут возникнуть трагические последствия не только для армий маршала Тимошенко, но и для всего советско-германского фронта. Сейчас, — сказал он, — может быть, как никогда, решается очень многое.

Молчание. Тишина. Каков же будет ответ?

— Я беседовал с маршалом, а вы — с кем беседовали?

— Со своим приятелем... Анисовым.

— А это еще кто такой? — удивился Сталин.

— Генерал, который из штаба армий Тимошенко дал мне самую точную информацию, и она, эта информация с передовой линии фронта, никак не подтверждает информацию маршала Тимошенко.

Сталин, отвечая, даже не повысил голоса:

— У вас свои приятели, а у меня свои. И мои приятели говорят не то, что говорят ваши приятели.

Василевский намеренно голос повысил:

— Товарищ Сталин! Первоначальный оперативный успех под Харьковом скоро окажется ничтожным пустяком по сравнению со стратегическим (а не тактическим) успехом противника. Мощь ударов Паулюса и Клейста не ослабевает, а растет час от часу. Как можно не замечать всего этого маршалу Тимошенко там, на фронте, я не понимаю...

— Сейчас поймете, — сказал Сталин.

Он подошел к телефону, его снова соединили с маршалом Тимошенко. Было ясно, что отвечал вождю Семен Константинович, но Верховный повесил трубку в прежнем настроении:

— Поменьше слушайте своих приятелей. Товарищ Тимошенко сказал, что операция развивается удачно, как и задумано. Наверное, ему на месте виднее, нежели нам — в Москве... И все-таки странной — вдруг сказал Сталин. — Товарищ Тимошенко настолько убеждал меня в слабости противника, а теперь сам просит у меня резерв. Он же знает, что резервов для него нет!

Однако Ставка ВГК нашла для Тимошенко стрелковую дивизию и две танковые бригады. Василевский сказал, что в лучшем случае они поспеют в сражение лишь через пять дней:

— А за этот срок все уже будет кончено!

19 мая от общего управления войсками остались рожки да ножки: каждый стал себе командиром, а генералы падали убитыми с винтовками в руках, отстреливаясь вровень со своими солдатами. Однако маршал Тимошенко умудрился издать приказ — усилить натиск на врага. Подписав этот приказ, он моментально издал и второй — перейти к обороне. Судьба этих приказов выражена с достаточной ясностью: они были примечательны только тем, что ни один из пунктов приказов никогда не был выполнен. Приказы Тимошенко поныне покоятся вечным сном в архивах Министерства обороны СССР, но, дошедшие до внимания историков, они до войск Тимошенко так и не дошли...

Настал трагический момент, когда огулом зачеркивались не только результаты зимних успехов под Москвою, не только рушились надежды на освобождение Харькова и Донбасса, но уже возникла угроза полного окружения войск в Барвенковском выступе. «Видели ли эту опасность военные советы нашего направления? — задавался вопросом К. С. Москаленко. — Судя по всему, нет, они не видели...» Тимошенко большим и мясистым пальцем перекрывал на штабных картах рокадные дороги противника.

— Здесь и вот тут... остановить немца танками.

— Где они, наши танки? Их нету. Как нет и горячего.

— Без паники! — диктовал маршал, сбрасывая папаху, чтобы освежить гладко бритую голову. — Уже идут свежие дивизии... из Ирана! В любом случае переломим немца. Пушки у нас новые, какие фрицам и во сне не снились. Все будет! А сейчас приказываю перекрывать дороги танками.

— Которых у нас нету?

— Приказы не обсуждаются, а выполняются...

Против танков Клейста пошла в бой кавалерия генерала Плиева, взятая из жалких остатков резервов. «Иначе говоря, — писал очевидец, — наши войска сами залезли в мешок». Когда же маршал авиации Рихтгофен поднял в небо свой 4-й

воздушный флот, тогда, как вспоминали свидетели событий, «небо потемнело от самолетов». Остатки кавалерии тут же полегли костями, немцы не жалели фугасок даже на одиночные телеги, бомбы сыпались на стада коров, телят и овец... Все живое уничтожалось!

Танки Клейста и Паулюса — с юга и севера — «перегрызали» пути отхода, давили людей на дорогах, разрезая коммуникации, ведущие к спасению на востоке. 23 мая случилось то, о чем боялся сказать вслух Баграмян, чтобы его не произвели в ранг «врага народа», но о чем не устаривший поведать Сталину Василевский, почему и был обвинен в паникерстве.

Ударом с юга танков Клейста и натиском 6-й армии Паулюса с севера весь Барвенковский выступ был отсечен, и в кольце окружения оказались все армии маршала Тимошенко — с техникой, у которой не было горячего, со штабами и даже госпитальями.

В разгромленной Балаклее Паулюс встретился с Клейстом.

— Поздравляю, — сказал он. — Сейчас мне хотелось бы знать, где маршал Тимошенко? Угодил он в наш котел или выскочил?

— Ходят слухи, что его видели в Волчанске.

Паулюс повернулся к Артуру Шмидту: — Переацельте удар на волчанское направление... Адам, — позвал он своего адъютанта, — а что вы скажете, если я предложу открыть бутылку яичного ликера?

— Лучше уж коньяк! — хохотал Клейст.

— Но у меня строгая диета, — отвечал Паулюс, давая понять, что от этой дивентерии никак не избавиться. — Я сейчас ожидаю возвращения из Лейпцига доктора Фладе, который собрал кости фельдмаршала Рейхенау и после похорон обещает навестить мою армию. Говорят, он любой понос заменяет запором...

25 мая куда-то бесследно исчез маршал Тимошенко. Москва требовала отыскать его живым или мертвым, но чтобы маршала обнаружили, лишь бы маршал не угодил в плен.

— Найти Тимошенко! — негодовал Сталин. — Сколько людей там оставили, не хватало еще, чтобы на потеху Гитлеру в Берлин привезли нашего маршала и бывшего наркома обороны...

Семен Константинович объявился в Валуях лишь поздно вечером, усталый, голодный, весь какой-то помятый. Оказывается, он с самого утра просидел в придорожных кустах или прятался под мостом, ибо немецкие самолеты, расстилая на бреющем полете «небесную постель», гонялись не только за машинами, но охотились даже за каждым человеком на дорогах.

— Головы было не поднять, — оправдывался маршал. — Удивлен, куда делись наши замечательные сталинские соколы?..

18. РЕЗУЛЬТАТ

...Окружение. В редких перелесках и на дне размытых оврагов Харьковщины еще стучали робкие выстрелы. Нет, уже не отстреливались от врагов, а стреляли в себя, чтобы избежать позора. Партийные говорили товарищам по несчастью:

— Ну, что, добры молодцы? Не пора ли согреться?..

Разводили маленькие костерки, на которых стыдливо сжигали партийные билеты и личные письма. Под корягами деревьев окруженцы зарывали ордена, питая слабую надежду на то, что после победы вернутся сюда и откопают свои награды. Барвенковский выступ, столь удобный для развития викториальных фантазий горе-стратегов в Кремле, теперь превратился в жесткий котел, из которого не выбраться. Немцы прочесывали окруженцев трассирующими, швыряли в ночное небо ракеты, иногда покрикивая:

— Эй, рус, кончай ночеваты! Хенде хох... сдавайс...

...По украинским древним шляхам день и ночь тянулись длиннейшие и неряшливые колонны военнопленных; берлинские фанфары завывали на весь мир, праздную победу. Геббельс возвестил по радио, что вермахт непобедим, и под Харьковом он пленял 240 000 советских военнослужащих.

И каждый из пленных уносил в своем сердце большую гражданскую и человеческую боль, от которой не избавиться до конца всей жизни... Кто виноват?

.....
Сталин молчал. Наш историк А. М. Самсонов в научной монографии «Сталинградская битва» сообщает: «Причины этих трагических для советского народа событий долгое время не исследовались». Их попросту замалчивали! Мне, автору, понятно — почему: стыдно было признать страшные ошибки и, наверное, не стоило бередить в народе незажившие раны.

Сталин молчал. Великая страна болезненно переживала два страшных поражения — под Керчью и под Харьковом. Это легко написать, но сколько осталось сирот, сколько слез пролило вдовами, сколько горя выпало матерям. Сейчас уже не проверить, сколько людей погибло, сколько попало в плен; известно, что из окружения вышло лишь 22 000 человек. Среди них только два генерала — К. А. Гуров и А. Г. Батюня.

Сталин молчал. На этот раз он никого не винил, понимая, что виноват сам. Виноват в том, что отверг мнение Генштаба и пошел на поводу заверений Тимошенко, который заблуждался сам и вводил в заблуждение других. Теперь советские историки, анализируя причины неудачи под Харьковом, выделяют и этот факт — неверная информация Ставки о действительном положении на фронтах...

Ах, как ему хотелось предстать перед миром в прекрасной роли «величайшего полководца всех времен и народов», а теперь...

Хорошо владея собой, он встретил Хрущева вопросом:

— Немцы по радио хвастают, что взяли в плен больше двухсот сорока тысяч, почти четверть миллиона... Врут, наверное?

Никита Сергеевич и сам с ног до головы был виноват в том, что произошло, но, однако, имел мужество не кривить душой:

— Правда, товарищ Сталин! Вся наша армия там осталась, а немцам сейчас нет смысла врать...

А кто виноват? Кого посадить? Кого расстрелять?

— Под Харьковом четверть миллиона, да под Керчью эти дураки, Козлов с Мехлисом, сдали еще сто пятьдесят тысяч наших бойцов, вот и полмиллиона, словно коро-ва языком слизнула...

Ни маршал Тимошенко, ни член Военного совета Хрущев не пострадали, и это понятно — почему. Признать их виноватыми для Сталина означало признать и свою вину за поражение под Харьковом, а он, великий и гениальный, все заранее предвидящий и все понимающий лучше других, ошибок за собой никогда не признавал. Но несчастного библейского козла отпущения, изгнанного в пустыню за чужие грехи, следовало отыскать, и, будьте уверены, читатель, он его скоро отыщет...

Только через месяц — 26 июня — Сталин признал:

— Под Харьковом нам выпало пережить катастрофу, подобную той, что случилась в четырнадцатом году с армиями Самсонова и Реннекампа в Восточной Пруссии...

Поразмыслив, он дал указание для Совинформбюро:

— Сейчас народу надо сказать всю правду...

Но говорить правду народу — это не в характере Сталина, и потому холуйски-услужливое Совинформбюро признало, что под Харьковом «пропало без вести» 70 000 советских воинов.

— Пусть об этом знают враги и друзья, что мы, большевики, говорим только правду, — утверждал Сталин...

Да, я согласен, что тогдашние сводки казались нам жестоко-объективны, иногда поражая откровенностью в признании слабостей нашего командования. Возможно, они порой выглядели даже излишне трагически. С какой целью? — Эта обостренная доля правды должна была еще раз напомнить союзникам, что хватит уже «стоять с ружьем, приставленным к ноге», что второй фронт крайне необходим. Враги тоже понимали это. Германский историк Типпельскирх писал: «Открытое признание (Сталиным) поражения было первым, но не последним призывом русских к своим союзникам — не оставлять их будущим летом одних выдерживать натиск немцев...»

Мнимая откровенность Сталина была, по сути дела, призывом о помощи.

— Черчилль, — говорил Сталин, — обещал, что со вторым фронтом поспешит, а наше дело — выстоять под Москвою...

Сталин по-прежнему был твердо уверен в том, что летом немцы снова будут наступать на Москву. Напрасно наша разведка проникла в тайны кабинетов ОКВ и ОКХ, докладывая «наверх», что летом вермахт будет развернут в двух направлениях — на Кавказ и на Волгу, но переубедить Сталина было невозможно:

— Гитлер верен своему правилу! Захватив столицу в Европе, он уже считался победителем всей страны...

В таком случае фельдмаршалу фон Клюге (командующему «Центром») было совсем нетрудно укрепить товарища Сталина в его несомненной правоте, и он очень искусно проводил операцию «Кремль», чтобы Сталин остался в дураках.

Немецкая авиация демонстративно вела аэрофотосъемку подступов к Москве, полевые радиостанции «Центра», обычно осторожные, болтали о передислокации частей, в сумках убитых офицеров все чаще находили планы окраин столицы, партизаны докладывали, что немцы мастерят столбы дорожных указателей — на Москву! Немецкие офицеры, угодившие в наш плен, на допросах охотно показывали, что сейчас фельдмаршала Клюге интересует оперативная линия: Тула—Москва—Калинин. Если суммировать все эти данные, сомнений не возникало: враг уже готов повторить удар по нашей столице.

Сталину доложили, что Клюге ведет сильные атаки на московском направлении, и, наконец, перед ним на стол выложили подлинный приказ фельдмаршала от 29 мая. Вот его начало:

ДОКУМЕНТ № 1

Командование групп армий «Центр»
Оперативный отдел. № 4350042.
Совершенно секретно
Документ командования

Штаб 29. 5. 1942 г.

22 экземпляра,

20/й экземпляр

ш т а м п:

Совершенно секретно!

Содержание: «КРЕМЛЬ»

Документ командования

Передавать только офицерам

ПРИКАЗ О НАСТУПЛЕНИИ

НА МОСКВУ

(карта 1:1 600 000)

1. Главное командование сухопутных войск отдало приказ о возможно скорейшем возобновлении наступательной операции на Москву...» — и так далее.

Даже первого пункта этого приказа Сталину было достаточно, чтобы он окончательно уверовал в свои предначертания.

— Вот! — говорил он, даже довольный. — Теперь ни у кого не может быть сомнений относительно летних планов Гитлера...

Наш историк А. М. Самсонов признает: «Тот факт, что Советское Верховное Глав-

нокомандование не разгадало подлинных намерений противника на летнюю кампанию 1942 г., позволяет предполагать, что это крупное дезинформационное предприятие фашистов не осталось без последствий». Смею думать, что Сталин еще более утвердился в своем ошибочном мнении после того, как маршал Тимошенко доложил ему с фронта:

— Товарищ Сталин, по моему глубокому убеждению, противник в настоящий момент на юге уже мною ослаблен и способен лишь на вспомогательные удары. Все свои главные силы он придерживает, конечно, для нового удара по Москве...

План операции «Кремль» и эти прогнозы маршала Тимошенко имели одну общую дату — 29 мая. Конечно, это случайное совпадение, какими история иногда любит шутить над нами.

...Эта глава была уже написана мною, как вдруг недавно, буквально на днях, я раскрыл свежий номер «Военно-исторического журнала» и понял, что Сталин все-таки отыскал главного виновника разгрома армий Тимошенко под Харьковом.

Им оказался, конечно же, Иван Христович Баграмян!

«Товарищ Баграмян, — диктовал Сталин, — не удовлетворяет Ставку не только как начальник штаба, призванный укреплять связь и руководство армиями, но не удовлетворяет Ставку даже и как простой информатор, обязанный честно и правдиво сообщать в Ставку о положении на фронте. Более того, т. Баграмян оказался неспособным извлечь урок из той катастрофы, которая разразилась на Юго-Западном фронте... благодаря своему легкомыслию не только проиграл наполовину уже выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18—20 дивизий...»

Длинные колонны наших военнопленных — несчастных.

Винового нашли! Легендарный «стрелочник» необходим...

В самом конце мая Харьковская операция закончилась, и Паулюс спросил своего квартирмейстера фон Кутновски:

— Каковы потери моей армии в минувшем сражении?

— Двадцать две тысячи.

— Почему такая округленная цифра?

— Калькуляция потерь подведена лишь условно. Много пропавших без вести, еще отыскивают раненых. Кажется, — добавил Кутновски, — мы с трудом выбрались из этого кризиса?

— Да, — не скрывал от него Паулюс, — под Харьковом иногда возникали моменты, когда я думал, что город придется оставить. Но виновником моих опасений было упорство русского солдата, а никак не упрямство маршала Тимошенко... Впрочем, Наполеон был прав: бог всегда на стороне больших батальонов!

Полковник Адам настраивал радиоприемник. Из трескотни эфирных помех вдруг

выделилось имя Паулюса. Берлин голосом Ганса Фриче возвестил о том, что генерал-лейтенант танковых войск Фридрих Паулюс за полный разгром армий маршала Тимошенко возводится фюрером в кавалеры «Рыцарского креста».

— Признаюсь, — сказал Паулюс, — я надеялся на следующий чин генерал-полковника. Но стоит радоваться и кресту, ибо получение его сопряжено с приятным визитом в столицу.

Самолет приземлился в Темпельгофе лишь в два часа ночи, и Паулюс был безмерно удивлен, встретив Франца Гальдера, который ждал его. Скупно поздравив с наградой, Гальдер сказал:

— Мне без вас трудно работается, вы умели ладить с этим психопатом, а мы с ним грыземся, словно бродячие собаки из-за каждой кости. Я с трудом переношу его оскорбления, от которых краснеют не только стенографистки, но даже Кейтель с Йодлем... Садитесь в мою машину, дорогою переговорим. — Едва захлопнув дверцу, Гальдер сразу же начал бранить фюрера за непонимание самых насущных законов стратегии. — После ошеломляющей победы под Харьковом разве не абсурдно последующее расчленение армий на две группировки с дирекцией — на Кавказ и на Сталинград. Русские передушат нас там поодиочке...

Паулюс никак не желал драматизировать летние планы:

— Что бы вы сделали на месте фюрера, Гальдер?

— Сейчас мне хватило бы лишь одного Сталинграда.

— Но тогда моя шестая армия образует невыгодный клин с необеспеченными флангами от Воронежа до Ростова, вот тогда-то меня русские и задушат...

Гальдер сказал, что падение Воронежа (со стороны барона Вейхса) и возврат Ростова (со стороны Клейста) будут обеспечены в ближайшее время.

— Таким образом, ваша боязнь за свои драгоценные фланги отпадает сама по себе. Дело не в этом! — многозначительно произнес Гальдер и замолк, надвинув козырек фуражки на глаза.

Машина мчалась во мраке, пронзая улицы Берлина, еще два-три поворота, и они выедут на Альтенштайнштрассе.

— Вы, кажется, не поняли меня, — продолжил Гальдер. — Выходом к Волге я бы разом перекрыл все краны, из которых русские черпают горючее, и Красная Армия скончалась бы сама в жестоких корчах топливной дистрофии. Но при этом нам не пришлось бы штурмовать Эльбрус и залезать в Баку!

— И вы ждали меня, чтобы...

— Ждал. Чтобы просить вас, Паулюс, при свидании с фюрером убедить его высочайшее невежество в стратегической выгоде одного лишь сталинградского направления.

— Обещаю. Но при условии. Если ваши

оперативные сентенции не нарушат ритуала моего награждения...

(Оба они, и Гитлер и Гальдер, желали выиграть войну, теперь уже если не оружием, то хотя бы топливным дефицитом советской промышленности, конкретным наличием советских двигателей. Но подходили к этой победе разными путями. Гитлеру хотелось сосать горячее прямо из нефтяных скважин Кавказа, а Гальдер, более осторожный, желал лишь перекрыть Волгу, которая в те годы была для нас главным «нефтепроводом». Мне, автору, трудно давать оценку вражеским рассуждениям. Я сошлюсь на мнение видного английского историка Лиддела Гарта: в книге «Стратегия непрямых действий» он писал о планах вермахта на Кавказе: «Это был тонкий расчет, который был ближе к своей цели, чем принято думать...»).

Дома Паулюса не ждали: разбуженная его появлением жена, оказывается, все уже знала — по газетам.

— «Рыцарский крест», — горячо шептала она, — к нему бы еще мечи и дубовые листья. А потом и жезл фельдмаршала... Ах, Фриди! Как я счастлива, что стала твоей женой... Мне последние дни все чаще вспоминался давний Шварцвальд, наша первая прогулка в горы, где у тебя закружилась голова.

— Коко, спасибо тебе за все! — отвечал Паулюс. — Но голова у меня кружится и теперь. Я трудно переношу всякую высоту...

Берлин сильно изменился. Высокие заборы отгораживали здания, уничтоженные английскими фугасками. Прохожие выглядели озабоченно. Семья Паулюса нуждалась не коснувшись, но другие — не элита общества! — получали в неделю 250 граммов сахара, столько же маргарина, который иногда заменяли свекольным мармеладом. На все продукты были введены карточки, ордера-бецгшайны — на одежду и обувь, особые талоны — купоны — на обед в ресторанах. Горничная рассказывала Паулюсу:

— Множество талонов и карточек! На случай отпуска, болезни и регистрации брака. Карточки для тех, кого еще не бомбили, и карточки для тех, кто уже испытал это безумное удовольствие, для инвалидов другие — с повышенной калорийностью. Если бы не посылки солдат с Украины, я не знаю, как бы мы тут жили...

Бархатный воротник генеральского мундира ласкал шею Паулюса, которую облегал лента «Рыцарского креста». Гитлер долго тряс руку, заглядывая прямо в глаза:

— Сейчас есть два громких имени в Германии — это вы и Роммель! Я всегда высоко оценивал ваши способности и был рад доверить вашему руководству именно шестую армию, лучшую армию вермахта. Надеюсь, победа под Харьковом послужит для вас удобным трамплином для прыжка через Дон — прямо к Волге! Помните, что я вам сказал однажды: с такою

армией, как шестая, можно штурмовать даже небо...

После таких слов терялся всякий смысл отстаивать брюзгу Гальдера, и Паулюс вскинул руку в нацистском приветствии.

— Служу великой Германии! — был его ответ по уставу...

Геббельс в эти дни сотворил из Паулюса кумира всего вермахта, сделал из него популярный «боевик» для своей пропаганды. Газеты именовали Паулюса подлинно-народным генералом, вышедшим из народных низов, его называли героем нации, портреты Паулюса были выставлены в витринах магазинов на Курфюрстендам, их показывали в обрамлении лавровых венков. Правда, подле изображения Паулюса всегда соседствовали и портреты его приятеля — Эрвина Роммеля. Иногда между ними являлся и весело хохочущий Курт Зейдлиц, аристократ с лицом деревенского парня, герой прорыва окруженной армии из гибельного Демянского котла...

— Фриди, ведь это слава, — говорила Коко, стараясь не выдавать своего ликования. — Когда смотрят на тебя, то все невольно оглядывают и меня. Расскажи мне еще раз о нашем сыне.

— Не волнуйся. Доктор Фладе следит за его здоровьем. Я его отправлю погостить к румынскому дяде и твоему брату, пусть он восстановит силы на королевском курорте в Предеале...

Паулюс появился с женою в опере, и за спиной не раз слышал восторженные голоса: «Паулюс... тот самый! Герой нации и любимец фюрера...» Да, это была слава, которая не так уж часто ласкает честолюбие полководцев.

...Прямо от стола гессенского зала «Фатерлянда», доев свои оладьи с подливкой, Паулюс вылетел на фронт. В полночь радист «юнкерса» принял из эфира депешу из канцелярии Геббельса, извещавшую Паулюса, что скоро прилетит в Харьков радиокomentатора Ганса Фриче, чтобы тот с места событий воспевал героические подвиги его прославленной армии.

Паулюса на аэродроме в Харькове встречал верный Адам.

— Я уверен, — сказал ему Паулюс, — что фон Клюге, разыграв эту фальшивую операцию «Кремль», замаскировал внимание русских от наших южных направлений. Завтра мы и приступим...

Спал он очень мало, но рано утром в Красных Казармах Харькова, где когда-то размещались штабы советской армии, Паулюс сразу поднялся в оперативный отдел.

— Внимание! — распорядился он. — Прошу разложить карты большой излучины Дона, которая выгибается столь усердно, словно природа когда-то желала влить донские воды в Волгу.

Сразу засуетились десятки расторопных офицеров:

— В каком масштабе карты? В стратегическом?

— Нет. Сразу в оперативном. Уже в

конце июля этого года мы должны быть в Сталинграде на Волге.

— Тогда прикажете готовить и карты Волги?

— Да, от Саратова до Астрахани. Я выбираюсь на черту, которую САМ и установил для вермахта два года назад... Внимание!

19. НА ПОРОГЕ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

...Первые бомбежки Сталинграда (начались еще в апреле) не нарушили городского ритма, зенитки огнем отстояли цеха заводов от фугасок, но Рихтгофену удалось высыпать вороха зажигалок на жилые кварталы Рынка, на рабочий поселок СТЗ. Фронт надвигался. Из станции Вешенской, где проживал М. А. Полохов, сообщили, что их бомбят непрерывно.

Воронин удивлялся:

— За что так достается станице Вешенской?

— Как не понять? Популярность Шолохова исключительная, лишиться его сейчас — нанести рану всем нам, а заодно и порадовать Геббельса... Вот и сыпят осколочными! Я недавно видел Михаила Александровича, — сказал Чуянов, — он в ужасном состоянии и, подобно многим казакам, отказывается понимать, как это случилось, что немецкие танки уже вылезают к тихому Дону.

— Я тоже не понимаю, — сознался Воронин. — Черт его задери — этот Барвенковский выступ! С него-то все и началось. Как говорится, «пошли по шерсть, а вернулись сами стрижены...»

В это время у нас в стране с доставкой горючего все было более или менее в порядке, не хватало только высокооктановых сортов авиационного бензина (его поставляли нам союзники с караванами — через Мурманск). Москва постоянно требовала от Астрахани и Сталинграда энергичнее перекачивать в верховья Камы запасы жидкого топлива — судами «Волготанкер» или нефтеналивными баржами. С трудом, но справлялись! Сама цифра вывоза невольно ужасала — десять миллионов тонн, в первую очередь следовало спасти высококалорийные нефтепродукты (бензин и лигроин). В низовьях Волги уже не знали, куда сливать запасы нефти, поступающие из Баку в немислимых количествах. Емкостей для хранения не было.

Алексей Семенович срочно вылетел в Астрахань, где увидел гигантские нефтяные озера в искусственных ямах. «Немецко-фашистская авиаразведка, — писал он в дневнике, — непрерывно ищет эти склады... Подняли на ноги всех пожарников. Всякое может быть — и бомба, и удар

молнии в земляной склад, а тогда катастрофа неминуема». Чуянова порадовало скорое создание многопролетного моста через Волгу под Астраханью — мост позволял «протолкнуть» длиннейшие эшелоны, застрявшие на путях Кавказа.

Домой возвращался на полутонном истребителе, который все время забирал в полете правее, в Калмыцкие степи, чтобы не напороться на немцев; подлетая к стalingрадской Бекетовке, издали видели шапки зенитных разрывов — это девушки-зенитчицы отстаивали от пиратов Рихтгофена элеватор, мясобойни и здание Сталгрэса.

Алексей Семенович выискивал скрытые резервы города.

— А что делают наши трамвайщики? — однажды спросил он.

— Как что? Людей возят. На работу и обратно.

— Бездельники! У них там свое депо, свои мастерские и старые рабочие кадры. Пусть наладят производство гранат...

Над столом Чуянова — плакат: «Все для фронта, все для победы!» Кирпичные заводы Сталинграда уже выдавали взрывчатку — динамом марки «О». Чуянов вспомнил, что в вагонном депо задержали сдачу бронепоезда фронту: не хватало спирта, нужного для обработки металла. На звонок в депо дежурная ответила, что инженера Головченко теперь у них нет:

— Под статью подвели. Наверное, давно ходанули.

— Головченко? — оторопел Чуянов. — Под статью? За что?

— Не знаем. Дело тут темное, а мы люди маленькие...

Воронин сообщил из НКВД, что тюрьма уже переполнена:

— Провели облавы по вокзалам и пристаням, в очередях. Взяли всех, кто без документов. Спекулянтов, дезертиров, хапуг, жуликов, паникеров. В донских станциях каждую ночь ловят диверсантов. Посылаю туда истребительный батальон.

— Стоп! Сначала доложи — что там с Головченко?

— Отцепил, гад, цистерну со спиртом и унял к себе в депо.

— Спирт-то он пил?

— Нет. Все трезвые.

— Живой?

— Не знаю.

— Приостановить действие приговора...

— Пойдите! Он же ведь сам во всем сознался.

— К вам только попади, так сразу сознаешься, что это я велосипед изобрел. А я знаю Головченко, это честнейший человек, трудяга. Не спорю, что увел спирт. Просто он напоролся на нашу бюрократию. Дело в депо стояло, а под боком торчала на путях и эта цистерна со спиртом. Вот и пошел на преступление. Но ради дела общей победы... Головченко я не отдам! Буду жаловаться.

— Семеныч, да кому жаловаться-то?

— Лично товарищу Сталину. Если ты, начальник областного НКВД, однажды

отыскал целый эшелон с пушками, то почему бы другому эшелону не потерять одну цистерну со спиртом? Понял? Или не дошло?

Воронин, уходя, оставил ему вражескую листовку: «Сталинградские дамочки, готовьте свои ямочки», — так и было написано.

— Во, заразы! — ругался Чуянов. — Хоть бы постыдились. И где они поэтов находят... однако, все в рифму.

Чуянов, весь в запарке, уже издерганный, позвонил в Воронеж — секретарю тамошнего обкома партии Тищенко:

— Владимир Осипыч, как там справляешься?

— А... никак! — донеслось из Воронежа. — У меня в городе уже двадцать два госпиталя. Эвакуированные. С детшками. С мешками. Голодные. На вокзалах — стон стоит. По улицам гонят колхозные стада. Коровы ревут, их не успеваем выдавать. Элеваторы забиты зерном. Молотье уже некогда. Зерно самовозгорается. А тушить — вода. Значит, зерно сгорит. В холодильниках всего навалом. Начиная со шпика и кончая банками с камчатскими крабами. Вывозить? Так нет транспорта. А есть транспорт, так нет безизна. Лимит, братец, лимит! Мне кричат из Москвы: «Вывози, такой-сякой-немазанный...» А — как?

Чуянов выслушал коллегу, посочувствовал, ответил:

— Только не гони беженцев ко мне — Сталинград не резиновый. Со скотом тоже не знаю, как быть... Бомбят?

— Не очень. Уже привыкли.

— Ну, жди! Ты ближе. Западнее... Пока!

Только отговорил с Воронежем, звонок из Астрахани:

— Семеныч, это я — Голышев... Нас тут бомбами разнесли к чертям собачьим. В городе пожары. Деревяшки горят. Два часа без передыху садили по переправам. Водопровод не действует. Сидим без света. Но нефтехранилища уцелели... Мы тут сами диву даемся: как немцы в самолетах сверху их не заметили?

Никак было не дозвониться в местный штаб ПВО, пришлось связаться с генералом Герасименко, начальником военного округа:

— Василий Филиппович, слышал ли? Астрахань уже разбомбили. Я на днях летел оттуда, так с высоты видел нефтяные ямы — они сверху как зеркала. Понимаю. Одежлом не закроешь. Но ты подумай сам: нужны ли над нефтехранилищами аэростаты? Что? Отпугивать врага? А, может, наоборот, они привлекают? Эти «колбасы» и у нас в Сталинграде точно показывают немцам, где мы храним все свое горючее... Ладно. Ты найди ко мне.

А потом думал: «Ну, ладно — нефть. А как замаскировать от летчиков огненное зарево мареновских печей? Ведь ночные бомбардировщики видят их пламя за многие мили и летят, как мухи на патоку... Чем тут закроешься?» Из Вешенской со-

обшили, что немецкая авиация недаром кружила над станицей: вчера бомба разорвалась как раз во дворе дома Шолохова.

— Мать писателя погибла. Михаил Александрович страшно переживает. Семью он потерял. Наверное, после похорон выедет к вам. Вы уж как-нибудь утешьте его... Ладно?

— Вскоре Чуянова навестил командующий округом Герасименко:

— Жарко, Семеныч. А я к тебе... по важному делу.

— Садись. Я тоже замотан. Ну, что у тебя?

— Понимаешь, — начал Герасименко, прищелкнув пальцами для полноты впечатлений, — у нас в гарнизоне полно девах разных. По мобилизации. Ну, и добровольно. При зенитных батареях служат.

— Ну, как же! Знаю. Уважаю.

— Уважения мало, — сказал командующий. — Их еще и одеть надо. У них там все по вещевого аттестату: гимнастерки, шапки, ватники... Все есть, сам понимаешь, но для девок этого мало.

— Так чего же им еще не хватает?

— А куда прикажешь титьки девать?

— Какне титьки? — совсем обалдел Чуянов.

— Самые обыкновенные. И нуждаются наши зенитные батареи как раз в том, что в вещевого аттестате солдату не предусмотрено.

— А что там?

— Нужны бюстгальтеры, а в наших магазинах, я уже пошукал, одни барометры для измерения атмосферного давления да еще вот такие громадные щипцы для завивки волос — и все!

— Слушай, дорогой, где я тебе бюстгалтеров наберу?

— Твое дело. Хоть тресни, а достань, — заявил Василий Филиппович. — Это еще не все: девка — организм сложный, на солдата мало похожий. Как хочешь, а каждый месяц ей по куску ваты давай... опять же в вещевого аттестате не предусмотрено, чтобы солдата ежемесячно ватой снабжали.

— Ну, ладно, — сказал Чуянов. — Пошурую. Может, найду... Ах, боже мой, какие мы, Филиппыч, все убогие да бедные. И ни хрена у нас нету. Чего ни коснись — все проблема...

Герасименко ушел. На пороге кабинета возник солдат штрафного батальона, бывший инженер вагонного депо П. А. Головченко:

— Пришел проститься перед отправкой... Спасибо, Алексей Семеныч, что не дали пропасть, как собаке. Штрафбат тоже не сахар, сами понимаете. Но тут хоть честно — до первой крови. А уж крови не пожалее. Войница тут такая пошла...

Чуянов вышел из-за стола, обнял штрафника.

— Ты меня тоже прости. Если б мы умели работать, как надо, тебе не пришлось бы воровать по ночам цистерны со спиртом... Хорошо, что зашел. Давай брат,

по стакану: тяпнем перед разлукой. Так уж положено: на святой Руси. Закуски, правда, нет, да и хрен с ней, с закуской, рукавом утремся. — Выпили, утерлись, помолчали. — Куда ты теперь? Далеко ли? — спросил Чуянов.

— Да нет. Это раньше на войну далеко ходили... Вон Суворов, аж в Италию забрался. А теперь... завтра уже буду в окопах!

Чуянов показал инженеру немецкую листовку: «Сталинградские дамочки, готовьте свои ямочки».

— Во, какая поэзия у нас поехала. Хоть плачь, хоть смейся. Оказывается, Паулюсто уже двадцать пятого июля обязан выйти к Волге, вот и нажимает на Дону. Но Сталинград не сдадим. Верю, что наш красноармейский ансамбль песни и пляски под управлением товарища Александрова еще споет и спляшет в Берлине...

— Я до Берлина не дойду... ухайдакают меня здесь, на пороге родного дома. Так что это хорошо, что мы выпили. В разлуку вечную. Ну, ладно. Пора идти.

Головченко повернулся и ушел воевать — недалеко, здесь.

С улицы раздался трубный рев — это служители зоопарка повели к Волге купаться слонику Нелли.

После катастрофы под Харьковом в войсках Тимошенко отрезались от ложного представления, будто враг ослаблен, а мы каким-то чудом усилились. Вермахт показал свои зубы, хотя уже и расшатаанные, но внешне еще здоровые, способные разрывать все живое. Резкий перелом в делах на фронте повлиял даже на маршала Тимошенко: теперь он соглашался на отвод войск, лишь бы не оказаться в позорном окружении.

Сталин, сущий дилетант в вопросах стратегии, по-прежнему был уверен, что снова подвергнется нападению Москва — ложная операция «Кремль» убедила его в этом, а потому возле столицы были развернуты главные резервы. Особой озабоченности у Сталина еще не было, хотя он уже понимал, что маршал Тимошенко — это лишь парадная вывеска довоенных времен, а к управлению армиями он полностью неспособен. Но...

— Где мы сыщем Гинденбурга? — не раз говорил Сталин, перебирая военачальников, способных выправить положение на южных фронтах.

В один из дней А. М. Василевский застал Сталина беседующим по телефону, и речь Верховного была раздраженной:

— Вы постоянно твердите мне о слабости противника, но при этом требуете от меня новых резервов... У меня нет танков! Я вам для Харькова уже дал танков гораздо больше, нежели их было у противника, но вы не умеете их использовать, а кончили тем, что половину танков отдали противнику...

Разговор окончился. Поймав на себе во-

просительный взгляд Василевского, Сталин сказал, что звонил Тимошенко.

— Тоже не... Гинденбург! — вдруг сказал он.

Было видно, что Сталин ищет ему замену, но еще не решил, на каком из полководцев остановить свой выбор. Задумчиво набивая табак в трубку, Верховный недовольно проворчал:

— Еременко тоже... но в обороне был совсем неплох. Вообще-то генерал из драчливых. Жаль, что он сейчас ранен.

Если «кадры решают все», то война, самый жестокий судья, сама отбирает кадры, внимая гласу народному, гласу божьему.

Но Сталину этого еще не понимал — он желал назначать людей указом, считая, что его указа вполне достаточно, чтобы человек, отмеченный его доверием, сразу заблестал талантами. После провала Керченской операции уже был образован новый для страны фронт — Северо-Кавказский, а командовать этим фронтом Сталин послал — кого бы вы думали? — опять-таки песенно-конюшенного Буденного, которого уж никак не причислить к плеяде всяческих гинденбургов. Мало того! Сталин указал ему — заодно уж — командовать и Черноморским флотом, что, сами понимаете, не вызвало бурной радости среди моряков-черноморцев...

Сталин злобно выколачивал пепел из своей исторической трубки:

— Ладно, — сказал он Василевскому. — Вы позвоните Еременко в госпиталь. Справьтесь о здоровье. А я звонить не хочу... чтобы он не зазнался!

21. НАЧАЛО ЖАРКОГО ЛЕТА

Они начали наступление почти одновременно, только цели их наступления были несопоставимы — Роммель вышел к Эль-Аламейну с 13 танками без горячего и толпою оборванцев, падавших от изиурения и амёбной дизентерии, а Паулюс, тоже страдавший поносом, вел к Сталинграду 270 000 солдат и стойкие панцер-дивизии полного состава... Разница есть! Была разница и в другом: Паулюс, в отличие от Роммеля, не был полководцем с фантазией и размахом — зачастую он оставался как бы некоей промежуточной станцией, чтобы, получив сверху приказ, затем спустить его вниз, пунктуально приготовив его для исполнения. В этом Паулюс был сродни барону Вейхсу — они оба методично и выносливо работали в одной и той же упряжке, как волю, согласные тянуть любой воз, лишь бы их пореже стегали...

6-я армия находилась в зените славы, считаясь непобедимой. Германский солдат был еще крепок. Напрасно Илья Эренбург писал, что армию Гитлера составляют дети или старики, ослабленные инвалиды, проклинающие Гитлера и жаждущие одного — поскорее оказаться в плену. Немецкий солдат лета 1942 года был еще молод, в основном не старше 30 лет, это были здоровые и хорошо обученные вояки. Такого солдата не так-то легко было выбить с его позиций, и сдавал он их лишь по приказу свыше.

Взятые в плен немцы держались еще нахально:

— Отчего бы нам унывать? Это вы, русские, можете плакать, а мы воюем не на своей, а на чужой территории...

Они жгли, убивали, вешали и выдирали все живое. Руины оккупированных ими городов зарастали чертополохом, на центральных проспектах росла крапива, словно на погорелых пустырях, а они, расстегнув мундиры и засучив рукава, шагали на восток, упоенно распевая частушки, сложенные на русском языке, чтобы мы, русские, еще раз осознали все свое унижение:

Нема курки, нема яйки.

До свидания, хозяйки!

Съели сало, нема свинки.

Будь здорова, Катеринка!

Зять Паулюса, барон Альфред Кутенбах, исполняя обязанности переводчика при штабе его армии, был в эти дни настроен подавленно. Было заметно, что после побед под Харьковом его угнетает фронтальная обстановка, и однажды он сказал:

— Когда мой предок торговал головками сыра на базарах Тифлиса, он, конечно, еще не думал, что я, потомок его, вернусь на эту землю как завоеватель, которому русские готовы плюнуть в глаза... Их сдерживает, очевидно, только мой черный мундир СС, внушающий им осторожность.

Паулюс понял, на что зять намекает, но виноватым в страданиях населения он себя не считал, напротив, даже гордился отменой жестоких приказов покойного Рейхенау.

— К чему вы завели этот неприятный для меня разговор?

— Мне он неприятен тоже, — помялся зондерфюрер СС. — Но я изучал русский язык со всеми его выкрутасами совсем не для того, чтобы воспитывать в себе сознание превосходства над русскими. Напротив, я привык уважать их культуру, их характеры и даже их логику, не всегда доступную для понимания европейцев. Из истории же известно, что Европа жила спокойно только в те периоды, когда Россия и Германия были друзьями и, напротив, Европа задыхалась от страданий и кровопролития, когда русские с немцами не ладили.

— Это у вас еще от Бисмарка, — отмахнулся Паулюс.

— Плевать — от кого, но теперь я боюсь, что ненависть русских к нам, нем-

цам, с концом этой войны не закончится. Хотя меня, — заключил Кутченбах, — отчасти порадовали слова Сталина о том, что гитлеры приходят и уходят, а Германия и немецкий народ остаются...

Паулюс сказал, что Сталин — плагиатор, эти слова принадлежат поэту Арндту, который в 1812 году, будучи в Петербурге, говорил, что кайзеры приходят и уходят, а Германия остается.

— Однако при этом Сталин не мешая Илье Эренбургу разжигать в своих статьях лютую ненависть к нам, немцам. Читали?

— Слежу за его статьями внимательно. Но Ганс Фриче, из министерства пропаганды, выражается о русских еще заборнее...

Во время событий под Харьковом Иоахим Видер, ведая разведкой, посвящая командующего армией в дела противника, он же знакомил Паулюса с допросами пленных. «Я помню, — вспоминал Видер, — какое сильное впечатление произвели на нас тогда некоторые сведения... о непрерывно растущем производстве танков на эвакуированных далеко за Урал русских заводах». В самом конце мая Видер показал Паулюсу карту фронта, взятую из планшета убитого русского офицера:

— Зная ваше пристрастие к оперативной работе, осмеливаюсь обратить ваше внимание на планы отхода русских.

Карта была проработана разноцветными карандашами рукою талантливого оператора, и Паулюс невольно восхитился ею:

— Классический образец высокой штабной культуры. Тщательность исполнения позволяет сделать вывод, что нынешнее отступление русских планомерно. Ведь когда войска драпают, тогда в штабах не думают, какими карандашами рисовать стрелы наших прорывов... Какие еще новости?

— Ничего существенного. Но на днях фюрер распорядился, чтобы всем генералам его ставки привили сыворотку от малярии.

— О чем это говорит, Видер? Не догадываетесь?

— Догадываюсь, что фюрер боится русских комаров. А значит, после прививок он со всем синкликом появится на фронте.

— Хвалю за пронциательность, Видер! Время быть постоянно побритыми и думать о чистоте наших манжет...

1 июня аэродром Полтавы, оцепленный эсэсовцами, принял личный самолет фюрера: Гитлер, сходя по трапу на землю, одной рукой делал небрежное «хайль», а другой держал себя за левую часть задницы — место укола от малярии. Вместе с ним в штаб группы армий «Юг» прилетели Кейтель с Йодлем и Хойзингером из ОКХ, обрадованные свиданием с Паулюсом.

— Перемены, но... потом, — успел шепнуть Хойзингер.

После выкриков команд и необходимых приветствий сразу же и резко защелкали дверцы хорьхов и ошелей; генеральские ма-

шины образовали длинную стремительную колонну, едва поспевающую за бронированным мерседесом фюрера. На окраинах Полтавы зеленели соловьиные рощицы, виднелись желтые незасеянные поля. В уличной пыли города копошились курицы обывателей, старухи с прутьями в руках гнали гусей от Воркслы, в раскрытых дверях парикмахерских стояли грубо размазанные немки, прервавшие завивку волос, чтобы посмотреть на кортеж фюрера, а русские и украинцы сиротливо жались по обочинам улиц.

Паулюс ехал в одной машине с Гансом Фриче; Фриче сообщил, что направлен сюда лично Геббельсом, который к 6-й армии испытывает какую-то дьявольскую нежность:

— А вся его любовь, ранее обращенная к Рейхену, теперь обращена лично к вам... Я обязался состряпать для радиослушателей серию боевых репортажей о вашей армии. А вы не продадите меня, Паулюс? — вдруг лукаво спросил Фриче.

— Нет смысла, — отвечал Паулюс.

— Тогда я вам посоветую по секрету: гоните свою армию как можно скорее за большую излучину Дона — к Волге.

— А — что?

— Как только Сталинград будет взят вами, вы понадобитесь фюреру совсем в другом месте.

— Любопытно — в каком?

— В заднем проходе.

— Извините, Фриче, не совсем вас понял.

— Как? Разве до вас не дошло, что «Вольфшанце» и ОКВ фюрера теперь принято называть «задним проходом вермахта».

— Впервые слышу. И кем же я стану... в этом проходе?

— А вот этого я вам не скажу. Возьмите Сталинград, и тогда все узнаете сами, каково жить под хвостом у фюрера...

В штабе фельдмаршала фон Бока были заранее разложены громадные карты — от Саратова до Астрахани. Помимо танковых «богов», Клейста и Гота, вокруг стола оживленно толпились Паулюс, Рихтгофен, барон Вейхс и прочие. После поражения под Москвой у Гитлера потрясывалась левая рука, и он обрел привычку придерживать ее правой рукой, чтобы другие трясушки не заметили.

— Как ваши румыны? — мимоходом спросил он Паулюса.

— В оперативном плане осложнений не возникало.

— А что поделывают ваши итальянцы? — Пользуются исключительным успехом у местных колхозниц. Дезертируя, они, как правило, укрываются у женщин, которые не выдают их нам, как не выдают и своих партизан.

— А как партизаны?

— Здесь мало лесов, мой фюрер, а в степных оврагах трудно найти укрытие, и хотя часто случаются диверсии, но партизанской войны не предвидится...

Прежде чем фон Бок начал доклад, Гитлер попросил Паулюса и Вейхса встать подле него, и это ближайшее соседство с фюрером как бы определяло главные стратегические направления — на Сталинград и Воронеж. (Странно и даже дико звучит, но вся большая стратегия вермахта летом 1942 года заключалась в краткой формуле: путь на Москву лежит через нефтепромыслы Кавказа с выходом на Волгу в Сталинграде, — неужели, думаю я, Паулюс не замечал примитивности этой задачи?..).

Гитлер сразу сказал, что вечером улетает обратно:

— У меня нет времени, в Хельсинки меня ожидает барон Маннергейм, которому исполняется семьдесят лет, а потому, господа, выявим главную суть того, что определит наши летние успехи согласно плану «Блау». Будем считать, что весна прошла в частных операциях, а теперь предстоит серьезная борьба за обладание стратегическими плацдармами... Барон Вейхс, от вашего удара по Воронежу зависит продвижение шестой армии Паулюса, а от того, как сложится успех шестой армии, зависит и завоевание Кавказа... Будем конкретны, — призвал фюрер. — Вопрос ставится так: Советы должны быть вообще отрезаны от Кавказа, и тогда наш московский партайгеноссе поймет сам, что война проиграна и ему следует из Кремля выезжать с мебелью, чтобы искать себе новую квартиру...

Кейтель при этом остро блеснул линзой монокла:

— Главное сейчас — скорость танкового прорыва у Воронежа. — Вейхс понятно кивнул, а Кейтель обернулся к Паулюсу. — Ваша армия с танками Гота, как бы стекая вниз по течению Дона, должна свертывать русский фронт в гигантский рулон, подобно тому, как скатывают в трубку географические карты или убирают с паркета ковры... Что вам не ясно, Паулюс?

— Ясно все. Но я не вижу совпадения пропорций между задачами моей армии и ее боевой потенцицией.

Он хотел сказать, что желал бы ее усиления.

— Не беспокойтесь об этом, — ласково ответил Гитлер. — Во втором эшелоне готова итальянская АРМИЯ Итало Гарибальди, а Клюге из «Центра» передаст вам две танковые и две моторизованные дивизии. Второго фронта не будет, и потому, Паулюс, я безбоязненно пригону из Европы для вашей армии еще одну танковую и шесть пехотных дивизий... Куда же еще больше?

Во время короткого перерыва, посвященного закуским, распиванию пива и пересудам, Хойзингер тишком предупредил Паулюса, что Гитлер, кажется, решил расстаться с Йодлем:

— Йодль мрачно взирает на будущее. Соответственно, готовьтесь занять его место, для чего вам предстоит переместиться

из окопов в «Вольфшанце»... ближе к фюреру... Вы не верите?

— Ганс Фриче уже намекнул мне на это, но... верить ли? Разве наш фюрер откажется от услуг ходячего архива вермахта? Голова Йодля так идеально устроена, что он вынимает из нее тысячи номера дивизий, все даты прошлых событий, все имена офицеров, живых и мертвых, и никогда не ошибается...

Дела призвали всех обратно — к картам. Гитлер не сказал ничего нового, но повторял избитые фразы о сырьевых ресурсах, о пшенице и горючем, закончив свою энциклику словами:

— Если я летом не получу от вас, господа, нефть Майкопа и Грозного, Я ДОЛЖЕН БУДУ ЗАКРЫВАТЬ ЭТУ ВОЙНУ...

Эту многозначительную фразу Паулюс сохранил в памяти и донес ее до судей Нюрнбергского процесса. Но за кулисами совещания Гитлер развил эту фразу до безумия, заявив, что если Германия неспособна победить, он столкнет в пропасть полмира... Вечером Хойзингер сказал Паулюсу:

— До скорой встречи в «Вольфшанце!» Фюрер выразился конкретно: «Йодля я загоню в Финляндию, а все оперативные дела в ОКВ передам Паулюсу сразу же, как только он выберется на Волгу». Возможно, что перемещение случится и раньше, и ваше место займет Манштейн — сразу после падения Сталинграда...

Адам ожидал Паулюса с бутылкой ликера:

— Вы поделитесь со мной впечатлениями от Полтавы?

Паулюс снабдил его хронологией предстоящего наступления: Сталинград — не позже 25 июля, Саратов — 10 августа, Самару — 15 августа, Арзамас — 10 сентября, а в Баку вермахт обязан войти в конце сентября.

— Меня, — сказал Паулюс, — сейчас волнует «задний проход».

— Простите, не понял.

Паулюс объяснил Адаму значение этих слов.

— Туда легко забраться, но трудно оттуда выбраться...

...Пройдет время, и фельдмаршал Паулюс (в русском ватнике, в болотных сапогах, с лубяным лукошком в руке) будет бродить в русских лесах под Суздалем, собирая грибы. Но даже здесь, в благословенной тыловой тиши, пронизанной свистением птиц, его не оставит эта тревожная мысль — об изгибах судьбы, о капризах фатума, о влиянии рока:

— Моя судьба могла сложиться иначе. Если бы я взял тогда Сталинград, я бы уже не гулял в этом дивном лесу, радуясь опятам и маслятам. Йодль на Нюрнбергском процессе как-нибудь выкрутился бы от приговора международного трибунала. А вот я, заодно с фельдмаршалом Кейтелем, висел бы с головой, замотанной в черный мешок. Теперь думаю: неужели в Сталинграде было мое спасение?

Неужели бог сохранил меня в подвале универмага на сталинградской площади Павших борцов?...

Чувствую, пора сказать, каков был результат полководческих талантов маршала Тимошенко, — иначе, читатель, нам будет трудно осознать все то, что затем последует.

После катастрофы под Харьковом, когда Тимошенко сдал врагу 240 000 наших бойцов, в линии советско-германского фронта образовалась громадная — в сто километров! — брешь, таким образом фронт, почти оголенный, был практически разрушен. Перед врагом открылся широкий стратегический простор, выводящий его на Кавказ, в степи калмыцких раздолий, прямо к берегам матушки-Волги.

А резервов не было (и когда они будут?)

Как и летом 1941 года, перед нами встали задачи — заново восстановить фронт. Предстояло сражаться теми слабыми и разрозненными силами, что остались от разгромленных армий. Мало того, штабам приходилось срочно перестраивать свое сознание, а наступательный дух следовало заменить строго оборонительным, готовя себя к изматывающим боям.

Да, товарищ Тимошенко, это вам не линия Маннергейма!

Отступая с боями, наши бойцы говорили: — Хлебным мякишем крысиной норы все равно не заделаешь. Теперь вот шагаешь и не знаешь, где остановишься..

На рассвете 10 июня Паулус начал наступление на Волчанск (когда-то дикие Волчьи Воды, а в гербе города — волк, рысью бегущий). Расхлябанные грузовики ерзали по тем самым дорогам, что в давности были татарской «сакмой», которая выводила крымские орды на Русь — для грабежа, насилий и умыканий в злую неволю. Давно разбежались от Волчанска голодные волки, не стало татар с колчанами, зато наседали с грохотом «панцеры» и, работая одной гусеницей, волчком крутились на одном месте, пока на месте окопа не оставалась каша из земли, бревен и раздавленных людей...

В суматохе боя Кирилл Семенович Москаленко был отозван с КП: на прямом проводе была Москва, был Генштаб, был Василевский, который спрашивал — насколько их потеснили?

— Ударили крепко! Заметно направление на Купянск, однако, товарищ Василевский, продвинулись фрицы немного... немного, говорю! Километра три-четыре, не больше... Держимся, закопав танки в землю. Простите, такой грохот... я плохо слышу! На Купянском шоссе, думаю, немцы потеряли с полсотни танков. Горят... Но — жмут! Жмут, сволочи... трудно! Очень трудно...

В ответ — еле расслышал голос Василевского:

— У вас еще ничего, а со стороны Чугуева немцыжимают сильнее. Помните,

что врага надо остановить на Купянском шоссе, иначе они проскочут и дальше. А это недопустимо...

Москаленко грубо пихнул трубку связисту, выругался:

— А! Много они сейчас там в Москве понимают...

Странно перебирать немецкие фотографии того времени: Паулус, без фуражки, рот постоянно перекошен в разговоре — он что-то доказывает своим офицерам, в чем-то их убеждает, он явно озабочен, и ни разу его лицо не осветилось улыбкой... Наступление его армии вступало лишь в первоначальную стадию оперативного развития. Паулус в этот день мог похваляться лишь энергичным нажимом на Волчанск, а правые фланги его армии терялись на Изюмском направлении. Но эти скромные результаты давались ценою адского напряжения пехоты и моторов, а фон Кутновски, его квартирмейстер, доложил:

— Что у вас тут творится? Такое впечатление, что передовые цепи попали в мясорубку... потери немыслимые с первого дня!

Конечно, немецкая организованность работала четко, и там, где дело касалось подвоза боеприпасов или воздушной поддержки — там никаких перебоев не возникало, но к вечеру и она дала первую осечку. В самом неожиданном месте — вдруг кончился морфий в передовых лазаретах обработки раненых. Генерал-лейтенант Отто Ренольди, начальник медицинской службы 6-й армии, срочно выехал туда, и его встретили вопли искалеченных.

— Если в Германии нет больше морфия, — орал фельдфебель с оторванной ногой, — так, наверное, еще найдется пуля, чтобы прикончить меня сразу.

Один гренадер не выпускал из руки гранату:

— Я взорву себя и всех вас! — кричал он. — Воткните мне шприц, или я сейчас угроблю всю вашу контору...

На узких носилках тихо стонал обгоревший танкист:

— О, майн гот! О, моя Даниэлла, о, мои дети...

Слова очевидца: «Я наглядно ознакомился с кровавой палитрой полевой хирургии... Самое тяжелое впечатление от попавших в зону минометного обстрела». В операционной палатке хирург с сигарой в зубах задержал скальпель над развороченной раной, когда увидел генерала Ренольди.

— Ну, что? — спросил он. — Вошли мы в Купянск?

— Не пройти, — отвечал Ренольди.

— Сотня трупов на одном этом шоссе... Мы их держим в штабеле, надеясь свалить на кладбище в Купянске.

— Зарывайте здесь... у шоссе, — отвечал Ренольди. — Сейчас настал такой момент, когда не до церемоний...

К ночи разразилась гроза, хлынул оглушительный ливень.

Начался отход наших частей, сильно поредевших, измотанных динамикой суточно-

260

го боя. Колеса телег застревали в глубоких лужах, лошадиные копыта слякотно вырывались из раскисшей грязи...

14 июня танки Паулюса прорвались у Волчанска.

22. ПРОПАВШИЙ САМОЛЕТ

...17 июня 1945 года группа наших офицеров въехала в люксембургский городишко Бад-Мондорф, где американская администрация устроила им свидание с Кейтелем, ожидавшим суда в Нюрнберге.

Сохранился очень интересный протокол этой беседы, опубликованный в нашей печати только в 1961 году. История войны со многими ее тайнами в 1945 году еще не была расшифрована, многое от нас было сокрыто, и я думаю, что наши офицеры попросту не обратили внимание на одну из фраз Кейтеля, которая сейчас имеет особое значение для познания сложной предыстории Сталинградской битвы. Вот она, эта загадочная фраза:

— В самый последний момент перед наступлением на Воронеж стало известно, что майор Рейхель, один из офицеров генерального штаба... видимо, попал в руки русских. Кроме того, в одной из английских газет проскользнула заметка о планах немецкого командования (на Востоке), в которой упоминались точные выражения оперативной директивы генерального штаба. Мы ожидали контрмер со стороны русских и впоследствии были очень удивлены, что наступление на Воронеж сравнительно быстро увенчалось успехом...

Я тоже удивлен! И пусть удивится читатель, почему Сталин, поверив в фальшивую операцию «Кремль», все-таки пренебрег подлинными документами, сочтя их дезинформацией.

19 июня в Харькове закончилось оперативное совещание офицеров, которое проводилось при штабе 40-го танкового корпуса генерала Георга Штумме. Здесь были доложены результаты свидания с Гитлером в Полтаве, планы высшего командования на летний период 1942 года... Ближе к ночи Паулюса навесил серый от пыли полковник Вильгельм Адам.

— Не знаю, чем все это кончится, — сказал он, — но сейчас по всему фронту идет такой перезвон, будто мы попали на междугородную телефонную станцию.

— Что еще могло случиться, Адам?

— Ерунда какая-то... Пропал «Фезелер-шторх», на котором из Харькова вылетел в свою дивизию майор Иоахим Рейхель.

— Напомните о нем.

— Рейхель — начальник оперативного отдела двадцать третьей дивизии. Он вылетел из Харькова, но в свою дивизию не попал. А при нем был портфель, набитый

секретными документами и картами... Сейчас штабы обзванивают весь фронт, всех подряд.

Паулюс поначалу никакого волнения не выказал:

— Найдется. И самолет. И майор. И его портфель...

Нашли! В ночь на 20 июня советский Генштаб получил сообщение с фронта, что в районе поселка Белянка (Нежеголь) воины 76-й стрелковой дивизии подбили «Фезелер-шторх», который и сел прямо на брюхо. Два офицера и летчик сгорели.

— Но один майор с портфелем выскочил из «шторха» и, отстреливаясь, хотел драпануть в кусты. Его шлепнули наповал. В портфеле оказались оперативные планы германского командования относительно операции «Блау»...

Николай Федорович Ватулин, бывший тогда заместителем начальника Генштаба, впоследствии глянул на Васильевского:

— Не фальшивка ли, Александр Михайлович?

— Но тогда к чему же такой спектакль с посадкой «на брюхо», с двумя сгоревшими и стрельбой? Это не кино...

С. М. Штеменко вспоминал: «В Генштабе взволновались: такое случается не часто... К нам попали карта с нанесенными на нее заданиями 40-го танкового корпуса (Штумме) и 4-й танковой армии немцев (Гота) и много других документов, среди них — шифрованные. К шифру быстро удалось найти ключ»...

Паулюс утром спросил Вильгельма Адама:

— Ну, что там наш майор с портфелем?

— Никаких следов. Перезвон продолжается. Очевидно, при низкой облачности «Фезелер-шторх» нечаянно перелетел линию фронта. Если это так, то кое-кому в ближайшее время предстоит облизать мед с лезвия бритвы.

Командующего 6-й армией вскоре навесил Иоахим Видер:

— «Фезелер-шторх» найден. Сейчас из одной дивизии сообщили, что вчера вечером над ними пролетел в сторону русских окопов самолет, который и упал на немецкой земле. Сейчас эта дивизия ходит в атаку, чтобы добыть самолет и пленных, показания которых нам крайне необходимы...

Тревога в нижних фронтовых инстанциях перебралась на верхние этажи германского руководства. Гальдер записал в дневнике: «Самолет с майором Рейхелем с исключительно важными приказами по операции «Блау», по-видимому, попал в руки противника». Гальдер при этом сказал Хойзингеру:

— Узнает фюрер, в ОКХ посрывают головы.

— Заодно пусть летят головы и в ОКВ...

Кейтель проявил несвойственное ему лёгкомыслие:

— Я знаю русских, — сказал он (совсем их не зная). — Если этот самолет и достался им, они из дюрала наделают се-

бе портсигаров, из плексигласа кабины пилота наместерят расчесок, а секретные документы изведут на махорочные самокрутки. К чему лишняя нервотрепка?..

В тот же день Василевский вышел на связь с Тимошенко:

— Ставка просит кратко доложить ваше отношение к перехваченным у немцев документам. Какие у вас сомнения?

— Документы майора Рейхеля сомнений не вызывают. Рейхель летел самолетом боевого назначения, который в условиях плохой погоды потерял ориентировку... По нашей оценке, — докладывал Тимошенко, — замысел противника сводится к тому, чтобы нанести поражение нашим фланговым армиям, создать угрозу советским войскам с фронта Валуйки — Купянск.

К аппарату подошел сам Сталин — с указаниями:

— Строго держите в секрете, что удалось нам узнать. Возможно, перехваченный приказ вскрывает лишь один участок оперативного плана противника... Мы тут думаем, что двадцать второго июня немцы постараются выкинуть какой-либо номер, чтобы отметить годовщину войны, и к этой дате они приурочивают начало своих операций...

В конце разговора Тимошенко снова просил для своего фронта хотя бы одну стрелковую дивизию. Сталин ответил:

— Дивизиями, к сожалению, на базаре не торгуют. Если бы торговали, я бы пошел на базар и купил вам дивизию. Умейте воевать не числом, а умением. Вы не один там держите фронт. У нас, не забывайте, много других фронтов...

Ночью заодно досталось от Сталина и Хрущеву: кажется, Сталин не был трезв, подвыпив в компании своих верных опричников — Молотова, Берии, Маленкова, Жданова и прочих; он сказал, что если немцы вознамерились брать Воронеж, то лишь затем, чтобы от Воронежа ринуться на Москву; Сталин начал попросту издеваться над Хрущевым, спрашивая:

— Ну, что еще там немцы подбросили? Неужели вы это всерьез принимаете? Даже самолет прислали и офицера вам с картами подкинули, а вы во все верите?..

Наверное, он опять ни во что не верил, по-прежнему собираясь оборонять Москву, как и в прошлом году, чтобы утверждать свой «престол» в Кремле. Хрущев вспоминал — с явной горечью: «Вместо того, чтобы правильно разобратся (с этим самолетом) и усилить нашу группировку войск, чтобы быть готовыми к отражению врага, не было сделано ничего...» Это дало повод для удивления Кейтелю, который после войны говорил нашим офицерам в Бадх-Мондорфе:

— Мы были удивлены, что наступление на Воронеж сравнительно быстро увенчалось и а ш и м успехом...

21 июня Иоахим Видер прибыл на передовую возле Белянки, когда закончилась очередная атака по захвату пленных.

— Обыскали самолет? — спросил Видер.
— Там нечего искать. Обломки и головешки.

Видер приступил к допросу пленных красноармейцев:

— Вы видели, как вчера упал наш самолет?

— Да. Он сразу загорелся.

— Что было дальше?

— Один ваш офицер выскочил и побежал. Его срезали из автомата. Больше ничего не знаем.

— Он отстреливался?

— Да. На всю обойму.

— Значит, одна рука его была занята пистолетом. Вы не заметили, что у него было во второй руке?

— Ничего не было.

— А может... портфель? — подсказывал Видер.

— Нет, портфеля не видели...

Видер велел поднимать полк в новую атаку:

— Мне нужны пленные, знающие больше тех, которых вы взяли. Не советую спорить. Вопрос с этим «шторхом» гораздо сложнее, нежели вы думаете. Сейчас им занимается сам фюрер!

Гренадерам снова выдали шнапс и кофе, снова проделали артподготовку — атака! Потом мимо Видера протащили убитых в рукопашной. Прикладами гнали пленных. Среди них только один красноармеец был очевидцем падения самолета. Видер сразу налил ему коньяку, угостил сигаретой.

— Успокойся, — сказал ему Видер. — Ничего плохого с тобой не случится... Что тебе больше всего запомнилось в том офицере, который выскочил из самолета?

Пленный нервно досасывал сигарету:

— У него на брюках... вот так, — показав на боках своих галифе, — был красный лампас. Как у генерала...

Видера передернуло: это мог быть майор Рейхель.

— Куда его дели? — жестко спросил он.

— Закопали. По-божески.

— Можешь найти могилу?

— Не уверен.

— А придется... пошли! — сказал Видер.

«Мы получили задание, — вспоминал он, — до конца выяснить все обстоятельства дела и избавиться командование от мучительной неопределенности». Он-то, как разведчик, знал истинную цену портфеля... Пленного вывели к разрушенному «фезелер-шторху», велели осмотреться. Он показав в кусты:

— Вот в эту ольху он и сиганул от нас.

— Если хочешь жить, отыщи нам его могилу. Вот тебе лопата. Сам будешь и раскапывать.

Пленный долго бродил в ольховнике, подозрительно озираясь, и Видер, на всякий случай, расстегиул кобуру, чтобы пресечь любые попытки к бегству. Лопата со скрежетом вонзилась в землю. Копать долго не пришлось — из-под земли мелькнул малиновый лампас генеральштеблера.

— Вынь его, — распорядился Видер.

Ветками, сорванными с ближайшего куста, он обметал серую землю с серого лица.— Да, это он, Рейхель! — убедился Видер, но вылезти пленному из могилы не позволил и достал вальтер. — В этой яме ты и останешься, пока не вспомнишь, что было в левой руке нашего майора, если в правой он держал пистолет?

— Портфель... кожаный,—ответил пленный из могилы (и весь сжался в комок, когда издала выстрел в затылок).

— Куда делся этот портфель?

— Отдали. Мы отдали.

— Кому?

— В политотдел дивизии...

«Итак, — записывал Видер, — наши худшие предположения подтвердились: русским было теперь известно все о крупном наступлении из района Харьков—Курск... Противник знал и дату его начала, и его направление, и численность наших ударных частей». Об этом сразу же сообщили в ставку Гитлера, а Франц Гальдер оставил в дневнике моральную сентенцию: «Воспитание личного состава в духе более надежного сохранения военной тайны оставляет желать лучшего».

Вильгельм Адам сказал Паулюсу:

— В сороковой танковый корпус нагрянули эсэсовцы и утащили за собой «шаровую молнию» — нашего Штумме! Боюсь, что для него это плохо кончится. Лучше бы вы сразу разрешили ему отправиться в Африку к Роммелю.

Паулюс тяжело переживал арест своего генерала.

— Если кто и виноват в этой истории,—сказал он,— так это сам майор Рейхель, которому не терпелось, глядя на ночь, поспеть в свое казино к казенному ужину.

На его столе вдруг запрыгала зеленая лягушка: на связь с Паулюсом вышел сам фон Бок, обеспокоенный пропажей портфеля: ведь именно 40-й танковый корпус Штумме и должен был «проложить армии путь в большую излучину Дона».

— Можем ли мы изменить планы «Блау»? — волновался Бок. — Теперь я думаю, что если их отложить на некоторое время, то вы будете в Сталинграде уже не в июле, а только зимой!

— Я встревожен не менее вас, — отвечал Паулюс. — Но шестая армия уже нацелена на большую излучину Дона...

24 июня гроза коснулась и бункеров «Вольфшанце». Гитлер выходил из себя от ярости, генералы ОКВ обвиняли генералов ОКХ, а Гальдер, чуть не плача от оскорблений, записывал: «Травля офицеров генерального штаба... По делу Рейхеля фон Бок завтра вызывает к фюреру». 25 июня фельдмаршал фон Бок прилетел в Ставку, где Гитлер встретил его отборной бранью:

— Из-за какого-то идиота Штумме наша операция «Блау», в таких муках рожденная, уже валется с проломом в черепе. Не так уж глупы русские, чтобы в наши секретные директивы заворачивать селедку... Они, конечно, делают выводы. Но я же не могу останавливать армии на пороге Дона и Кавказа!

Как бы подтверждая слова Гитлера, с фронта пришла радиограмма: русская авиация дальнего действия начала обкладывать исходные позиции армии Паулюса, особенно точно прицеливаясь по штабу 40-й танковой бригады подсудимого Штумме.

— Там все планы, там карты... Рейхель имел все. Вот результаты расхлябанности Штумме, — бушевал фюрер.

— Да, мой фюрер, — соглашался фон Бок.

Судебный процесс над «шаровой молнией» был по-военному краток. Председателем трибунала был сам рейхсмаршал Герман Геринг, который, недолго думая, предложил Штумме:

— Пять лет заключения в крепости... Тебе хватит подумать? Время пролетит быстро, и жена не успеет состариться.

«Шаровую молнию» с треском и грохотом загнали в одиночную камеру, из которой иногда слышались возгласы:

— Может быть, в этой великой империи найдется хоть один умник, который объяснит мне, в чем я виноват!

...Война продолжалась. На несколько дней, как и бывает перед наступлением, фронт притих. В немецких траншеях на трофейные патефоны завоеватели ставили трофейные пластинки, и в большой излучине Дона разливался знакомый нам голос:

А в остальном,
прекрасная маркиза,
все хорошо,
все хо-ро-шо!

ОТ АВТОРА

Я не забыл это жаркое лето — не в меру жаркое для Архангельска, заставленного кораблями союзников, куда меня забросила нелегкая судьба. Как это ни странно, начало моей самостоятельной жизни связано по времени с началом битвы за Сталинград, о котором сейчас пишу... Разве не странно?

13 июля 1942 года мне исполнилось 14 лет, и я, конечно, не мог знать, что именно в этот день немцы заняли безвестный хутор Горбатовский, впервые ступив на землю тогдашней Сталинградской области. День своего четырнадцатилетия я отметил поступком, в котором никогда не раскаивался и раскаиваться не стану до самой смертной доски: я отпраздновал свой день рождения тем, что... убежал из родительского дома.

— Куда ты, Валя? — крикнула, помню, мать.

— Я сейчас... на минутку. Скоро вернусь, — ответил я, и вернулся только через три года, бренча медалями, разметая пыль широкими клешнями, заломив на затылок бескозырку с надписью на ленте: «ГРОЗНЫЙ»...

Летом того страшного года (страшного для всех нас) я оказался в гигантском — так мне казалось — здании флотского Экипажа: память отчетливо сохранила гулкие своды старинных залов, наполненных приятной прохладой, и в этих залах — мы, подростки, собранные со всей страны, которым предстояло носить самое высокое и самое гордое звание на флоте — юнги!

Принуждения, воинского или комсомольского, не было: брали в юнги не по набору, а лишь тех, кто сам пожелал рискнуть головой на шатких палубах боевых кораблей нашего сильно поредевшего флота. Нам объявили, что всех «гавриков» скоро отправят на легендарные Соловки, где в тиши таинственных островов затаилась тюрьма, в камерах которой нас и станут готовить для героической флотской службы. До отплытия на Соловки мы жили в кубриках Экипажа и, как мне помнится, были озабочены примерно формы, драками и обидами, иногда слезами, да еще трепетным ожиданием обедов и ужинов (не забывайте, что время-то было голодное). Мне достались штаны, которые я подтянул ремнем до подмышек, мне дали бескозырку, свободным диском вращающуюся на моей макушке, получил я и бушлат, скрывающий мою фигуру до самых колен. Красота!

По сводкам Совинформбюро, в те дни было не понять, кто убегает, а кто догоняет, так все было скрыто под флером секретности, но даже мы, без царя в голове, все-таки догадывались, что на юге творится что-то неладное... Многое забылось, но почему-то врезалось в память лишь один день. Всех нас, предвкушающих близость ужина, вдруг загнали в актовЫй зал Экипажа: наверное, для затравки сначала нам показали фильм «Оборона Царицына», в котором молодой и веселый Сталин отважно и гениально сокрушал всех врагов революции. Фильм закончился. В зале включили свет. Мы уже начали обсуждать, какая ждет нас каша сегодня, перловая или овсяная, но...

— Сидеть на местах! — было приказано.

Из зала нас не выпустили, а возле дверей, чтобы никто не убежал, встали наши старшины, чем-то озабоченные. Мы ждали. На сцену поднялся комиссар флотского Экипажа.

— Встать! — окрик команды. — Слушай приказ № 227...

Безо всякого предисловия комиссар приступил к чтению знаменитого ныне приказа, который долго-долго скрывался от народа, как скрывали потом и полеты НЛО над нашими головами. До сих пор, честно говоря, не пойму, с какой целью нас тогда «оглушили» этим приказом? Хотели, чтобы мы прониклись ответственностью? Или для того, чтобы робкие отказались от звания юнги? Не знаю. Я был тогда еще слишком глуп и наивен, но доселе помню, что каждое слово этого приказа, не ко сну он будь помянут, буквально вписалось в сознание. Каждая его фраза глубоко западала в душу, и все мы тогда поняли, что

теперь шутки в сторону, перловая там каша или овсяная, но дела нашего Отечества очень плохи, а главное сейчас: НИ ШАГУ НАЗАД...

Слова приказа рушились на нас, словно тяжелые камни.

Прошу не считать меня сталинистом, но мне и донныне кажется, что Сталин в те дни нашел самые точные, самые весомые, самые доходчивые слова, разящие каждого необходимою правдой. Без преувеличения я до сих пор считаю приказ № 227 подлинной классикой военной и партийной пропаганды... Сталин писал:

«Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке... Такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам...

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало меньше людей, хлеба, металла... У нас уже сейчас нет преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину.

Из этого следует, что пора кончать отступление.

Ни шагу назад!»

Суровое время требовало суровых мер. В приказе № 227 Сталин призывал усилить дисциплину, беспощадно расправляться с трусами и паникерами, снимать с постов и судить начальников, допустивших отход с фронта, строго карать офицеров за оставление позиций без приказа свыше...

С нашей стороны — никаких вопросов, только молчание.

И никаких комментариев — со стороны начальства.

— Головные уборы надеть. На выход... марш!

В ту же ночь нас посадили в трюмы корабля, чтобы доставить на Соловки. Перед отплытием меня отыскал отец, который тогда служил офицером на Беломорской военной флотилии. Он был как-то особенно мрачен, но мой поступок не осуждал. В эти дни проводилась добровольная запись моряков в морскую пехоту, которую готовили для боев в Сталинграде, и отец был в числе первых, кто поставил свою подпись под длинным списком добровольцев.

— Так надо, сынок, — помню я его слова.

Свидание было кратким, и отец ушел, даже не оборачиваясь, чтобы в руинах Сталинграда сложить свою голову. Больше я никогда не видел его. Лишь недавно я узнал обстоятельства его гибели, что и толкнуло меня к письменному столу, дабы рассказать вам, читатели, о Сталинградской битве.

(Продолжение следует)

НАИВНЫЕ МЕЧТАНИЯ?

ИЛИ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ВОЙСК

Нет, поначалу совсем не хотели идти на откровенный разговор мои собеседники. Младший сержант Станислав Белкин и два Алексея — ефрейтор Тавровский и рядовой Карманов на многие вопросы отвечали односложно и в общем-то неопределенно: «Как идет служба? Двигается, куда ей деться. Особо не хвалят, однако и не ругают...» «Довольны ли, что попали в конвойную часть? Может, и тут кому-то нравится...» Одним словом, вызвать на откровенность, похоже по всему, скромных ребят, было не просто. Но, видно, что-то давно и очень уж безрадостно бередило их души, и они разговорились.

Москвич Тавровский, симпатичный юноша с ненавязчивыми манерами интеллигента, на армейскую службу еще до призыва смотрел, как на нечто обязательное в формирующейся биографии каждого молодого человека. И даже после того, когда ему, студенту первого курса столичного инженерно-строительного института, вручили призывную повестку, он не посчитал это событие трагическим поворотом судьбы: что ж, значит, так надо.

Но не будем лукавить: встретил паренек «казенную бумагу» без восторга. Все-таки уже успел вкусить беспокойной вузовской жизни. Лишь теплилась надежда, что, надев солдатскую шинель, он и в армии получит какую-то возможность для приобщения к делам, близким к определившейся профессии строителя. Не вышло.

На два года простился со своим тепловозом Алексей Карманов. Ему, бывшему помощнику машиниста, вдоволь поколесившему по Куйбышевской железной дороге, тоже посулили «подобрать что-нибудь по душе», в смысле солдатской профессии. Не подобрали. Дескать, «не до песен» сейчас: и без того армейские призывы идут с немалыми потугами.

Можно легко продолжить перечисление подобных фактов, называть новые имена молодых людей, призванных «в родную армию служить», однако оказавшихся в совершенно иной обстановке. Теперь многие ребята считают себя обманутыми, несмотря на то, что им вручено боевое оружие.

Я не настолько легкомыслен, чтобы ставить под сомнение необходимость и значимость конвойных частей и подразделений в государственной структуре нашего общества. Судя по всему, еще совсем не скоро будет поставлен вопрос об их упразднении. Но вот не покидает меня мысль: почему слишком уж не престижные функции охраны разного рода отщепенцев, преступивших законы, должны выполнять восемнадцати-двадцатилетние юноши с неокрепшей волей и ложкими характерами?

Колючая проволока многоярдных ограждений исправитель-

проблемы,
события,
люди

ВОЙСКА

но-трудовых учреждений, злобные взгляды уголовников-рецидивистов — этим отнюдь не исчерпывается «атрибутика» мест, которые в народе мрачно нарекли «не столь отдаленными». И теперь вчерашние школьники или пэтэушники, став волею судьбы солдатами тех же конвойных подразделений, изо дня в день выслушивают грубую брань и угрозы в свой адрес; так сказать, из первоисточников постигают обнаженные подробности человеческих пороков; становятся как бы очевидцами тяжких деяний, которые не снились иным маститым авторам закрученных детективных сюжетов.

Они не причисляют себя к защитникам Отечества, если принимать во внимание высокий смысл этого понятия.

Можно ли воинскую службу, характеризующуюся подобными особенностями, стандартно именовать школой жизни, школой возмужания? Сомнительно. И вовсе не случайно народные депутаты, кажется, в числе первых, высказались за переключение ее в профессиональную сферу.

Теперь об этом — о службе во внутренних войсках по найму, по контракту пишут все чаще и говорят все громче. И вот что примечательно: пожалуй, самыми решительными сторонниками профессионализации выступают офицеры войск. «Мы все равно рано или поздно придем к этому, — услышал я от офицера конвойной части В. Еремина. — Лучше, конечно, если раньше...» Доводы Валерия Петровича и многих его коллег, с кем довелось обмениваться мнениями, представляются убедительными. Смысл их в нескольких словах таков. В любом деле профессионалы способны справляться с определенными задачами меньшим числом исполнителей. Вне всякого сомнения, отдача от их усилий качественно выше, чем выполнение сходных функций людьми малоопытными, оказавшимися в диапазоне той же деятельности, по существу, случайно.

Казалось бы, все ясно, здравая логика подсказывает целесообразность службы на контрактных условиях. Впрочем, и в «верхних эшелонах» власти придерживаются той же точки зрения. Вот, допустим, мнение бывшего министра внутренних дел СССР В. Бакатина, высказанное в беседе с обозревателем журнала «Родина». Заявив о том, что он поддерживал и поддерживает предложение о комплектовании внутренних войск по профессиональному принципу, Бакатин тут же уточнил: «Но его реализация требует и времени, и огромных дополнительных средств».

С таким выводом как бы перекликаются соображения автора корреспонденции «Где

служить Перепелице?» — правдинской публикации в конце октября прошлого года. Вникнем в длинноватую цитату из нее. «Вот и начался в ряде частей, на флоте, в дивизии МВД СССР имени Ф. Дзержинского опыт службы на контрактных условиях. Не знаю, как он проявит себя. Но уже вижу его немалые изъяны. Солдату — триста рублей? Хорошо, можно и пятьсот. Но ведь у него должна быть семья, появятся дети. Нужны будут и иное жилье, и детский сад, и школа... Ну-ка, прикинем в уме пару арифметических действий. По плечу нам такие затраты?»

Известно, что в ГУКВВ при решении проблем внутренних войск, что называется, наносятся последние штрихи на проект концепции о их профессионализации. И здесь снова на одно из первых мест выносятся деньги. Называется ориентировочная цифра тех самых огромных дополнительных средств — несколько миллиардов рублей.

Деньги, деньги... Сдается, однако, что слишком уж однобоко ведется предварительный расчет. Скрупулезно взвешиваются затраты на содержание военнослужащих-профессионалов, но при этом, похоже, не принимаются во внимание высвободившиеся расходы по обеспечению солдат срочной службы. Для профессионалов, напомним, размышляет в «Правде» автор, требуется жилье, а их ребятишкам — детские сады, школы. Верно. Конечно, и квартиры потребуются, и многое другое. Но разве не имеет право на жилье любой советский человек, какое бы место в обществе он ни занимал? И потому не все ли равно, из какого кармана государство будет выделять на эти цели средства — из правого или из левого?

А что, корпус профессионалов лучше было бы комплектовать из инопланетян, которые несли службу вахтовым методом?

Расчеты, разумеется, необходимы. Но что-то не встречал я в печати сообщений о том, как пострадала государственная казна от предательства простофиль срочной службы во главе с караульным начальником сержантом Намятовым, продавшихся головорезам за бутылку вина? Скажем в тон коллеге-правдисту: ну-ка, прикинем в уме пару арифметических действий... Не вытанцовывается как-то радужный баланс.

— Знаете, — говорил мне знакомый комбат майор А. Колесниченко, — у нас просто привыкли жить по старинке. Во внутренних войсках я без малого два десятка лет. За это время кое-что, понятно,

изменилось в плане совершенствования службы, повышения ее эффективности. Однако понесли мы и определенные потери.

Александр Георгиевич припомнил, как в свое время оправдал себя способ оперативного дежурства. Но оказалась не вполне доведенной до ума специальная аппаратура, и от несомненно прогрессивного метода поскорее избавились. Зато заметно поднялись ввысь караульные вышки. Там ведь часовой, живой человек, с кого всегда можно строго взыскать. А какой спрос с бессловесной электроники?

Политработник подразделения майор С. Маданян по этому поводу с горькой иронией на память процитировал аж самого императора Наполеона. Тот вроде бы когда-то подметил, дескать, русские всегда славилась большими караулами. Может, и впрямь говорил такое знаменитый корсиканец. Только вот теперь с комплектованием больших караулов стало трудновато.

Мне в одном батальоне фельдшер прапорщик Н. Карпенко поведала невеселую статистику о подопечных пациентах. По мнению Надежды Васильевны, отнюдь не новичка в конвойных войсках, из года в год пополнение все более тревожит ухудшающимся физическим здоровьем. Немало парней приходит с хроническими болячками. А как-то у троих новобранцев выявили даже олигофрению. И вот таким людям едва не вручили боевое оружие. Несколько других «здоровяков» из прошлогоднего призыва комиссовать не удалось, и теперь они, став завсегдаями батальонного медпункта, сами нуждаются в постоянном надзоре.

Эти и многие другие факты подобного свойства лишний раз напоминают, что военные комиссарнаты ныне далеко не всегда направляют во внутренние войска наиболее здоровых парней, так сказать, лучшую часть призывного контингента. И вот молодые люди, зачастую слабые телом и хилые волей, оказываются наедине с отъявленными негодяями. К сожалению, не всегда тяжелые единоборства между ними заканчиваются в пользу первых.

Наверняка все без исключения воины срочной службы, какие бы обязанности в армии они ни исполняли, с нетерпением ждут ее окончания. Что и говорить, казарма, хотя ее и именуют поэтично в армейском обиходе родным солдатским домом, не самое лучшее обиталище для молодежи. Для солдат же конвойных войск увольнение в запас — это еще и долгожданное избавление от общения, пусть и косвенного, с удручающей подноготной мира уголовщины.

Офицеры, с которыми мне довелось беседовать, уверенно называют тех, кто может непростые охранные функции выполнять без болезненных последствий, — военнотружущие-профессионалы. Но найдутся ли желающие, добровольцы, готовые взвалить на себя эту нелегкую ношу?

Стоит ли недоумевать, что некоторые солдаты, вдоволь наслушавшись во время судебных процессов жутких исповедей подонков, а в автозаках — оскорблений и матюгов «бесплатных пассажиров», возвращаются домой с травмированной психикой!

Как-то наткнулся я в одном из августовских номеров прошлогоднего «Огонька» на пространную корреспонденцию «Белые флаги». Автор с объяснимой озабоченностью рассказывает о громком ЧП, когда находившиеся под арестом махровые бандиты запросто обованили и скрутили в бараний рог клонувший на спиртное разболтанный караул. Да, тот самый. Исследуя причины случившегося, журналист переходит к обобщениям и заключает, мол, расчет на возможность замены солдат срочной службы профессионалами — это нивные мечтания несведущих людей. Дескать, и казармы их ждут с дырвыми потолками, и скудный солдатский котелок. Даже вот ему, представителю такого популярного издания, да еще с диктофоном в руках, однажды в части ВВ подсунили на ужин отвратительную рыжую бурду с костлявой рыбой. (Помнится, кто-то из моих собеседников по этому поводу хмыкнул: «Стало быть, повар воспользовался случаем, чтобы выразить свои симпатии к журналу»). Но это так, к слову. Вывод же в «Белых флагах» прост: ничего из затеи с добровольцами не получится. В той же дивизии имени Дзержинского, например, никак не наберут 90 человек для роты спецназа.

Минувшей осенью я побывал у дзержинцев, заглянул и в формирующееся подразделение. Стало ясно: огоньковский автор на густо-черную краску, там, где речь идет о дивизии, мягко говоря, не поспешил. «Какие казармы будут ждать поверивших нашим посулам добровольцев...» — читаем в исследовании. Понятно, те самые — дырявые, разваливающиеся. Но вот помещение, где сейчас живут первые «по найму» парни, казармой не назовешь. Это недавно построенное одноэтажное здание, рассчитанное на размещение людей по гостиничному типу. Комнаты на двух человек, различные бытовые объекты вполне обеспечивают нормальный человеческий отдых.

Заместитель командира роты по политической части старший лейтенант В. Гладкий говорил:

— Мы не торопимся с набором. Понимаете, идет эксперимент, поспешность здесь — не лучший помощник. Что же до

добровольцев — в них недостатка нет. — С улыбкой припомнил: — Совсем недавно обратился к нам — кто бы вы думали? — студент четвертого курса Московского технологического института. Потянуло, объясняли, на романтику. Отказали. Слабачок оказался: даже пару десятков раз не смог подтянуться на перекладине.

Да, желающих попасть в формируемое подразделение хоть отбавляй. В штабе соединения мне показали объемистую папку писем. Не сказать, чтобы комплектуемая на контрактных условиях рота получила масштабную рекламу. А вот идут и идут сюда письма — по десять-пятнадцать ежедневно практически из всех регионов страны. Одни — с какими-то вопросами, другие — с подробными рассказами о себе, рассчитанные на безусловное «добро». Получают же его немногие, по принципу строгого отбора. Ошибок пока в этом плане, считает Валерий Гладкий, нет. Политработник называет лучших из числа тех, кто уже учится по специальной программе. Это старшина А. Точка, сержант Ю. Андронов, младший сержант М. Богданов. Читатель, вероятно, догадался, что воинские звания парни получили во время прохождения действительной военной службы. Они достойно завершили ее в разные годы, и вот, по существу, добровольно вернулись в строй.

Хотя, впрочем, свет клином на, так скажем, особой роте дивизии не сошелся. Разве не говорит в пользу добровольного принципа формирования подразделений нынешняя служба во внутренних войсках огромного отряда прапорщиков? А ведь материальные условия, которые им предоставлены, куда как скромнее ожидаемых для подписавших контракт. Кто же эти люди с погонами прапорщиков и офицеров?

В далеком теперь уже 1976 году Сергей Петроченко начинал срочную службу в конвойной роте. Мечталось же о воздушно-десантных войсках. Чтобы совершать захватывающие дух парашютные прыжки. И голубой берет виделся, и тельняшка... Обстоятельства распорядились иначе. Что осталось в воспоминаниях о первых месяцах солдатского житья-бытья? Пожалуй, властно владевший неокрепшей психикой страх. Мерещились дерзкие попытки к побегам агрессивных «подопечных», которых охранял. Потом это чувство поначалу поутихло, а позже исчезло и вовсе. На смену пришло сознание важности порученного дела, и это прибавляло уверенности в силах, закаляло волю. Два года спустя уволился в запас, чуть позже поступил в Курский педагогический институт, в 84-м весьма успешно окончил его истфак. Потом, как водится, обзавелся семьей. Все будто бы прочно укладывалось в логичную жизненную схему. Но не раз ловил себя Петроченко на мысли, что полк постоянно о себе напоминает и чем-то настойчиво манит. Заглянул туда «на огонек» к прежним сослуживцам прапорщикам Н. Балакину и

А. Шолохову, и вскоре сделал выбор. А точнее — крутой поворот к новому своему будущему. Снова надел погоны, и захватила нелегкая и опасная работа в отделении розыска...

Я наемнул прапорщику Петроченко, что, очевидно, его военная биография, так сказать, не типична: иметь надежную профессию педагога — и начать фактически все с нуля.

— Ну почему же, — мягко поправил меня Сергей Павлович. — Я не являюсь каким-то уникальным исключением. — И с ходу назвал прапорщика Ю. Лубенца, который несколько лет назад окончил Саратовскую консерваторию, а вот теперь возглавляет войсковой наряд. Воистину каждый — кузнец своего счастья.

В подавляющем большинстве нынешние прапорщики и офицеры внутренних войск когда-то проходили в них службу рядовыми. Но немало и таких, у кого за плечами Военно-Морской Флот или те же ВДВ, беспокойное дежурство у ракет или напряженный ритм военных аэродромов. Посчастливилось встретиться мне и с продолжателями семейных традиций. У командира роты капитана Н. Скирдина отец отдал десятки лет милиции. Сын после школы пошел работать на завод и вроде бы уже определился в жизни. Но все-таки, выходит, отцовские рассказы о своей мужественной профессии взяли верх. И позвало Скирдина военное училище. Он теперь без рисовки сказал мне: «Я горжусь своей профессией!»

По отцу, майору, в недалеком прошлом офицеру конвойных войск, сверил свой шаг и А. Чесноков — ныне заместитель командира роты по политчасти, старший лейтенант. И тоже были у него учеба в ПТУ, работа токарем на заводе. А, получается, привлекало иное.

Но, наверное, достаточно приведенных примеров, чтобы убедиться: за добровольцами во внутренние войска дело не станет. Однако серьезных трудностей в формировании отряда профессионалов, конечно, не избежать. И не все тут зависит только от самих внутренних войск. Тяжело будет перевести насущную проблему в практическую плоскость до той поры, пока не станет она делом общегосударственным. Взять те же беды с жильем. Допустим, в конвойном полку В. Еремина каждый третий прапорщик уже сейчас нуждается в его улучшении. Обнадеживающих же перспектив в ближайшем будущем пока не просматривается.

Тем не менее добровольный принцип комплектования — это настоятельное требование времени, и давно назрела необходимость перевода его на надежные практические рельсы.

А пока внутренние войска — в ожидании обновления, перемен.

Полковник в отставке В. НАГОРНЫЙ,
наш спецкор.

ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ И УЦЕЛЕТЬ

Как никогда остро в стране стоит проблема обеспечения общественной безопасности. Задача эта, во многом решаемая внутренними войсками, по силам лишь высококлассным специалистам, профессионалам в военном деле. Отвечают ли наши военнослужащие предъявляемым к ним сегодня требованиям? На этот и некоторые другие вопросы отвечает заместитель командующего внутренними войсками МВД СССР по боевой подготовке генерал-лейтенант Л. Н. ПЕЧЕВОЙ.

— Не секрет, что в войсках и ранее, когда нас не беспокоили горячие точки, случалось, жертвовали боевой учебой в угоду службе. А как вы расцениваете нынешнюю ситуацию?

— И сегодня, и раньше боевую учебу считал и считаю главным и решающим фактором, обеспечивающим выполнение служебно-боевых задач, укрепление воинского порядка и дисциплины. Однако мало понимать это, нужно прилагать большие усилия к тому, чтобы постоянно поднимать планку обучения личного состава. У нас же порой командиры прикрываются расхожим, в корне неверным лозунговым понятием — службу любой ценой! Слишком дорого это нам обходится. Только слепой не видит диалектической взаимосвязи службы и учебы: необученный солдат не в состоянии обеспечить качество службы.

— Но служба — не единственное, ради чего в войсках жертвуют боевой учебой...

— И жертвуют лишь безграмотные, некомпетентные офицеры. Но по сути верно: сокращение подразделений обеспечения, запущенность социально-бытовой сферы жизнедеятельности войск, ветхость военных городков заставляют командиров отрывать людей от занятий. Есть и субъективная причина: устоявшееся мнение, что обеспечение общественной безопасности в горячих точках и боевая учеба — понятия не-

совместимые. Никогда с этим не соглашусь: были бы желание и умение, а время найдется. Ведь даже в годы Великой Отечественной войны офицеры, дорожившие жизнью подчиненных, находили возможности для обучения солдат. Без труда приведу подобные примеры из сегодняшней практики войск: подчиненные офицеров Н. Гнеся и Ю. Семенова в прошлом году выполняли задачи в отрыве от пунктов постоянной дислокации соответственно 300 и 160 суток и тем не менее имеют хорошие показатели в обучении.

Худо, когда офицеры, в том числе и в больших чинах, сложив руки, ждут ценных указаний или обновленных методических пособий от доброго дяденьки из главка, пребывая в уверенности, что без мощного толчка сверху имеют право на пассивное ожидание, вместо того, чтобы подумать и организовать учебный процесс применительно к условиям обстановки. Нестандартно, нешаблонно, но эффективно и целесообразно. Привыкли жить по указке, мыслить не научены. А именно творческое мышление отличает настоящего командира от человека случайного на военной службе.

Иной раз даже командиры полков проявляют свою незаинтересованность в результатах боевой подготовки — вдумайтесь в нелепость, абсурдность такого положения! Дескать, от нее не зависят звание, должность и в целом личное благополучие. Вот у таких офицеров, как правило, и

не хватает времени. О какой выгоде может идти речь, когда на карту ставятся человеческие жизни?!

— И все же условия для организации учебного процесса в горячих точках, где войска локализируют межнациональные конфликты, далеки от оптимальных. А учиться, вы говорите, можно и должно. Как!

— Все зависит от конкретной ситуации, условий несения службы по обеспечению общественной безопасности. Вполне резонным представляется мне предложение организовать боевую подготовку так называемым вахтовым методом: выводить части и подразделения на учебу после пребывания в горячих точках по графику, утвержденному командующим внутренними войсками. Причем не обязательно в пункты постоянной дислокации — это экономически невыгодно, да и времени на переброску уходит много. При управлении войск, расположенных вблизи тревожных регионов, целесообразно определить для этой цели учебные центры с хорошо подготовленной учебной материально-технической базой, то есть использовать базы дислоцирующихся там частей или, в конце концов, возможности частей Советской Армии, где и совершенствовать боевую выучку лично го состава.

Хорошо зарекомендовали себя интенсивные тренировки небольшой продолжительности. Их проводят в любых условиях, отработывая приоритетные в данный момент темы. Уже сейчас в частях, где командирам не нужно объяснять, что такое самостоятельность и инициатива офицера, наработаны специальные учебные программы, подготовлена «походная» учебная материально-техническая база, заблаговременно изучаются возможности организации боевой подготовки в районах предстоящей командировки, занятия проводятся по принципу — учить тому, что необходимо для действий в конкретном регионе и в конкретной обстановке. Поучителен пример подполковника М. Толстошеина, который создал компактный транспортабельный набор — своеобразную миниатюрную учебную материально-техническую базу для всех основных дисциплин боевой подготовки. Еще пример — командир части полковник Б. Семенов, ныне выдвинутый на вышестоящую должность. Его «походная» база применительна к любым условиям и, что особенно ценно, подготовлена умельцами-специалистами вполне профессионально, с использованием электроники и кибернетики.

— Товарищ генерал-лейтенант, охарактеризуйте, пожалуйста, наиболее проблемные боевой учебы.

— Вряд ли кого удивлю, если отвечу, что нас серьезно беспокоят прежде всего низкий уровень профессионального мастерства офицеров, отсутствие в некоторых частяхстройной системы обучения и, как

следствие, авралы, натаскивание подчиненных перед проверками. Это наша давняя боль. А разве не заметно, что в борьбе за боевую готовность подразделений и частей в целом мы запустили индивидуальную подготовку солдата? Что в погоне за прекрасными суммарными результатами коллективов перестали тревожиться по поводу того, что «кто-то где-то как-то чего-то», знаете, не умеет. Ныне, когда страну лихорадят межнациональные конфликты, а руководство страны прикрывает брешу в своей пассивной деятельности силами внутренних войск и Советской Армии, необученность солдата и офицера — потенциальный смертный приговор им. Я не сгущаю краски и не утрирую. И посему главное — повысить уровень подготовленности каждого военнослужащего.

К слову, уже не раз приходилось слышать о необходимости поставить содержимое кошельков в прямую зависимость от степени подготовленности людей. Что ж, современно и вполне оправданно, я — противник всякой уравниловки. И первые шаги в этом направлении уже сделаны — с этого года вступил в силу приказ МВД о классности: чем выше классность, тем больше денег на руки. И хотя деньги есть деньги, но сегодня обученность солдата, сержанта и офицера — серьезный шанс остаться в живых при выполнении боевой задачи. И об этом следует думать в первую очередь.

Сама жизнь поставила нас перед необходимостью усилить внимание к тактической, методической, правовой, экономической подготовке офицеров. Что этому мешает? Инерция мышления, привычка работать по старинке, во многом — формализм.

— Какие предпринимаются усилия, чтобы, образно говоря, откачать воду из трюмов судна, давшего течь, заделать пробой и поднять паруса?

— Об оплате классности я уже сказал. Разрабатывается оптимальный перечень критериев знаний, навыков и умений, которым надлежит соответствовать офицеру от командира роты до командира полка. Повышение в должности? Пожалуйста, если, конечно, ваши качества на уровне предъявляемых к категории требований. Серьезное внимание уделено разработке модели офицера внутренних войск, для чего переработаны программы обучения с учетом особенностей нынешней ситуации; есть и другие замыслы.

— В разное время разные учебные дисциплины считались приоритетными. Чему отдается предпочтение сегодня?

— Опыт применения частей в горячих точках наглядно высветил недостатки в тактических действиях войсковых нарядов и в наступлении, и в активной обороне, в применении средств индивидуальной защиты, в физической подготовке. Сама жизнь

делает эти учебные дисциплины приоритетными. Хотя некоторые офицеры Главного управления не считают правильным искать приоритеты в боевой учебе. Каждый предмет важен по-своему и только их комплексное освоение — основа профессионализации в военном деле.

— Не много ли, на ваш взгляд, драгоценного учебного времени отнимает политическая подготовка? Что бы вы предложили в качестве альтернативного варианта существующей системе?

— Вопрос, что называется, с подтекстом. Скажу прямо: если иметь в виду десятилетиями складывавшийся стереотип политического образования, мне кажется, он мог бы безболезненно уступить немалую часть времени той же тактике. Тем более, что политическое просвещение солдат отдано на откуп командирам взводов, многие из которых — ни для кого не секрет — весьма упрощенно, я бы даже сказал, примитивно организуют эти занятия. Было бы куда полезнее, если бы проводил их штатный пропагандист или воспитатель-профессионал. И рассказывал не обо всем понемногу, лишь бы убить учебное время, а целенаправленно формировал культурного, дисциплинированного, преданного своему долгу человека. Эффективно, а не дилетантски. Пример — Литва: не разобрались что к чему и подставили себя под хорошо продуманную провокацию Ландсбергиса и спасли его. А что в итоге? Очередной урон авторитету войск и Вооруженных Сил.

Что касается политической учебы офицеров, я бы посвящая ей большей частью педагогику, психологию, правоведению, вопросам экономических и общественных отношений в государстве, его истории. Да что говорить о войсках, когда в Главном управлении на политподготовку офицеров отводится больше времени, чем суммарно на оперативную и тактическую. Вопрос для размышления? Да, и очень злободневный. Конечно, сегодня необходимо разбираться во всех тонкостях политической ситуации, но главное — уметь защитить нашу государственность, строй, а это прежде всего — оперативная подготовка и тактика внутренних войск.

— И никакой любовой идеологической работы?

— Здесь куда уместнее слово — работы. Идеи должны превноситься в сознание не в голом виде, а вместе с полезной и вполне конкретной, идущей от жизни информацией. Тогда они приживутся, лягут в основу убеждений. Пока же нашим политработникам нужно учиться больше, чем кому бы то ни было. Ведь они сегодня — не отдельная епархия, а часть управленческого аппарата и войск, и ГУКВВ; и наравне со штабом, другими структурами должны уметь управлять войсками в тактическом и оперативном звене. Однако

практики и знаний у них в этом деле нет, а новую, более сложную роль они для себя еще не уяснили, и, как показало одно из последних партсобраний ГУКВВ, уяснять не торопятся.

— А как вы относитесь к мнению тех политработников, которые требуют с одновременным совершенствованием существующих политических структур увеличить время на проведение идейно-воспитательной работы?

— Мне ближе суворовская «Наука побеждать»: не числом, а умением. Иной полчасовой и даже минутный конкретный разговор многих лекций и бесед стоит. Вспоминаю пример из своей командирской молодости. Полковое учение: первый эшелон ведет бой на рубеже, второй — на марше. Замполиту вводная — провести партийно-политическую работу во втором эшелоне. И что же вы думаете? Все по трафарету — «всеми формами и методами» (партийные и комсомольские собрания, постановка задач агитаторам и прочее). А впереди идет бой. И тогда командующий, замечательный, глубоко уважаемый нами, знающий и военное дело, и партийно-политическую работу Михаил Иванович Сорокин преподавал всем урок. Он выехал навстречу второму эшелону, остановил колонну, поднял людей на броню и в течение одной минуты провел «всеми формами и методами» ППР: «Солдаты и офицеры! В трех километрах впереди ведет тяжелый, кровопролитный бой ваш полк. Там много убитых и раненых, а враг напирает и вот-вот прорвется в глубину обороны. Ваш батальон, закаленный в боях больше других, через 10—15 минут вступит в бой. И от того, как вы развернетесь, нанесете огневое поражение противнику, стремительно атакуете врага, зависят жизни ваших товарищей, выполнение боевой задачи дивизией. Вперед, на врага!»...

Здесь и компетентность, и знание военного дела, умение определить ситуацию и, в конечном счете, руководить людьми. Помоему, я ответил на ваш вопрос.

— Общеизвестно, что фсрмально офицер немалую часть своего времени отдает самостоятельной работе. Фактически это не так. Как вы намерены устранить несоответствие между желаемым и действительным, разрешив этот давно уже тупиковый вопрос?

— А можно прежде мне поинтересоваться, каковы позиции читателей журнала на сей счет?

— Мнения самые различные, порой полярные. От категорических утверждений о ненужности самостоятельной работы при повальном формализме в ее организации и существующей системе назначения на вышестоящие должности до требований ужесточить контроль за неукоснительным соблюдением пунктов приказа, определяющего порядок самостоятельной работы.

— Это все крайности. А может, недаром говорят, что истина всегда где-то посередине? Посмотрите вокруг: в одной и той же роте из двух одноклассников-лейтенантов вырастают совершенно разные по уровню профессиональной зрелости офицеры. Можно, конечно, заставить командиров полков в обязательном порядке предоставлять офицеру положенные 5—6 часов в неделю для самостоятельной работы — это был бы самый легкий путь. Но неужели вы думаете, что уже вскоре наш офицерский корпус качественно преобразился бы? И напротив, отмени мы завтра во многом символические часы самостоятельной работы — планка общей и военной культуры офицеров не упадет.

Сложность и хитрость в другом: создать комплекс условий и предпосылок, заставляющих офицеров испытывать потребность и заинтересованность в самоусовершенствовании. Сделать так, чтобы все — звание, должность — зависело от круга знаний, профессионализма, а не от протекции или умения нравиться начальству. Тогда думающий офицер найдет и время, и способы расширения своего кругозора. А бездумных, пустых к работе с людьми и допускать нечего. Стало быть, произойдет естественный отбор. Это очень трудно в условиях нехватки кадров, но об этом надо думать. Самостоятельная работа станет и рычагом для роста, и лакмусовой бумажкой, позволяющей определить, кто чего стоит.

— Другими словами, без подлинного стремления человека к познанию нового даже самый хороший и строгий приказ не даст нужного эффекта. Это актуально тем более, что специфика выполняемых ныне войсками задач предъявляет повышенные требования к профессиональной подготовке офицера. А каким видится вам современный войсковой командир?

— Это сумма многих общечеловеческих и специальных качеств: верность долгу, культура, компетентность, широкая эрудиция, коммуникабельность, дипломатия, гордость за честь офицерского мундира, своеобразный фанатизм в деле...

— Высокая личная ответственность за порученный участок.

— Но не абсолютно за все, что происходит в подразделении, части. Существующая практика поголовного наказания всех от мала до велика за то или иное упущение подрезает крылья даже инициативным и ищущим. Допустим, солдат на посту допустил халатность — а круги по воде разбегаются нередко до самых высоких инстанций. Нельзя, чтобы офицер страдал за им же выявленные недостатки. Сегодня, как никогда раньше, надо формировать осознание всеми военнослужащими своего долга и личной (подчеркиваю!) ответственности за защиту нашей Родины.

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОММУНИСТОВ ВОЙСК

Состоялась Первая конференция организаций КПСС внутренних войск МВД СССР. Со всех уголков Союза собрались в Москву ее делегаты, многие выполняли интернациональный долг в Афганистане, участвовали в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, приехали из горячих точек страны, где уже не один год в экстремальных условиях несут службу воины правопорядка.

С докладом «О текущем моменте и мерах по идейному сплочению и организационному укреплению партийных организаций» выступил председатель организационного комитета по проведению отчетов и выборов, начальник Военно-политического управления внутренних войск генерал-лейтенант А. И. Гриенко.

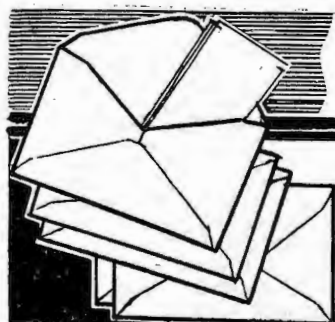
В выступлениях делегатов — офицеров В. С. Молдавчука, Р. Ирсалиева, В. А. Теплинского, А. В. Суворова, В. И. Ключкова и других выражалась озабоченность состоянием дел в Коммунистической партии, Советском государстве, предлагались принципиальные и конкретные меры по совершенствованию партийной работы в войсках.

Выступая на конференции, министр внутренних дел СССР генерал-полковник Б. К. Пуго дал объективную оценку деятельности внутренних войск на современном этапе, подчеркнул важный вклад коммунистов войск в повышение боеготовности частей и подразделений, решение задач боевой службы, обучения и воспитания личного состава, укрепление дисциплины и организованности.

На конференции избран партийный комитет [41 человек], утверждено положение о контрольной комиссии войск [29 членов].

Секретарем партийного комитета войск стал генерал-майор А. И. Кирилюк, его заместителями — генерал-майор А. А. Чайковский и полковник С. А. Ерюшов. Председателем контрольной комиссии — полковник Д. П. Шаматалюк.

Утверждены структура партийных организаций, состав исполнительных органов и бюджет партийной организации войск на текущий год.

на
боевом
посту

ПИСЬМА
ЧИТАТЕЛЕЙ

Наш адрес: 111250,
г. Москва, Е-250,
редакция журнала
«На боевом посту»

«...Не жалейте наград для солдата»

Я воевал. С 7 августа 1941 по 30 июля 1943 года. Пулеметчиком. «Навоевал» за это время всего одну боевую награду — орден Красной Звезды. Негусто, скажете? Да, но я не обижаюсь. Время было такое.

Часто слышу от фронтовиков: мы о наградах не думали. А я честно скажу, в минуты затишья между боями вспоминали своих подруг, мечтали о Победе и о... наградах. Тогда от одной только мысли, что вернешься домой без медали или ордена, бросало в жар. Что подумает девушка? Родители? Скажут про себя, в тылу отсиделился или вояка никудышный...

А к чему я этот разговор завел? А вот к чему. Обращаюсь к командирам в «горячих точках» — не жалейте награды для солдата. Воевать с боевиками ничуть не легче, чем бить фашистов на фронте. Там все ясно — вот он, враг перед тобой. А тут и не знаешь, откуда «твоя» пуля прилетит. Можете мне поверить — и с «бандеровцами» всякими довелось повоевать.

А еще я за то, чтобы солдатам в «горячих точках» год службы за три шел. И в трудовой стаж потом засчитывался. Льготы для них при поступлении на учебу установили бы особые.

Есть у меня кое-какие предложения и для журнала. Почему бы вам к 50-летию Победы, а оно не за горами, не опубликовать серию автобиографических очерков о наших прославленных командирах — генералах Подолько, Киселеве, Пияшеве, Шередеге, Масленникове и др. Почему бы не выпустить книгу воспоминаний участников Великой Отечественной, борьбы с бандформированиями?

А может, журнал возьмет на себя смелость выступить с инициативой о создании памятника нашим воинам, павшим на полях второй мировой, в лесах

Прибалтики, в горах Карабаха, при выполнении интернационального долга в Афганистане? Мы, ветераны войск, первые сделаем взносы.

И еще — больше пишите о нас. Навешивайте почаше. Ваше внимание — лучшее лекарство, а забытые — хуже пули.

ШАПЕНКОВ Ф. И., бывший старший сержант войск НКВД, инвалид Великой Отечественной войны II группы.

В прямом эфире

Редакция местной телепередачи «Панорама» предоставила возможность группе офицеров и курсантов Новосибирского высшего военного командного училища МВД СССР встретиться с телезрителями в прямом эфире и ответить на их вопросы, касающиеся участия внутренних войск в поддержании общественного порядка в горячих точках страны. Ведущий выпуска, представляя пришедших на студию военнослужащих, подчеркнул, что все они не понаслышке знают о событиях в Ереване, Баку, Фергане, Сухуми, в Нагорном Карабахе и могут подробно рассказать о том, что реально видели и какую помощь оказывали людям.

Комментируя сюжет о трагедии в Баку, отснятый кинодокументалистами МВД СССР в 1988 году и показанный телезрителям в начале передачи, кандидат философских наук, доцент подполковник Анатолий Копылов рассказал о роли и месте внутренних войск в решении сложнейших задач по урегулированию и предотвращению возникающих в межнациональной почве конфликтов.

С первых минут и до конца передачи, длившейся час, не умолкали телефонные звонки. На все вопросы военнослужащие дали откровенные и исчерпывающие ответы.

Н. ВЛАДИМИРОВ.

Мой выбор

Решено — после школы поступаю во Владикавказское высшее военное командное Краснознаменное училище и.ж. С. М. Кирова МВД СССР. Не подумайте, что не знаю, куда иду. Чем занимаются внутренние войска, слышал. Но ни горячие точки, ни трудная служба в лесном гарнизоне не пугают меня. Напротив.

Сегодня говорят, что быть офицером, тем более внутренних войск, немодно, непрестижно. Но кто так говорит? Да те, кто превыше всего ставит личное благополучие. Кому «слабо» посвятить свою жизнь своей стране, своему народу.

...Мои одноклассники и одноклассницы удивляются: «Чудак! Нашел, что выбирать!» Да я сделал свой выбор.

Герман КУЛАЕВ.
г. Владикавказ.

Спасая людей

Рядовой А. Валиев был первым, кто заметил пожар в казарме. Доложив командиру о случившемся, солдат не мешкая бросился в огонь: там оставались люди!

Ачил помогал сослуживцам вырваться из огненного плена. И делал это до последней возможности. Сам же спастись не смог.

Самоотверженные и решительные действия рядового Ачила Бахадура-оглы Валиева на пожаре, его верность воинскому долгу, боевому братству надолго сохраняются в сердцах воинов-однопольчан.

Подполковник В. ГОРЮНОВ.

Схватка с урсганом

По метеосводкам циклон, бушевавший в Охотском море, должен был пройти стороной, но... сильный ветер налетел внезапно. Его скорость достигала временами 70 метров в секунду. Ураган бушевал почти сутки. Он срывал крыши с домов, опрокидывал деревья, столбы и даже железобетонные опоры. Во второй половине дня весь город и его окрестности остались без света, воды и тепла. Среди местного населения появились жертвы.

Досталось от разбушевавшейся стихии и воинам внутренних войск. Большая часть огражденных охраняемых объектов не выдержала порывов ветра, вышли из строя технические средства охраны, видимость — ноль.

Несмотря на это, личный состав подразделений, где командиром майор О. Ефимов, продолжал выполнять поставленные перед ним служебно-боевые задачи. На объектах были включены резервные источники питания. Сутки напролет находились здесь офицеры штаба капитаны О. Скугаров, Э. Селимов. В караулах своим примером вдохновляли подчиненных политработники майор Г. Спириев, капитан В. Бражников, старший лейтенант Б. Шевчулис. Отвагу и личное мужество проявили начальники караулов старший прапорщик М. Губайдулин, прапорщик В. Агеев, сержант В. Ушаков, младший сержант О. Бердиев и другие. Среди воинов не было таких, кто бы испугался, смалодушничал.

Капитан В. СОЛНЦЕВ,
пропагандист части.

«Делай раз»

Художественный фильм с таким названием был показан нам, участникам педагогического лектория в Новосибирском высшем военном командном училище МВД СССР.

«Делай раз» идет не первый день на экранах кинотеатров страны. Парадный фасад воинской части, а в повседневной жизни — сплошное казарменное хулиганство, преступления, полное отсутствие политической работы — все это зритель увидит в полнорасовом фильме.

Для тех, кто не служил в армии, особенно — для солдатских матерей, его содержание может показаться довольно таки реалистичным. Как человек, знающий жизнь воинских коллективов изнутри, считаю, что фильм «Делай раз» — грубая фальшивка. Ничего, кроме отрицательных эмоций и негативного отношения к воинской службе, лента у непосвященного зрителя вызвать не может!

Конечно, недостатки в армии есть. Однако предстоящая военная реформа всеяет надежду, что они будут со временем устранены, вооруженные силы оправдают свое историческое предназначение.

Подполковник В. ПАРАНОСЕНКОВ,
старший инструктор политического отдела Новосибирского высшего военного командного училища
МВД СССР.

Преступник задержан

Следственная группа Прокуратуры СССР обратилась в войсковую часть, где служит майор С. Данилов, за помощью в задержании и обезвреживании особо опасного преступника, разыскиваемого за злодеяния, совершенные в Гяндже во время январских событий 1990 года.

Лоб

Свой выбор командир остановил на лейтенанте Е. Акуличе и его подчиненных сержанте З. Бештокове и младшем сержанте З. Яганове. Возглавил группу захвата заместитель командира по политической части майор С. Дежиденко.

Воины не подвели: четко взаимодействуя со следственной группой, они задержали преступника.

Сержант А. ЛЮТИКОВ.

Альтернативы нет: курсовой!

На вопрос, вынесенный подполковником Ю. Выговским в заголовок корреспонденции «Взводный или курсовой?» (№ 8—90 г.), отвечу однозначно: курсовой! Почему столь категорично?

Курсанты, подобно губке, впитывают в себя командирские, методические и просто человеческие качества ближайшего офицера. Следовательно, последний должен быть действительно Личностью. А что мы имеем сейчас? Отсутствии перспективы гасит у молодых командиров взводов интерес к службе и, стало быть, стремление к совершенствованию, самообразованию. Как следствие — теряем специалистов, лишаемся будущего. Возражение, что их, училищных командиров взводов, не так уж много, чтобы копы ломать в запале, отмечаю, ибо речь идет о судьбах человеческих.

РЕПЛИКА

НЕ ПОТРУДИЛИСЬ РАЗОБРАТЬСЯ

В редакционной почте встречаются письма военнослужащих и членов их семей, в которых они жалуются на отказ начальников удовлетворить ту или иную просьбу, причем просьбу вполне законную. Анализ таких тревожных сигналов с мест показывает, что права людей ущемляются подчас даже не по злему умыслу, а из-за элементарной лениности должностных лиц, нежелания внимательно выслушать человека, проникнуться его заботами и сделать все от них зависящее, чтобы помочь. Ясное дело, иногда командирам, политработникам, специалистам служб задают вопросы, ответить на которые сразу бывает не просто. Но отвечать-то надо. Уже хотя бы потому, что проявлять заботу о подчиненных — уставная их обязанность.

К сожалению, не все так понимают свое предназначение. Вот один из характерных примеров. К кадровику майору А. Соколову обратился старший прапорщик А. Гусамов. Ему пришло приглашение в гости от немецких друзей, и, естественно, возникли вопросы по оформлению поездки за рубеж. Вместо того, чтобы навести необходимые справ-

Выход: рационален и, значит, необходим институт курсовых. Тут я с Выговским солидарен: кадров нужно меньше, зато служебная нагрузка возрастет до нормы, не соскучишься. А возможность поступать с этой должности в академию, несомненно, повысит ее престиж и, соответственно, привлечет грамотных, ищущих офицеров из войск. Тех, от которых дело воспитания и обучения курсантов только выигрывает. Круг замкнулся. Увы, пока чисто умозрительно. Но время не союзник нам: надо спешить.

Генерал-майор Л. ТИХУН.

Встреча друзей

Свой день рождения известный композитор и исполнитель популярных песен Игорь Добрый отмечал в кафе Дома искусств. Праздничный стол с именинником разделили... солдаты в краповых беретах. Такое обстоятельство несколько шокировало заседатая этого заведения. А между тем ничего удивительного тут не было: подчиненных офицеров В. Дриля и В. Манкевича связывает с композитором давняя дружба.

После чая именинник с гостями пели русские и белорусские песни, читали стихи. Жаль, что день рождения у Игоря Доброго только раз в году!

Подполковник Н. БИЛИН.
г. Минск.

ки, коль уж сам не в курсе, офицер, не мудрствуя лукаво, объявил: дескать, военнослужащим внутренних войск выезд за границу запрещен...

Но ведь это, мягко говоря, не соответствует истине. Есть же документ, где четко все расписано: кто из начальников дает военным людям разрешение на выезд, кто и какая организация потом его оформляет, что является основанием для возможного отказа в просьбе и т. д. Надо было просто найти его у себя в части, а нет — так в вышестоящем кадровом аппарате и подсказать старшему прапорщику, как действовать дальше. Увы, потрудились сделать это майор Соколов не захотел. Почему? — на этот вопрос надеемся получить обстоятельный ответ от начальника управления внутренних войск по Западной Сибири, которому направлялось письмо А. Гусамова для рассмотрения и принятия мер.

А для тех, кто интересуется затронутой Гусамовым проблемой, сообщаем, что подробная консультация о порядке выезда за рубеж была опубликована в первом номере журнала за 1989 год («Можно ли мне за рубеж?», с. 93).

ДВЕ ВОЙНЫ

ПОДПОЛКОВНИКА

ЧЕКМАРЕВА

В Указе Президента СССР о награждении военнослужащих внутренних войск, проявивших мужество и героизм при охране общественного порядка в сложных условиях, после многих фамилий стоит скорбное добавление — «Посмертно». Орден Красного Знамени подполковника Вячеслава Михайловича Чекмарева был вручен его вдове — Ларисе Петровне Чекмаревой.

Сегодняшний наш рассказ о мужественном офицере-интернационалисте построен на свидетельствах боевых товарищей Вячеслава Михайловича, документах, письмах.

«Погода стоит плохая, идут дожди. Настроение тягостное — посмотришь на горы и вспоминаешь вас, вспоминаешь родные края, леса, поля, луга, людей. Лучше, краше, наверное, нет ничего, дороже чем Родина. Но не подумайте, что у меня упадническое настроение, нет, у меня все хорошо... Кабул, 28.03.87 г.»

«Сегодня приснился мне страшный кошмар, ночью даже кричал. Конец сна заключался в том, что мне должны были в районе сердца на 2 см воткнуть нож. Вначале я не давался, а потом сделал это сам — пошла не кровь, а наподобие чая, и я проснулся. После долго не мог заснуть, переживал за вас. Как там у вас? Вспомнил отца и мать... Кундуз, 29.05.87 г.»

«По поводу гибели Романова можешь не спрашивать — здесь война, мне и самому не верится, что это все произошло. Он стоит у меня в глазах — очень жалко, но уже не вернуть... Кабул, 21.03.88 г.»

«Лариса, могу сейчас точно сказать — вылетаю 16.05. Хотел на 15.05, но не пускают, а 13.05 сам не захотел из-за суеверия... Кабул, 25.04.88 г.»

1. «МУШАВЕР ТАКТИК»

Ибрагим, водитель советнической «Волги» три дня пек лепешки и раздавал их многочисленной родне, соседям, случайным прохожим: «Аллах всемилостивейший спас меня! Аллах велик и справедлив!»

Под счастливой звездой родились Ибрагим и шурави, которых он вез, — едва вышли офицеры из машины и сделали десяток шагов к представительству МВД СССР в Кабуле, эрэс пронзил насквозь салон «Волжанки». Ибрагим, успевший растянуться на переднем сиденье, чтобы по шоферской привычке своей прикемарить, отделался далеко не легким испугом. Крупно повезло подполковникам Зайцеву и Лесюку — промедли они с полминуты и срезало бы им головы эрэсом как бритвой, когда сидели на заднем сиденье.

Остались без «мутара», как называли там автомобиль. «Что будем делать, комиссар? — советник командира полка «мушавер тактик» Чекмарев взглянул из-под выцветших бровей на «мушавера снаеси» Зайцева. — Сам понимаешь, по Кабулу-то на бэтэ-эре не наезднисься...»

«Совет в верхах» был недолгим: они уже

288

Таким нам запомнится подполковник Вячеслав Михайлович Чекмарев — на жарких дорогах Афганистана, среди своих отважных «краповых беретов» в Карабахе, на гранитном обелиске в родной части.

Фото из семейного альбома.

знали, что узники афганских тюрем — мастера что надо. Афганцы народ вообще работающий, а уж если срока имеют лет по двадцать, то и вовсе блоху подковать сумеют. Так что подбитый духами «мутар» должны починить. Подсоветные из царандоя предположение советских офицеров подтвердили — в тюрьме машину залатают, как новая будет.

И вот — знаменитая Пули-Чархи, тюрьма, построенная западными немцами. По углам — танки, в охране — целый батальон царандоя, под охраной — не один батальон вчерашних «духов». Пронзительный крик «Дреш!» — «Стой!» и наставленный в грудь шурави автомат. «Макаров», «Макаров!» — охранник помахал рукой на себя, предлагая сдать оружие. Чекмарев вынул свой пистолет, протянул офицеру царандоя. Зайцев тем временем затолкал свой ПМ поглубже за пазуху — так надежнее, ведь кругом пленные душманы, а душман, он и есть душман, даже в тюрьме.

Повидавшим за свою офицерскую службу немало «зон» советским мушаверам было интересно в главной афганской тюрьме

— пока переводчик спрашивал дорогу, они озирались по сторонам, стараясь запечатлеть в памяти невольную экскурсию. Поразило, как целой толпой запустили «на свиданку» родственников — подняли шлагбаум, и вперед, никаких тебе документов, никакого досмотра... Топот десятков ног спустя несколько минут заставил остановиться и почти вжаться в стену — на них двигалась колонна узников. Заключенные шли, по восемь в шеренге, то ли на работу, то ли на обед, а может быть, как раз «на свиданку». Это были не наши «жулики», у которых в глазах при виде «гражданина начальника» найдешь и деланное равнодушие, и ухмылки, и подобострастие. Здесь — сплошь антрацитовые глаза, сверкающие злобой. Зайцев заметил, что большинство стрел — зырк, зырк, зырк — были брошены не в него, а в Чекмарева. Среди этого скопища душманов — черные бороды, спутанные волосы до плеч, нечистые развевающиеся одежды — Вячеслав Чекмарев особо выделялся своей выгоревшей добела челочкой, васильковым открытым взглядом. И тем сильнее он, кяфир, неверный, был

ненавистен душманам. Он помогал царандою, и за это его следовало убить, но вот он перед ними живой и, наверное, злорадствует, видя их в плену...

«Нет, Чекмарев, как истинный офицер, не мог никогда опустить себя до злорадства над поверженным, разбитым противником, убитым или плененным», — подполковник Владимир Васильевич Зайцев говорит категорично, смотрит в упор, словно предупреждая, что расхожая поговорка «О мертвых — или хорошее, или ничего» к нашему долговому и трудному разговору отношения иметь не будет. По праву боевого товарища, по праву офицера, хлебнувшего той войны сполна, он обязан рассказать об истинном Чекмареве, с которым наездил на одной броне сотни и сотни километров по старой Джелалабадской дороге и не только по ней...

Он отмахивается от моих расспросов о наградах — нашем ордене Красного Знамени и афганском Славы: «Я прошу иметь в виду, что я никакой не герой Афганистана. Есть ребята и похрабрее, и помужественнее. Тот же Чекмарев...»

Но тут же Владимир Васильевич высказывает мысль, выдающую в нем человека не робкого десятка: «Но я знал четко, что в плен не сдамся — подорву себя, постараюсь их убрать с собой полдесятка. Или застрелюсь. Я отдавал себе отчет. И бежать впереди паровоза мне тоже не хотелось, особенно во вторую половину моей афганской войны, после отпуска. Славку я сдерживал. «Солдат подорвался на mine в районе такого-то поста!» — Он: «Где?» И туда. Я говорю: «Слава, ну куда ты лезешь! Мины ведь всякие бывают — и многонажимные, и ловушки...» Он отмахнется: «А-а! Ладно!» И идет туда, за ним афганцы. И сам идешь, хотя в душе ругаешься: «Ну куда ты прешься, я бы не пошел!»

До их встречи в полку ГУЗР (Главное управление защиты революции) у каждого за плечами был опыт боевых действий. Зайцев больше года провел в Герате, Чекмарев воевал в Кундузе. Старшее командование наверняка свело их вместе на самом сложном участке, понимая, что один дополнит другого как нельзя лучше, что этот советнический тандем ох как выручит афганцев в самое жаркое время.

Баграми, ущелье Тезин, Махипар, Наглу, Суруби — названия этих мест вдоль старой Джелалабадской дороги для них стали привычны с первых же дней. Несколько ГЭС, питающих Кабул, триста пятьдесят высоковольтных опор всегда были вожделенной целью мятежников, вылазки и диверсии, артобстрелы и массированные атаки повторялись изо дня в день.

Во имя чего воевал Чекмарев с товарищами на той земле? Ответ получим, может, через годы дебатов, полемик, хладнокровных и горячих рассуждений. Чекмарев своего мнения не выскажет уже. Ответ-версию можно поискать в его афганских пись-

мах домой. В них нельзя было писать «открытым текстом», и все же...

«Дела в целом идут нормально. Иногда, конечно, снял бы с них... но необходима выдержка. Иногда даже кошки в душе скребут, но приходится улыбаться. Кундуз, 9.06.87 г.»

«Несколько строк о себе. Дела мои идут нормально, броня стала для меня вторым домом. Целыми днями начал заниматься с «друзьями», выезжаю вместе с подсоветными. Все они у меня ножом под сердцем стоят. Как я их г...в, сам не знаю, что бы сделал. Но ладно, Ларисочка, если поймешь что из этого сумбура, то голову не забивай этим — все идет нормально. Только и ты не привыкни к мысли, что два года — это чепуха, зато сколько благ! Я, конечно, не думаю, что ты думаешь так. Ларисочка, милая, здесь не развлекаются, а каждую минуту можно кое-где и кое-что получить. И еще есть очень много, которое даром для каждого не дается так просто. Поэтому эти наши «друзья» мне очень и очень дороги. Кундуз, 15.06.87 г.»

Они, афганцы, называли Чекмарева «мушавер тактик» или «мушавер Слава» — русская фамилия для них была трудна. Но то, что любили его все, от солдата до подсоветного старшего капитана Эрфона, — это точно. В день Саурской революции от души подарили рубашку. Он единственный раз принял подарок-бакиши, дабы не обидеть искренних чувств, но впредь подношения запретил. И самым дорогим подарком считал цветную открытку, с которой улыбается уличный продавец плова. На обороте надпись, наверняка исполненная самым грамотным офицером: «Дорогой Чекмарев В. М! Поздравляем Вас с 70-летней годовщиной праздника Октября. От всей души желаем крепкого здоровья, больших успехов в работе и личного счастья. Командование ГУЗРа.»

Он тогда поблагодарил и пообещал: «Вот отвоюете — обязательно приеду на плов».

* * *

«Настроение в целом нормальное, правда, все начинает надоедать — эти командировки и прочее, тем более это бестолковое пребывание. Местные власти, конечно, не хотят вывода — это им выгодно. А мы, конечно, страдаем. За что переносим эти тяготы и лишения — не знаю. Душанбе, 16.03.90 г.»

«У меня все нормально, занимаюсь своим делом. Несколько, конечно, настроение не совсем нормальное: приезжал Шаталин, а до него мне дали команду готовиться к вылету 27, 28, 29-го, потом отставили на пять дней, сейчас разговор идет на 15—20 мая, когда точно — не знаю, поэтому настроение все в ожидании...»

Все почему-то очень надоело, эти дурацкие командировки. Был бы с них толк...

Ереван, 3.05.90 г.»

2. НУБАРАШЕНСКАЯ ЗАПАДНЯ

В тот день гром грянул на железнодорожном вокзале Еревана — дерзкая вылазка бандитов, напавших на караул внутренних войск, вызвала волну возмущения во всей стране. Солдаты, охранявшие армян по просьбе армянского же правительства, вероломно, в упор были расстреляны армянскими боевиками.

Винновыми в случившемся кровопролитии главари бандформирований без тени сомнения сочли советских солдат и сворами бросились на них — напали на военный городок части внутренних войск, на колонну военных машин. В районе Нубарашена разгорелся настоящий бой. Все там было как на войне. Да почему, собственно, «как» — то и была война, как ни старались спрятать ее под лукавыми словами «конфликт», «столкновение», «перестрелка». Даже «Правда», дабы не разжигать страстей, озаглавила информацию ереванского корреспондента «Трагический инцидент в Ереване». Ничего себе инцидент...

Солдаты в то утро пробежали кросс. Замкомбрига подполковник Чекмарев был доволен: «Молодцы, гвардейцы, — жирком не заплыли!» Замполиту батальона капитану С. Ермоченко подсказал, будто невзначай: «Сергей, ты телик-то вытащи — пусть мальчишки посмотрят, расслабятся».

Программа «На службе Отечеству» гнала армейскую «чернуху» — фильм «Делай раз!» Эх, жаль, что не оказалось в тот момент в Ереване столичных киношников — если б не сдрейфили, сняли бы в тот день жизненный фильм...

Хлестанули по городку автоматные очереди, и одновременно с ними вскинулись навзничь брезентовые полога палаток. Теперь никто не ждал команды «Делай раз!» — и «раз», и «два», и «три» на войне выполняются интуитивно. А интуиция и на этот раз не должна была подвести — в горячих точках провели уже полтора года, а если быть точным, то в 89-м — 303 дня, в 90-м — уже 150.

Через минуту «бронники» были на плечах, автоматы цепко схвачены за цевье... Бэтэр под номером «109» тормозил у КПП — наверху был Чекмарев. Крикнул лейтенанту Борису Бачеку: «Отделение — в машину!» Отделение получилось сборным, но ведь солдаты в части особого назначения, как патроны в обойме — один к одному. Вслед за лейтенантом под броню вскопили сержант Карпухин, ефрейтор Махаев, рядовые Вовченко, Миканев, Буравцов...

Это потом уже сержант Андрей Карпухин, рядовые Андрей Миканев и Станислав Вовченко будут награждены орденами Красной Звезды. А тогда об орденах не думали — вперед, в бой, выручать товарищей, попавших в засаду.

Заняли круговую оборону в военном городке. Отбивалась у бензоколонки группа

во главе с майором В. Ракутой. Подполковник Чекмарев — старший по должности и званию, афганским своим чутьем определил задачу себе. Задачу самую трудную, самую неотложную, самую опасную — во что бы то ни стало подавить огневые точки боевиков. Те патронов не жалели, шпарили вовсю. По звуку он определил, что не только автоматы в руках фиданнов. Те очереди сыпали по броне горохом. «Долбят из чего-то покрупнее», — отметил он про себя, высматривая через триплекс противника. Это потом уже найдут на месте боя фронтовой «Дегтябрь», невзорвавшиеся гранаты...

Решив зайти в тыл боевикам, Чекмарев приказал механику-водителю взбираться на холм. Уже на гребне скомандовал: «К машине!» Сам, естественно, вывалился под колеса первым, взял на мушку огневую точку. Солдаты под прикрытием командира десантировались удачно, только Андрея Миканева садануло в плечо. Когда на помощь подоспел «103-й» экипаж, Чекмарев, Махаев и Вовченко уже ползли вперед попластунски.

«По пути» к самой опасной верхней огневой точке они засекали еще одного боевика. Чекмарев знаками показал — берем с трех сторон. Брал, в общем-то, сам — прыгнул сзади, придавил к земле так, что тот и не пикнул. Связали. Обыскали. Нашли гранату.

Махаев остался на охране. Чекмарев с Вовченко поползли вниз по склону, прямоком на осиное гнездо боевиков. Как минимум трое там вели огонь. И опять что-то покрупнее акэма било в сторону солдат. Прошло минут шесть-семь. Махаев заволновался — чего сидеть у связанного боевика, когда Чекмарев и Вовченко нуждаются в поддержке. Махаев кричит Чекмареву — нет ответа. Кричит в другую сторону, лейтенанту Бачеку — пришлите кого-то сюда, мол, а я пойду вперед.

Чекмарев и Вовченко стояли спина к спине, прикрывая друг друга от кинжального огня, стреляя туда, откуда посылали смерть им. Истекая кровью, упали оба. И все вдруг смолкло...

— Ои бы не умер, наш Чекмарев, если бы не эти гады! — капитан Дмитрий Октябрьский, тоже получивший за тот бой Красную Звезду, стискивает кулаки. — Мы везли раненых в госпиталь, и нас снова встретила засада. Пока побрились... Он был очень бледен, крови много потерял. И все равно в госпитале потребовал — солдат оперировать первыми. Здесь не хотел быть первым.

Сослуживцы вспоминали своего командира, его действия в бою. Несколько раз повторили его указания младшим офицерам — берегите людей! Сокрушались, что не сумели выручить Вячеслава Михайловича в этот страшный конец боя, что не успели с прорывом дорожной засады, когда везли его, истекающего кровью, в госпиталь. Предполагали, что бросило его на ту про-

клятую высоту что-то «афганское» — боевая ли дерзость, стремление ли к самопожертвованию.

А у меня в блокноте уже была фраза, прочитанная в курсантском дневнике Чекмарева, — «Борьба до победного конца!» — вот таким должен быть мой девиз во всей моей жизни». Эти строчки двадцатилетний военный человек написал 9 декабря 1971 года, когда зачитывался «Спартак» Джованьоли и размышлял «делать бы жизнь с кого». Накануне, 8 декабря, Вячеслав записал: «Я просто в восторге от книги, от Спартака. Я многое бы отдал, чтобы посмотреть и побыть вместе со Спартаксом хотя бы один день. Эта книга мне очень многое дала. Вот действительно, с кого надо брать пример, учиться мужеству, героизму, самоотверженности, большому уму тактика и полководца... Мне, как будущему командиру, хорошо и настойчиво изучать психологию и качества личного состава. Вникать в глубину человеческой души».

Слезы душили сильных военных мужчин, когда хоронили они павшего в бою товарища. Не гладиатором ли был он на кровавом закавказском ристалище?

6 июля родные и близкие справляли соболезнования. Именно в тот день раздался звонок в кабинете подполковника В. Зайцева в Красноярске. На проводе была Москва, Политуправление внутренних войск МВД СССР: «Мы получили Ваше письмо — будем иметь в виду...»

Содержание того письма заслуживает того, чтобы о нем знали не только руководители войск. Пусть прочитают и те бандиты, которые стреляли в Чекмарева и его солдат, кто никак не уймёт своих националистических амбиций. Товарищ Чекмарев по Афганистану писал начальнику Политуправления:

«Товарищ генерал-майор!

Сегодня уже неделя, как погиб мой боевой товарищ по Афганистану подполковник Чекмарев В. М. Всю эту неделю не нахожу себе места. Ведь как сейчас помню, как мы с ним, прикрывая друг друга спинами, с автоматами в руках мчимся на БТРе по ущелью старой Джелалабадской дороги. Порой под обстрелами. И так почти год — бок о бок. Как радовались, что вырвались из Афгана. И вот его нет! Он был верный парень, я всегда знал, что он вытащит меня отовсюду, куда бы ни занесла судьба. Я думаю, что и обо мне он был такого же мнения.

Товарищ генерал-майор!

Я пишу, а слезы наворачиваются на глаза. Извините, может, это сантименты, но письмо мое частное, так прошу его и рассматривать. В связи с вышеизложенным у меня просьба. Мне кажется, что там, в Закавказье, скоро должны начаться решительные действия, я знаю, что формируются новые части, нужны будут офицеры с боевым опытом. Я регион знаю — был три года начальником политотдела Ереванского конвойного полка, один год старшим инст-

руктором политотдела управления внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью. Если потребует обстановка, могу выступить не только в роли политработника, но и командира. А рука у меня не дрогнет. Если надо будет — располагайте мною. Это мой долг перед Славой Чекмаревым».

* * *

Вячеслава Чекмарева похоронили в белорусском городе Жодино, на родине жены. Пришли здешние «афганцы» — вся страна уже знала о событиях 27 мая в Ереване, вся страна негодовала, возмущенная разгулом бандитов из АНА, АОД и прочих легионеров, фиданов...

Политработник подполковник А. Медведев, проживший с Чекмаревым не один месяц в палатке под Степанакертом, писал посвященные другу строки. Стихи эти лягут на страницу районки с боевым названием «Борьба», лягут словно тяжелые кулаки смертельно уставшего и стонущего от собственного бессилия сильного мужчины:

«Ради чего получают ранения,

Головы парни безвинно кладут?

Гладко в газетах: «Идут столкновенья...

И прокуроры виновных найдут...»

Боль, оказывается, прозаает не только бронежилеты. Из прочнейшего материала спрессованные души «афганцев», с зарубцевавшимися, казалось бы, ранами, разбередила черная весть из Еревана.

Подполковник В. Зайцев в который уже раз перечитал тассовскую корреспонденцию «Нубарашенский бой». «Боже мой! Славка, Славка... Да что же это творится!» — недоумевал, скрипел зубами, плакал.

Как он сокрушался, что не оказался рядом со Славкой там, на Нубарашенском шоссе. Ведь знает там каждый кустик, каждый камень — сколько раз гулял там в мирное еще время. Был бы рядом, прикрыл бы! Неужто не выкрутились бы, как бывало в Афгане? Что теперь делать, как жить с этой ереванской раной?

Когда простились они в Кабуле, дружно решили: дай Бог, прилетим — обязательно будет в семье по сыну. Ведь у обоих было по дочке. Насмотрелись смертей, и теперь оба жаждали жизни, хотели быть молодыми.

У Владимира Васильевича и Ольги Михайловны Зайцевых теперь две дочки — к старшей Наташеньке прибавилась лопотунья, назвали которую Надеждой. Святое для «афганцев» слово — надеждой держались на той войне.

9 января 1991 года дождался прибавления и в осиротевшей семье Чекмаревых — Лариса Петровна родила дочь. Танечка рада крошечной сестренке. Хорошо бы сбылась примета — девочки рождаются к миру. Маленькую Чекмареву назвали Викторией. Это значит — Победа. Ах, если б кто мог представить, как ждал ее Вячеслав Чекмарев! Не дождался. Погиб на войне.

Подполковник Б. КАРПОВ.

В ТРАССИ ИНТРИГ

ЕЖЕЛИ за битого двух небитых дают, то капитан Леонид Матвеевич Дейнека стоит, как минимум, шести. Относительно безболезненно преодолев расстояние от зеленого лейтенанта до офицера штаба части, он, как считает, погорел на ерунде (предоставил незаконный отпуск младшему сержанту Нидзгарашвили). Злоупотребление служебным положением и стяжательство стоили ему нагрудного знака «За отличие в службе» II степени и низвержения до заместителя командира роты по службе контролеров.

Но вскоре Дейнека снова выбился в люди, то бишь в ротные. Однако слетел, схлопотав по первое число за нарушение порядка выдачи денежного довольствия и грубость к подчиненным. Иному и одной такой «неприятности» на всю оставшуюся служебную жизнь хватило бы, а Леонид Матвеевич выплыл и уже через год вернулся в «свою» роту на скромную и привычную должность зама. И, как сообщили в редакцию его сослуживцы, «с проторенной дорожки» сворачивать не собирается. Пустил «налево» целую «Колхиду» кирпича, добытого командиром роты капитаном Б. Аразовым для строительства солдатской бани. Отправил с плановым караулом в часть (или далее того?) комплект вывезенной с территории ИТК мебели. В обход Положения о порядке прохождения службы военнослужащими сверхсрочной службы устроил жену фельдшером в роте...

Люди возмущены: этого «делягу и проходимца» нельзя подпускать к власти на пушечный выстрел. А на взгляд командования части, именно такой и достоин командовать подразделением. Не считаясь с мнением офицеров и прапорщиков, ответственности роты, приказ состоялся. Тогда сержанты устроили «пьянку протеста». Но Дейнека и тут вышел сухим из воды.

Разбираться приезжала комиссия из Приволжского управления войск — факты объявили... клеветой, а командир части подполковник Р. Гасанов, по словам военно-

служащих, даже угрожал: «Узнаю, кто писал — в тюрьму посажу!» Согласитесь, весьма своеобразная реакция в пору всеобщей гласности. К тому же ни в управлении войск, ни в части никто никакого письма и в глаза не видел.

А истину установить было нетрудно — всего-то избавиться от предвзятости, спокойно выслушать людей, и в первую очередь солдат, сержантов, заведомо объявленных клеветниками...

— Я БЫЛ старшим машины, которая отвозила ящики на обменный пункт, — рассказывает рядовой Андрей Леуткин.

— Капитан Дейнека приехал к вагону в гражданской одежде на своей машине. Я слышал, как он говорил начальнику планового караула, мол, сам позвонит в часть и скажет, что мебель выехала.

— Собаку на этом деле я съел, — заявил начальник того самого планового караула прапорщик В. Нилов, — так что отвечать на такие вопросы не буду. За мебель я не расписывался, но больше шифоньера в эти два ящика не уместилось бы. В общем, ничего я вам не говорил. Если что против меня напишете, пришлю опровержение!

— Везли два ящика размером с обычную дверь, там были полированные доски, — без труда вспомнил ефрейтор Гоча Хиникадзе. — Сгружали на бортовую машину. Я сидел в кабине автозака, поэтому не видел, куда их потом повезли...

— Действительно, мебель отправлял, — признал очевидное Леонид Матвеевич. — Но это же стенка для библиотеки части. Все документы оформлены, ни от кого я не прятался. Но каждому солдату и сержанту объяснять «что, кому, куда» — замучаешься...

Все верно. Замучаешься. Но разве есть другой способ сберечь доброе имя! Тем более, что Людмила Федоровна Черепенко, показывая библиотечные стеллажи, утверждает категорически: «За два года, что я здесь работаю, мебель от Дейнеки, а

тем более стенка, как вы спрашиваете, не поступала!»

БЕЗ ОБЕДА и отдыха отделение грузило на «Колхиду» кирпич. Но разгружали почему-то километрах в шести от роты, возле частных гаражей.

— Один «получатель»,— рассказывает Андрей Леуткин,—судя по разговору, сотрудник милиции, а другой (ему тоже половина досталась) скорее всего небольшой начальник с предприятия, откуда «Колхида». Я не знал, что кирпич отдает им Дейнека, а не Аразов, поэтому в объяснительной не стал писать, куда он потом делся: боялся ротного подвести. А оказалось, Дейнека, оставаясь за него, хотел обделать свои делишки.

Версия Дейнеки: во время розыска двух осужденных женщин, бежавших из-под охраны соседней роты, милиция помогала транспортом. За это он и передал машину кирпичу старшему инспектору ГАИ горотдела, старшему лейтенанту милиции. Зовут того Николаем Григорьевичем, фамилии его Дейнека не знает. Самовольства тут никакого. Все делалось с разрешения командира части. А уж где эту машину разгружать—не его, дескать, Дейнеки, дело...

Даже приняв объяснение Леонида Матвеевича за чистую монету, остается только удивляться: почему же подчиненные не видят в нем одного из новаторов, внедряющих хозрасчет на боевой службе? Им, как, впрочем, и мне, непонятно: почему солдаты расплачиваются за чужое ротохозяйство? С каких пор милиция перешла на платные услуги? Думается, Леониду Матвеевичу следовало поискать более убедительный довод для объяснения факта разбазаривания ротного кирпича.

Впрочем, командир части ничего странного в Дейнекиных «операциях» не усматривает: кирпич-де добыт «на стороне», часть за него не платила, следовательно, его и не жалко.

— Когда капитан Аразов был в отпуске,—рассказывает водитель младший сержант Геннадий Малыхин,—я возил капитана Дейнеку. Он старался выпросить у меня как можно подробней: как жил, где бывал Аразов. То есть собирал «компромат». Я уже тогда понял, что Аразова снимут, а командовать нами будет Дейнека. Только заговорили в части о письме в редакцию, приехал сам командир—подполковник Гасанов и забрал у меня права. «Отдай,—говорит,—клеветник!» Я не отдаю, а он опять: «Давай сюда, а то посажу!»

Младший сержант А. Шелудченко был в роте начальником радиостанции. Вернувшись из отпуска, честно доложил командиру: дома сел за руль, попал в аварию. Следствие установило: не виноват, потерпевшие и владелец машины претензий не имеют. Уголовное дело прекращено.

Этой информацией командир части воспользовался весьма своеобразно. Когда стало известно, что Шелудченко, будучи дежурным по роте, зачитал на вечерней повер-

ке письмо в редакцию и собрал более полусотни подписей под просьбой помешать назначению Дейнеки командиром роты, Гасанов заявил сержанту, что его уголовное дело прокуратура переслала в часть, и если он будет продолжать баламутить людей, «матерьялу» нетрудно дать ход.

Надо ли говорить, что подполковник «применил военную хитрость», чтобы не сказать проще и обиднее. По крайней мере, когда я попросил показать эти материалы, он признал, что в часть ничего не поступало(1).

ДУМАЮ, читатель уже сам может судить, клеветят солдаты на Дейнеку или нет. Но вот ведь дело в чем: Леонид Матвеевич парировал их претензии одну за другой, как говорится, глазом не моргнув.

«Пьянки протеста» никакой не было! Несколькое человек отметили день рождения рядового Кравцова. Когда четверых «поймал» ответственный по роте прапорщик Валов, появилась версия о протесте. Да, Клесова действительно пришлось запереть в одиночной камере автозак—буянил, угрожал ротному расправой. Что, незаконно? А куда его девать по закону? После известного в войсках происшествия давно отменены камеры для временно задержанных при отдельно дислоцированных ротах, сведения на нет войсковые гауптвахты. «Пристроить» же нарушителя на «губу» местного гарнизона—значит потерять минимум день на оформление, да еще презент надо везти: иначе запросто могут и не взять. На завтрак Клесов сам не пошел (с души воротило с вечера), а обедом, конечно, его надо было покормить. Забегался, забыл. Вовремя не доложил в часть о пьянке? Так в роте работал начальник штаба подполковник В. Шубин. Ему и докладывал. Почему замполит по своей линии не информировал «верхи»—так это опять вопрос не по адресу.

Нет, солдаты, конечно же, не клеветают. Но радоваться их принципиальности мне все время мешали смутные сомнения. Сформулировать их помогла записка: «571| Расскажи все, что знаешь (от записной книжки до...), ему можно верить, он стоит на защите интересов солдат. Все в рамках. 803». Эту «верительную грамоту» для разговора с младшим сержантом Шелудченко выдала мне ротный писарь младший сержант Светлана Белякова. Но я собирался искать истину и отстаивать исключительно интересы службы! Снять клеймо клеветников с солдат, говорящих правду,—это одно, но выгораживать лгунишек, выдающих заурядную пьянку за жертвенный акт? Извините—таким «солдатским интересам» я не защитник.

«Борцы за справедливость», несомненно, оперируют достоверными фактами. Но откуда солдатам известны нюансы? Например, от кого Андрей Леуткин узнал, что кирпич отправил «налезо» не Аразов, а Дейнека? Откуда у них информация, что мебель не дошла до части? Откуда подробности о не самых приятных страницах био-

графии нового ротного, если даже в личном деле офицера никакой «компры» нет? — Светлана Белякова, секретарь комсомольской организации роты, вспоминала, — проговорился как-то младший сержант Малыхин, — как Дейнека «зверствовал», будущи ротным, и как солдаты его сняли.

Выходит, сценарий устранения необходимого командира не нов. И даже для корреспондента тут роль припасена. Факты, что называется, жареные. Обнародуй — и Дейнека у всесоюзного позорного столба. Только скучно, товарищи, быть pistolетом в чужих руках, хочется оглянуться и посмотреть, чьи это руки, кто добивается устранения Дейнеки, спекулируя на солдатской доверчивости! Согласитесь, такой интерес — в интересах службы...

СТАРШИЙ лейтенант Сайпутин Махмудов расценил свое назначение замполитом роты как не очень приятный, но, увы, неизбежный этап на пути в ротные.

Как выпускник командного училища, о новом поприще он имел весьма смутное представление, но в отдельно дислоцированной роте никто не донимал его проверками или поучениями. Поэтому новый политработник, не умея выполнять свои обязанности, взялся за более знакомые, но чужие — подменял командиров взводов, старшину и даже ротного: старался доказать, что уже созрел для очередного повышения.

Однажды рядовые Алексиадис и Хозреванидзе вызвали на конфликт командира взвода: через скандал хотели добиться перевода в областной центр. Махмудов вмешался — приказал нарушителям дисциплины идти в канцелярию. Хозреванидзе не подчинился. Замполит схватил солдата за плечо и... получил взыскание за неуставные взаимоотношения с подчиненным.

А через месяц Махмудов узнал: Дейнека предлагал солдату написать рапорт о том, что замполит избил его в канцелярии. С чего бы это секретарю ротной парторганизации так «стараться»? И тут осенило Махмудова, что с дисциплинарным, да еще и партийным взысканием ротным он не станет. «Убирает чужими руками конкурентов!» — решил замполит. А заодно оценил потенциальные возможности метода...

И как только один ротный политработник выдвинул себя в делегаты XXVIII съезда КПСС, на партийной конференции Махмудов встал и заявил, что этот кандидат — вор. Есть, дескать, «сигнальчик», что осужденный передал ему десять метров искусственной кожи на пальто. Узнаете почерк? Так что не спешите зачислять Леонида Матвеевича в победители — в затылок ему дышат люди, способные вовлечь солдат и сержантов в конфликты между офицерами.

Содержимое ящиков, отправленных с плановым караулом, вроде нашлось: командир части показал, как красиво облицованы стены солдатского кафе дорогими древесно-стружечными плитами.

— О подчиненных заботимся, — с гордостью сказал подполковник Гасанов,

О подчиненных ли? Забота о солдатах, согласитесь, выглядит все-таки по-другому. Даже под роскошной облицовкой стен не спрячешь дурно пахнущую склоку, бесчестную возню за место ротного. Любой ценой — в заветное кресло? Так это не наш принцип. Удивительно, что старшие начальники, побывавшие в роте, в упор не видят истоков и последствий конфликта. Или не желают осложнять себе жизнь? Пусть, мол, едят друг друга, подсиживают... Действительно, виноватых, запачканных, перессорившихся легче держать на коротком поводке. Но происходящее с катастрофической быстротой растлеивает окружающих. Солдаты и сержанты, поневоле вовлеченные в интриги, утрачивают веру в командиров, политработников, правоту дела, им доверенного. До службы ли тут?

Не секрет: десятилетиями вырабатывался неписанный стандарт обустройства рот, охраняющих богатые пилотматериалами колонии. А с ним — и стереотип оценки командирского труда: если стройка кипит — молодец! Нет ничего зазорного в том, что стены канцелярии, комнаты командиров взводов, лестничных маршей и коридоров облицованы обгороженной древесиной. Рота ведь на балансе ИТК, и кто упрекнет «хозяина», как здесь уважительно называют начальника колонии, за щедрость, граничащую с роскошью?

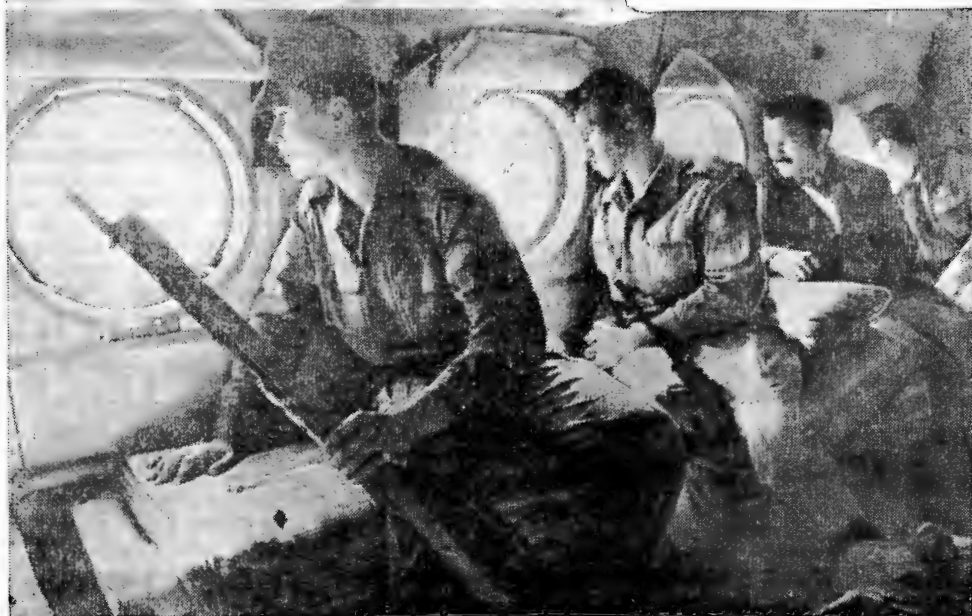
Благодаря ему Дейнека поднял планку до недостижимых вершин — поставил в караульном помещении мягкую мебель. А что на этом фоне делать остальным — всем, кто не очень ладит с начальником своей колонии или, того хуже, охраняет «металлическую» или «швейную» зону — облицовывать стены кровельным железом или драпировать мешковиной?

Дейнекин «хозяин» не обязан, да и не в силах взять на баланс все казармы части. Поэтому деловой, ресторанный ротный, способный установить взаимовыгодный контакт с начальником колонии — на вес золота. И карьера Леонида Матвеевича, на мой взгляд, обусловлена именно этими его качествами, так необходимыми в нашей парадоксальной экономике.

Пусть каждая казарма выглядит, как дворец падишаха — я «за». Но стоит ли эта цель затраченных средств, если ради нее командир, офицер, коммунист вынужден изворачиваться, лгать подчиненным, более того, запугивать их, изобретая несуществующую вину, или в расчете на благодарности делать вид, что ничего не видит? Думается, такие издержки нетерпимы. Стремясь поразить воображение прямого начальника, никто не вправе забывать о чистоте рук и чести офицерского мундира.

...Вскоре после моего отъезда из части в редакцию пришло письмо, почти аналогичное первому. Только на сей раз объектом атаки избран командир роты материально-технического обеспечения. Выходит, везде есть способные ученики...

Капитан В. ГЕРАЩЕНКО,
наш спецкор.

219

Под брюхом вертолета — горы красоты неописуемой. Но прильнувшим к иллюминаторам солдатам не до красот. В любую минуту внизу могут сверкнуть вспышки выстрелов, потому что внизу — Карабах.

На этот раз обошлось. Мы благополучно приземлились на высоте трех тысяч метров над уровнем моря. Тут расположена застава внутренних войск. Суровый быт, опасная служба, регулярные, как по расписанию, ночные обстрелы с соседней горы.

И самый популярный здесь вопрос: когда все это кончится?

Майор В. БУЛГАКОВ.
Фото автора.

ТЕПЛО ВАШЕГО ДОМА

СВЕКРОВЬ

Заплаканные темные глаза, похожие на вишенки после дождя, смотрели полунастороженно-полувопросительно:

— Ну почему, почему она меня так не любит? За что? Нет, уеду я, все равно уеду, раз она этого добивается. Так пусть... Пусть...

Командир роты капитан Акинин как мог успокаивал Наташу, молодую жену лейтенанта Володи Срезнева. Так уж вышло, что матери Владимира невестка не глянулась. Раздражала строгую свекровь упрямая челка над глазами («ишь ты, с норовом») и стремительность в движениях («бойка, ой бойка, округлила сына-то»). О такой ли жене для своего единственного сына мечтала, когда, бедствуя без мужа, растила его? Все ему, все... А сын, окончив училище, тут же женился. Даже не спросив совета. Ну не обидно ли? И потому, еще не зная, не видя невестку, Евдокия Ивановна заранее ополчилась против нее. Понятно, что и отношения с сыном стали иными — будто черная кошка между ними пробежала. Нет, он поначалу терпеливо старался не замечать ее уколов и упреков, но постепенно нотки обиды звучали все громче и громче: она упорно твердила о забытом, поправном им сыновнем долге, он же отказывался ее понимать.

Наташа тоже читала эти письма-отповеди. Плакала. И наконец попросила Володю вступить за нее, ведь не заслужила же. Так и сказала: мужчина ты или маменькин сынок, напиши, что я — не очередное твое увлечение, я — навсегда. А он сгоряча накричал на жену. Шла в слезах, дороги не видя. И наткнулась на капитана Акинина, начальника их войсковой глубинки. Не выдержала — поведала обо всем.

— Поймите, Наташа, — говорил ротный, — Владимиру тоже тяжело. И вы, и мама ему дороги, как тут выбирать? А вы можете... Погибче бы, а?

Не сразу Акинин достучался до ее сердца: была и вторая, и третья встречи. А как-то Наталья принесла капитану запечатанный конверт.

— Прочтите, пожалуйста, — трянула челкой.

— Чужое письмо? — недоверчиво переспросил Акинин.

— Какое же оно чужое — мое.

— И кому?

— Ей, — неопределенно мотнула головой Наталья, — Евдокия Ивановне.

А еще через полмесяца он встретил ее, встревоженную, с телеграммой в руках:

— Едет, понимаете, едет?! Что делать-то?

— Помнить, что она мать вашего Володи, — просто ответил Акинин.

ПОПУТЧИКИ

Служивцами капитана Геращенко и старшего лейтенанта Пенькова не назывешь, но их подразделения соседствуют, и по пути на службу они как-то познакомились. Сначала просто перекинулись дежурными фразами, потом на серьезные темы перешли. Обнаружились общие интересы, подружились.

И вдруг Валерий, попутчик капитана, как в воду канул. Ни в отпуск, ни в командировку он не собирался — Геращенко знал это. Словом, на третий день вечером капитан позвонил в дверь квартиры Пеньковых.

— А папа болен, — сообщила с порога девчонка-подросток, — ему покоя нужен, так доктор сказал. Вы, пожалуйста, не долго.

— Вот, понимаешь, сердце... — как-то виновато, будто оправдываясь, проговорил Пеньков. — Да ты присаживайся, Сергей. Жена в школе, а дома вот Людмила моя хозяйничает. Строгая — просто ужас какой-то, — это он сказал, конечно, для дочки. Та зарделась.

Сгустились сумерки. Вернулась с работы хозяйка, милая, приветливая: напои-

ла чаем с блинами. А Геращенко все не торопился домой: перебирал книги на полках, рассматривал коллекцию причудливых корней и поделок из пластика, шишек...

— Это все мы о дочуркой, — пояснял гостю Пеньков. — Все тропки в лесу исходили, все буераки излазили. Поправлюсь — милости прошу с сыном. Идет?

Неожиданно для себя Геращенко согласился, хотя уже тысячу лет не был в лесу, да и не собирался. «Отчего бы не поехать? — размышлял по дороге домой. — Все выходные — как близнецы: уборка, прогулка, газеты, телевизор». И позавидовал Геращенко старшему лейтенанту. Нехорошо позавидовал — избегать стал с той поры Пенькова.

Но встретил его как-то Пеньков, спросил напрямик:

— Что с тобой, капитан? Может, помощь нужна?

Как объяснить, почему на душе кошкискребут? И все же:

— Не буду кривить: перевернулось во мне что-то после того вечера. Подметил я — небогато живешь. А хорошо! Понимаешь, я и жену, и сына люблю. Дом — полная чаша: и мебель импортная, и ковры по стенам, сейчас на «видик» собираем. Вечером из кресла подъемным краном не вытянешь. Не заметил, как друзья перестали заходить. Что ж, думаю, насильно мил не будешь. И жена успокаивает: грязи меньше. Тишь, гладь да божья благодать. А побыл у тебя и понял: тишина эта — мертвая. Омут. Нет в доме тепла, света нет. Обидно, но так, как ты, мог бы и я жить, если бы... А, — Геращенко сокрушенно махнул рукой.

Пеньков выслушал молча, не перебивая. Прощаясь, протянул руку и сказал:

— Завтра воскресенье, мы в лес едем. Помни, ты обещал...

«РАЗВЕ ЭТО ЛЮБОВЬ?»

Говорят, лиха беда начало. Но молодой чете Светловых грех было жаловаться на начало своей службы: встретили честь по чести, комнату в общежитии выделили — не хоромы, конечно, но жить можно. Квартиру в скором времени посулили, чем плохо? Жить бы да радоваться.

С первой полочки мужа Ирина купила диван. Следом появились кресла, тумбы, пуфики. «Подкараулила» телевизор. А как-то, вернувшись со службы, Николай увидел на стене ковер.

— Очень дорогой, — прильнула к му-

жу Ирина, делая ударение на первом слове. — Денег, понятно, не хватило — соседи выручили. Но мы же вернем, да? Зато уютно.

Еще не рассчитались за ковер, как Ирина преподнесла новый сюрприз — костюм.

— Постой, но у меня же в шкафу висит такой...

— Что ты, это же импортный, — словно несмышленышу разъяснила мужу Ирина.

— А деньги?

— Подумаешь, деньги...

Не спалось в эту ночь Николаю. Радостное ощущение того, что молодая жена оказалась заботливой хозяйкой, сменилось саднящим душу беспокойством. Нет, не денег было жаль, тревожило другое.

— ...О чем ты? — не поняла Ирина, когда он признался ей в своих терзаниях, но тут же деланно строго проговорила, уперев руки в бедра: — А кто тебе, собственно, дал право вмешиваться в женские дела? Не ты ли, Коленка, окрестил меня домашним министром финансов? Ведь я же люблю тебя и потому хочу, чтобы у нас было все: и комната красивая, и одежда, и вещи. Чтобы ты после службы отдохнуть мог по-человечески.

— Да я разве против, — нехотя согласился Николай. — Мне только долги наши не по душе. Давай лучше постепенно откладывать, а потом...

— Ну вот еще, — повела плечами Ирина. — Потом... Потом и жизнь пройдет. Да и времена нынче, сам видишь, какие: надо брать, пока есть. Мне вот шубку обещали достать. Всего шестьсот рублей. Триста уже заняла.

— Да как же, Ирина... — начал было Николай.

— Не любишь ты меня, — в глазах жены заблестели слезы...

В тот же день он вступил в кассу взаимопомощи и сразу, в порядке исключения, стал ее должником. Потом взял еще. И еще. Стал занимать у сослуживцев. Иногда сцена со слезами и фразой «ты меня не любишь» повторялась. И все снова шло своим чередом.

В комнате Светловых стало тесно. На прогулки и в кино Ирина одевалась в самые дорогие свои наряды и то же заставляла делать Николая. Их провожали взглядами, сначала недоуменными, после — укоризненными. И пополз по городку нехороший слухок.

— Пойми, — пытался урезонить жену лейтенант. — Люди смотрят косо.

— Завидуют, Коленка. Не обращай внимания, — успокаивала Ирина.

И Николай... ушел из дому. Были долгие, трудные разговоры: прорабатывали, уговаривали, совестили. Светлов в такие минуты сидел молча, низко опустив го-

лову. Приходила и Ирина к замполиту, гневная, непреклонная. Разговора не получилось — хлопнула дверью.

— Ну что делать будем, Светлов? — спросил однажды командир.

— Вы не думайте, товарищ полковник, я долги отдам.

— Никто и не сомневался, а как же Ирина? Она, кажется, любит вас?

Лейтенант отвел глаза и не то спросил, не то ответил:

— Да разве это любовь?

ПОГОВОРИЛИ

Валентину Чаус захлестнула острая жалость к себе. Она присела на маленький, купленный для Андрейки стульчик, и вдруг словно по сердцу ножом полоснула мысль — а ведь права соседка: пусто в комнате без сына! А жил он отсюда далеко, у бабушки. Жил со дня своего рождения.

С письма от свекрови начался разговор с Тамарой Хвостовой, женщиной немолодой, рассудительной, к которой Валентина пришла поделиться радостью — у сына проявились неожиданные способности рифмовать слова. Да так удачно. И тут же прочитала эти смешные, наивные и трогательные стишата, смахивая слезы с ресниц.

— Золотая у меня свекровь — что бы мы без нее делали?

— Кстати, давно спросить хотела, Валюша, почему ребенок не с вами? Не скучаете?

— Что вы, разве можно сыну к нам, в глухомань? То ли дело — столица. А комнатунка? Где ему развернуться? Даже кроватку детскую поставить негде. Нет, там ему лучше.

Тамара взяла в руки фотографию Андрейки:

— Похож, ох как похож на вас. Мамин, стало быть, сынок — счастливым будет, — с доброй улыбкой заметила она.

— А ваши, видимо, в отца уродились? — раздраженно обронила Валентина. И тут же пожалела о своих словах: за что?

— Да-да, Валюша, — казалось, и не обиделась Тамара. — Вышла я замуж за офицера-вдовца с двумя детьми. И у самой двое. Выходит, четверо.

Ушла Тамара, а Валентина долго еще сидела в прихожей. А вечером как о чем-то давно решенном сказала вернувшемуся со службы мужу:

— Надо вынести этот шкаф, Валера, — здесь мы поставим Андрюшкину кровать...

Подполковник А. ЧИБИСОВ.

ЕСТЬ МНЕНИЕ

НУЖНЫ ЮРИСТЫ

Менять надо организацию правовой работы в войсках. Непременно. Но нужны деньги, а с этим у нас напряженка, хотя экономим на всем, в том числе и на соцзаконности. Кто у нас проводит дознания по фактам совершенных преступлений, служебные расследования? Как правило, лица, не имеющие юридического образования, то бишь, дилетанты: должностей-то соответствующих в частях по штату не предусмотрено. А непрофессионализм в любом деле — всегда себе дороже. Это не тот случай, когда копейка рубль бережет. О моральных потерях и говорить нечего — они зачастую просто невозможны.

А вот другая сторона проблемы. Ни для кого не секрет, что военнослужащие — пожалуй, наиболее уязвимая в социальном и правовом отношении категория советских граждан. Иной раз, чтобы отстоять свои законные права, достучаться до равнодушного сердца бюрократа в мундире или в гражданском костюме, приходится штурмовать непреодолимую «полосу препятствий». Тут бы помощь юриста части и пригодилась. Но, увы... Что же касается органов военной юстиции, то на их оперативность рассчитывать не приходится — там в режиме сверхнагрузок работа идет.

И еще один аргумент. Военнослужащие слабо защищены от рецидивов «силового» стиля руководства отдельных командиров и начальников. Не редки случаи, когда приказы и распоряжения отдаются в нарушение требований уставов и других правовых норм.

Словом, у командира части, соединения обязательно должен быть помощник по правовой работе. Насколько мне известно, в Вооруженных Силах приказом министра обороны такие должности введены в 1989 году. А как с этим вопросом у нас? Есть предложение не откладывать на завтра то, что нужно было сделать еще вчера.

Капитан
С. ДЕДНОВИЧ.

С БАРСКОГО ПЛЕЧА

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ

— Господа! — князь Голицын сановно поднялся и небрежно смахнул пылинку с рукава расшитого золотом камзола. — Волею обстоятельств, ничтожно мало от меня зависящих, я позволил себе ненадолго отлучить вас от забот и дум державных по весьма пикантному поводу. Но слово дворянина: дело не терпит отлагательств. Нашему офицерскому собранию милостью государевой ниспослана пять мужских гарнитуров.

— Неужто трусы, ваше сиятельство? — иронично прищурился поручик Ржевский, оторвавшись от мундштука, набитого отменным табаком артели «Дукат».

Благородное собрание заметно оживилось. Офицеры тревожно заерзали в креслах, изучающе поглядывая друг на друга, как бы пытаясь угадать: кто он — возможный обладатель заветного комплекта?

— Шведского короля товар или немецкого канцлера?

— Отнюдь, господа, — с едва скрытым разочарованием в голосе ответил Голицын. — Отечественные, из Рязанской губернии.

— Осмелюсь заметить, князь, — удивленно вскинул бровь с пересекавшим ее наискось глубоким шрамом — следом сабельного удара, полковник Трубецкой, — нас здесь вдесятеро боле того.

— И посему я предлагаю, милостивые государи, вам самим по справедливости разрешить этот поистине гамлетовский вопрос: кому?

— Прошу прощения, господа, — звякнув медалями на мундире, привстал Ржевский и для вящей убедительности бряцнул шпорами, — но мне решительно надобно не менее трех, ибо сегодня я

приглашен на именины к кузине, завтра — прием у Шаховской, а в среду — ужин при свечах с...

— Побойтесь Бога, поручик, до волокитства ли в столь многотрудный час, — досадливо поморщился Трубецкой. — В кой-то веки даровано нам провидением богатство сие, а вы... Держите себя в рамках приличий, это в конце концов несносно.

— Вы хотите сказать, полковник...

— Не более того, что вы слышали: ваши пошлые аппетиты не сообразуются с тем судьбоносным временем, в которое посчастливилось нам послужить Отчеству верой и правдой.

— Вы затронули мою честь, граф. Подобное не прощается: место встречи и секундантов.

— Извольте...

— Полноте, господа, — вмешался Голицын, — до раздоров ли. Умерьте свой пыл. Итак, кому?

— Теперь уж определенно мне, — взвился Ржевский и, секунду помедлив, добавил: — И Трубецкому. Один из нас наверняка будет убит на дуэли, а согласитесь, негоже русскому офицеру предстать перед судом Высшего в поношенном исподнем.

— Разумно, право, — кивнул Трубецкой, мысленно прощая поручику все.

— Помилуйте, если перед поединком станут выдавать новые, пардон, подштанники, мы, господа, еще до заутрени друг друга перестреляем, — веско заметил престарелый граф Воронцов.

«И это был бы идеальный вариант», — устало подумал Голицын, с тоской припомнив, как напутствовала его матушка-княгиня: без двух комплектов в име-

ние не возвращаться. Но вслух сказал:

— Предлагаю жребий.

— Прекрасно, — подхватил Ржевский.

— Мы заряжаем пистолеты по числу играющих, пять — холостыми. И каждый по очереди стреляет себе в лоб. Улыбка Фортуну — трусы.

— Глупо, поручик, — покачал головой Воронцов. — Себя не жаль — за державу обидно. Два-три таких розыгрыша — и Россия останется без офицеров. Впрочем, — философски добавил он, — может, это и к лучшему, кому он нужен — офицер без...

— Не скажите, граф, я знаю одно такое уютное местечко... — оживился Ржевский.

— Ах, оставьте, господа, — раздраженно махнул рукой Голицын. — О вашей распущенности, Ржевский, скоро анекдоты сказывать начнут. А вам, граф, я замечу, что не в портках величие офицера российского. — Чуть повернув голову к двери, он крикнул: — Лаврушка! Перо, бумагу, фуражку! — что и было исполнено денщиком незамедлительно. — Обойдемся без крови. На пяти клочках я начертаю благословенные кресты, остальные, увы, останутся девственно чистыми.

— Кстате, о девственности, — снова вступил Ржевский, но, увидев, что взгляды присутствующих скрестились на руках Голицына, осекся.

— Позвольте слово, — явно нервничая, поднялся корнет Оболенский. — Нельзя ли сделать исключение. Я, знаете ли, некоторым образом женюсь и... Словом, нелепейшее положение.

— Пустое. Венчание можно отложить до следующего розыгрыша, — сказал Воронцов. — Я, батенька мой, уже четвертым браком женат, а гарнитуров за тридцать лет службы государевой еще не перепало.

Наконец бумажные рулончики ссыпали в фуражку. Жребий был брошен.

— Можно я за князя Волконского потяну? Он в баталии, — без всякой надежды в голосе спросил Ржевский.

— Нет, — отрезал Голицын, — только присутствующим в собрании.

Спустя четверть часа все было кончено. Пятеро счастливых, сжимая в кулаках свитки, подписанные сиятельной рукой, постепили в полковую лавку. Неожиданно в соседнем зале раздался выстрел. Вездесущий Ржевский метнулся туда и, возвратившись, скорбно сообщил:

— Оболенский...

— Глупо, право слово, глупо, господа, — обронил в сердцах князь Голицын. — Днями обещали носки. Пар восемь на собрание. У него был шанс. Ведь...

Подполковник А. УШАР.

Р. С. Прошу прощения за незавершенность — спешу: наволочки распределяют. Две на редакцию.

В ДЕВЯТОМ номере журнала за 1989 год было опубликовано письмо матери одного из наших военнослужащих — «Видео в солдатском клубе: за или против?» Речь в нем шла о непомерно высоких ценах на входные билеты (в то время воинская часть, где служит политработник подполковник А. Копьев, прибегала к платным услугам видеокооператива при ЦК ЛКСМУ), о том, какое влияние на молодых воинов оказывают боевики и им подобные зрелища сомнительного содержания, почти откровенно пропагандирующие культ насилия, секса, отказ от всяких нравственных норм.

Жизнь сама дала ответ на этот риторический вопрос — с каждым днем все больше становится в войсках частей и подразделений, заимевших свои видеосистемы.

ВИДЕО

Теперь у них сложностей с денежным прејскурантом на входные билеты не существует, как и с репертуаром тоже. Но на передний план вышли другие, не менее злободневные, требующие скорейшего решения проблемы.

Короче, если еще недавно разговоры о видеосистемах в солдатских клубах относили к области фантастики, то сегодня видео в войсках — объективная реальность.

Что же стоит за этим явлением? Дать моде? Стремление удовлетворить растущие потребности приходящей в войска молодежи?

Для некоторых частей наличие такой автономной «независимой» техники необходимо как воздух. Вспоминается разговор с одним офицером из управления внутренних войск по Северо-Западу и Прибалтике. «Включаю утром телевизор, — рассказывал он, — «120 минут» посмотреть и ничего не пойму: нет передачи в эфире! Пошел как переключателем — картина та же». Может, это вольности местного телевидения? Не исключено, такое здесь случалось и раньше. А с января 1991 года в Литве вообще сокращены трансляции передач общесоюзной программы.

Мои попутчики на обратном пути из Вильнюса рассказывали, что в санатории, где они отдыхали, в Даугавпилсе, благодаря «умельцам» Москву брали только некоторые телевизоры, но местная программа работала безукоризненно.

Начальник политотдела военкомата Литовской ССР полковник К. Голубев жаловался, что там военным вообще «кислород перекрыли»: не дают возможности выступать ни по телевидению, ни на радио, ни в печати. «Независимая» литовская газета «Республика» несколько недель продержала

ла его материал о противоправных действиях местных властей в отношении военнослужащих, частей и подразделений, дислоцированных на территории Литвы, но так и не опубликовала.

Факты говорят сами за себя — в Литве, и не только здесь, во всей Прибалтике, по всей стране идет непримиримая политическая борьба. И такое мощное оружие, как средства массовой информации, все, страждущие власти, стараются прибрать к рукам.

Можно предположить, что в недалеком будущем наших военнослужащих ждет настоящий «информационный голод». И только отдельные, местные «пропагандистские блюда» будут подаваться им в неограниченном количестве.

В условиях жесткого идеологического

кассет. Как его формировать? На какие средства? Кто войдет в сеть пользователей? — вопросы решаемые. При условии инициативы на местах и заинтересованности центра. Свое слово по этому вопросу не сказали еще и финансисты.

Видео — большое подспорье и в пропагандистской работе. Все войска обошли отснятые товарищами из Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ внутренних войск МВД СССР фильмы о событиях в горячих точках страны. Их воспитательный эффект трудно переоценить.

В условиях информационной блокады можно записывать на пленку передачи Центрального телевидения, использовать записи на занятиях по политической учебе офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат.

В СОЛДАТСКОМ КЛУБЕ:

ЗА!

прессинга неocenимую помощь командирам и политработникам в работе с личным составом могло бы оказать кабельное телевидение. Но удовольствие это настолько дорогое — и в финансовом отношении, и в плане трудоемкости внедрения, — что о его появлении в войсках пока можно только мечтать.

Другое дело — видеосистемы. Они и дешевле, и не требуют долговременных, с привлечением большого числа специалистов подготовительных мероприятий перед запуском в эксплуатацию. Они просты в обращении — «управиться» с видеомagnитофоном может любой мало-мальски грамотный в техническом отношении человек.

«Видики» уже появились в частях. Сегодня уже можно сделать кое-какие выводы из их применения. Первый и, пожалуй, главный — войска не готовы к принятию на вооружение такого мощного идеологического оружия. Используется оно главным образом как средство развлечения личного состава. Заполучить кассету с копией новейшего художественного фильма гораздо проще, чем дожидаться бобины с этим же фильмом с кинобазы. И репертуар фильмов благодаря видео становится шире и разнообразнее. Правда, всегда остается опасность «идеологической диверсии» со стороны некоторых офицеров и прапорщиков — соблазн раздобыть на стороне кассету с «клубничкой» и крутануть ее на своем родном «видюшнике» ох как велик! Не потому ли частенько пылится дорогая и столь желанная видеотехника в кабинетах политработников?

Что ждать войскам от видеотехники? О неограниченных возможностях, которые представляет видео в клубной работе, мы уже говорили. Дело — за банком видео-

Видео — это широкий маневр по времени, возможность безболезненно вписываться в распорядок дня.

Надежным помощником для командира мог бы стать видеомagnитофон и в обучении личного состава премудростям боевой службы, боевой подготовки. Ведь верно говорят: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Правда, пока учебных фильмов на видеокассетах в войсках практически нет. Организовать их производство — дело непростое. Потребуется самая настоящая киностудия со всеми ее атрибутами. Если поставить дело на широкую ногу, не обойтись без специалистов. В перспективе их подготовкой могло бы заняться то же Высшее политическое училище. Вариантов тут несколько. Один — заложить в учебные планы курс лекций по теории и практические занятия по видеоделу. Можно посвятить ему одну из курсовых работ. Ее цель — предоставить будущему офицеру возможность реализовать полученные знания на практике. Другой вариант — создать спецгруппу на курсе, подготовить для нее специальную учебную программу.

На базе ВПУ, можно подключить сюда и УВВ по Северо-Западу и Прибалтике, реальнее всего создание и войсковой киностудии. Неминуемо возникает вопрос с техникой — видеомagnитофоны есть, но далеко не везде. Конечной целью всей работы должно стать создание системы видеотелевидения в войсках.

Дело это не одного дня. Кому-то покажется разговор на эту тему преждевременным. Но рано или поздно к затронутым проблемам вернуться придется. Так лучше раньше...

Майор А. ПЕТРОВ.

«...А собакам позавидовал»

Обращается к вам прапорщик Лебедев Юрий Филимонович. Никогда не писал в газеты и журналы и не думал, что придется писать. Сразу оговорюсь: на вашу помощь не рассчитываю, потому что даже при огромном желании вы помочь мне не в силах. Но столько горечи и обиды скопилось в душе, что просто надо излить их кому-нибудь.

Немного о себе. Начал службу прапорщиком на Севере. Десять лет отрубил не просто в лесном подразделении, а в дыре в полном смысле этого слова. Называется это в просторечии «Луна», что говорит само за себя.

К тому времени был женат, имел сына. Естественно, надо было подумать и о семье. Обратился, как положено, к командиру части с просьбой о переводе в город. Считал, что за долготерпение и добросовестную службу имею наконец право на нормальные, человеческие условия. Увы, надежда на то, что мне пойдут навстречу, проявят заботу о моей семье, не подтвердилась. В ответ услышал, дескать, хочешь—увольняйся, хочешь—переводись в любое подразделение, но тоже лесное, так как нет квартир, нет общежития...

Обидно, конечно, но на нет, как известно, и суда нет. Не бросать же службу, ей лучшие годы отданы. Предложил, правда, такой вариант: даю подписку еще на пять лет там же, на «Луне», а меня поставьте в очередь на квартиру в городе с последующим переводом, когда очередь подойдет. Ответ получил классический: «не положено», нет городской прописки. Вот и вся недолга!

Раньше был уверен — служу по убеждению. Теперь же — от безысходности — начинаю сомневаться в этом. И что же мне с этими мыслями делать?! Начинать все с нуля? Поздновато. Видимо, это хорошо уяснили и наши начальники: мол, деваться-то им, старослужащим и семейным, некуда, будут тянуть ляжку до пенсии в любой дыре... В город же молодежь легче приманить.

Впрочем, и на командиров вроде обижаться нельзя: не по своей воле они так поступают, а вынуждены как-то выкручиваться. Осознаю это все до помутнения в голове, но надоело быть вечной «жертвой обстоятельств». Почему острые кадровые проблемы должны решаться за счет благополучия моего, моей жены, моих детей (теперь у меня их уже двое: старшему пять лет, младшему год)?

Подергался я, подергался и выбрал из двух зол вроде бы меньшее — перевелся в другое лесное подразделение. Все же поселок стоит на железной дороге, есть клуб, магазин, школа, садики детские — с «Луной» не сравнить!..

Перебрался я 30 апреля 1989 года. По-

селили нас в сгнившем, списанном бараке, мол, до осени прожить можно, а там и квартиру получите. Где, думаю, наша не пропадала, столько лет по баракам кочевал, а уж 4—5 месяцев как-нибудь перебыть. Однако у нас обещанного ждут...

Пришла осень — квартир нет. Жили как и прежде: под полами лед, стены сырые промерзли, потолок проседает, сквозняки страшные. Жена с новорожденным почти постоянно в больнице, а я старшего дома как мог спасал. Пережили-таки зиму. Что дальше? А дальше бесплодные походы в поселковый Совет, к командиру подразделения, начальнику учреждения. Реакция одна и та же: квартир нет. И снова обещания: получите в новом доме в сентябре, потом — в ноябре и т. д. Вот такие дела.

А теперь немного статистики к вопросу о социальной справедливости, которой у нас и не пахнет. По штату нас должно быть более 20 человек, фактически — 12 человек. А бывало и по восемь, и по шесть «боевых штыков» в строю. За последние 10 лет квартиры получили только два контролера. Естественно, людей катастрофически не хватает. Отсюда попытки командира взвалить на плечи одного подчиненного функции и начальника войскового наряда, и контролера по надзору за расконвоированными осужденными одновременно. Отсюда стремление офицеров роты и администрации учреждения любой ценой, как и там, на «Луне», удержать молодежь. Как? А все так же — дать квартиру в первую очередь.

Итак, можно подбить итог. Что я имею после четырнадцати лет выслуги? Уставшую от борьбы за выживание жену, двух болезненных малолетних детей, гнилой барак, который без подпорки может рухнуть в любой момент. Да еще... все те же обещания получить квартиру в необозримом будущем.

...А бывший начальник колонии Шогин живет в четырехкомнатной квартире. Они с женой держат двух собак, у каждой псыны свое помещение. Вот и выходит, что собачья жизнь лучше, чем жизнь моих детей. К Шогину я претензий не имею: служил человек как положено, сейчас на пенсии. Дети выросли, разлетелись, как поступить с квартирой — его личное дело. Но вот ведь какая штука: ни к кому претензий не имею, а собакам позавидовал! Так кто же виноват, что мы так живем?

С уважением прапорщик Ю. ЛЕБЕДЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Как сообщил нам генерал-майор В. Гришан, письмо прапорщика Ю. Лебедева рассмотрено на месте. Его семье выделена однокомнатная благоустроенная квартира, а по окончании строительства жилого дома будет предоставлена двухкомнатная.

МАРИНА СЕРВИС

ПРИГЛАШАЕТ
руководящих работников строительных организаций на занятия **В СТРОИТЕЛЬНУЮ ШКОЛУ БИЗНЕСА** по следующим темам

1. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Рассматриваются организационно-экономические, финансовые и правовые вопросы хозяйственной деятельности строительной организации.

2. МАЛЫЙ БИЗНЕС: ОСНОВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается широкий круг вопросов управленческой и предпринимательской деятельности в условиях перехода к рыночной экономике. Даются практические рекомендации по созданию и деятельности малых предприятий, акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью, совместных предприятий и формированию новых структур (концерны, ассоциации).

3. МАРКЕТИНГ И РЕКЛАМА

Рассматриваются основные принципы функционирования экономического механизма службы маркетинга и рекламы. Даются рекомендации по созданию на предприятии или в строительной организации службы маркетинга, по подбору специалистов службы, по анализу положения предприятия на рынке и оценке его перспектив.

Продолжительность курса — 5 дней. Стоимость, включая проживание и питание, — 1250 рублей. Численность группы — не более 7 — 10 человек. В процессе обучения слушатели обеспечиваются комплектом методического и информационного материала.

В случае Вашей заинтересованности просим направить гарантийное письмо-заявку с указанием: количества слушателей, направляемых Вашей организацией; их должностей; желательной даты начала обучения (в пределах одного календарного месяца). Письмо-заявку просим направлять по адресу: 103064, Москва, аэропентный ящик 356.

На основании Вашей заявки в течение двух недель Вам направляется проект договора с указанием условий оплаты и сроков обучения.

По вопросам участия в обучении можно проконсультироваться по тел.: 250-69-13 (с 10 до 13 часов) и 465-17-40 Сюбаев Александр Камильевич (с 9 до 15 часов).

103064 Москва
а/я 356

Тел. 241-72-38
208-42-08

103064
Москва, а/я 356
АРМА СЕРВИС

Приглашаем вас к сотрудничеству!

**В феврале — апреле
успешно прошли
организованные
фирмой семинары
по следующей
тематике:**

**“МОДЕЛИ ПРОЕКТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В
УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ”**

На семинаре рассмотрены вопросы развития проектирования в условиях перехода к рынку, правовые и финансовые аспекты создания малых форм бизнеса в проектировании, аспекты приватизации проектных организаций и ряд других вопросов.

**“ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ
ПРИ ПЕРЕХОДЕ К РЫНКУ”**

На семинаре рассмотрены проблемы реформы ценообразования в строительстве, создания нормативной базы и пересчет сметной документации, а также получения прибыли строительными организациями.

**“ФИНАНСОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕД-
ПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ
РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ”**

Семинар охватил вопросы изменений в системе налогообложения прибыли предприятий, создания рынка ценных бумаг в СССР, деятельности коммерческих банков, а также вопросы внешне-экономической деятельности предприятий и организаций.

**Занятия будут продолжены. За-
явки на участие в семинаре мож-
но подать по телефонам:**

241-66-28 с 8.00 до 17.00

153-09-08 с 8.00 до 17.00

465-17-04 с 9.00 до 15.00

194-54-16 с 14.00 до 19.00

147-50-23 с 12.00 до 20.00

**Приглашаем вас к сотрудниче-
ству!**

В июне — июле “Ларина сервис” предполагает провести семинары по темам:

“ПЕРЕСТРОЙКА СИСТЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА И ОТЧЕТНОСТИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К РЫНКУ”

Срок проведения — 5-8 июня 1991 года.

Стоимость — 1370 руб. (с проживанием), 1200 руб. (без проживания).

На семинаре-практикуме будут рассмотрены вопросы взаимоотношений предприятий с бюджетом (налоговая система); основное содержание аудита, анализ производственно-хозяйственной деятельности, отчет налоговым органам аудиторской службой и др.

Второй поток будет проведен 3-6 сентября 1991 года.

“ФИНАНСОВЫЕ И ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВАТИЗАЦИИ СОБСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ”

Срок проведения — 17-19 июня 1991 года.

Стоимость — 980 руб. (с проживанием), 800 руб. (без проживания).

“ТОВАРНО-СЫРЬЕВАЯ БИРЖА. ФОНДОВАЯ БИРЖА. ВАЛЮТНЫЙ РЫНОК”

Срок проведения — 2-5 июля 1991 года.

Стоимость — 1350 руб. (с проживанием), 1150 руб. (без проживания).

Семинар даст возможность ознакомиться с основами деятельности товарно-сырьевой и фондовой бирж, брокерских фирм; рассмотреть валютный рынок и рынок ценных бумаг.

АНОНС!

АНОНС!

АНОНС!

АНОНС!

Тел. 241-72-38
208-42-08

ЛАРИНА СЕРВИС

Директор фирмы
“Ларина-сервис”
Л. Бабух

103064
Москва, а/я 356

ЛИНСА
ЛИНСА СЕРВИС

Если вы хотите включить
информацию о вашем предприятии
в компьютерный банк данных фирм,
просим заполнить следующие графы

ВНИМАНИЮ ПАРТНЕРОВ

1. Полное и сокращенное наименование предприятия

2. Адрес

3. Телетайп

4. Телекс

5. Телефакс

6. Фамилия, имя, отчество руководителя, телефон

7. Основной вид продукции (промышленная, научно-техническая, услуги и т.п.)

8. Неосновная продукция (в том числе товары народного потребления)

9. Купим

10. Продадим

11. Обменяем

12. Изготовим

13. Просим изготовить

14. Возьмем в аренду

15. Ищем партнера

16. Предлагаем

17. Разработаем

18. Ищем разработку

19. Предлагаем внедрить

20. Требуется консультация по вопросам

Тел 241-72-38
208-42-08

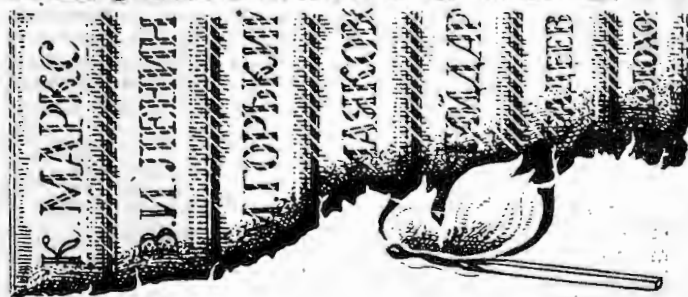
ЛИНСА СЕРВИС

Директор фирмы
Ларина-сервис
Л. Бабух

Борис ЛЕОНОВ,
доктор филологических наук

БЕСПАМЯТСТВО?!

У КАЖДОГО здравомыслящего человека есть потребность разобраться в процессах, происходящих в обществе. Ни специалисты, ни нынешние партийные идеологи не могут помочь нам в этом. Вот и возникла мысль — в «отечественной периодике последних лет попытаться найти объяснение безудержному негативному отношению к собственному прошлому, коим охвачена значительная часть общества, понять суть остракизма в отношении публицистов, теоретиков искусства, всерьез пытающихся во всем разобраться.

«С каким-то ожесточенным упоением мы всклянь разнесли достижения минувших лет, безжалостно марая и вырывая страницы истории, переписывая ее вкривь и вкось, выпячивая только дурное, вконец замордовав тех, кто пытается толком разобраться в минувшем и настоящем», — констатирует В. Горленко в статье «Не печалься, обиды не в счет...», опубликованной в «Правде» 11 ноября 1990 г. И продолжает: «Чем лучше сегодняшний... «духовный вампиризм» унижительной вседозволенности — вчерашнего удушения личности в эпоху сталинизма или застоя? И каково жить, творить, любить человеку, прибитому к земле тотальным «плохизмом»?»

Эти же вопросы волнуют и министра культуры СССР Н. Губенко, о чем свидетельствует его статья «Уничтожить или создать» в газете «Советская культура» от 8 сентября 1990 г. В ней приведена целая серия случаев вандализма, происшедших в самых разных республиках по отношению к памятникам. В частности, в России в поселке Спруги Красные Псковской области был облит смесью битума с бензином и подожжен памятник Ленину. В Литве на воинском кладбище г. Калвария повалены 54 гранитных плиты с высеченными на них именами погибших при освобождении города от фашистских захватчиков в 1944 году. В центре Еревана с постамента сброшен памятник М. Азизбекову. Осквернен памятник К. Марксу и опрокинут памятник Кирову в Кироваване. В Баку штемпельной краской залит мемориальный комплекс 26 бакинских комиссаров. В Тбилиси демонтирован памятник Орджоникидзе. В Ткварчели сброшен с постамента и разбит бюст великого Шота Руставели.

ДУБЛИСТУКА

Далеко не полный перечень фактов, взятых из статьи Н. Губенко, сам по себе говорит о жестокосердии и бездуховности части наших сограждан, о равнодушии тех местных властей, кто ответствен за охрану памятников. Сам же министр культуры объясняет происходящее уровнем нашей культуры. В его словах я слышу необозначенную ссылку на слова академика Д. С. Лихачева о том, что в культурной стране невозможны насилие, кровопролитие, погромы. Честно говоря, заманчиво присоединиться к такому объяснению вандализма. Но проблема, думается, не ограничивается только таким взглядом на суть причин самого явления. Носитель культуры — народ. Здесь же мы имеем дело с толпой, вдохновляемой и направляемой злой волей. Можно сослаться на пример наших дедов, которые-де разрушали памятники прежней культуры, выполняя распоряжения большевиков: все прошлое сокрушить до основания. Позволительно в таком случае спросить: а кто же ныне распоряжается очередным «крушением»? И никто не осмеливается произнести очевидное: да те, кто у власти. В кураже над памятниками они, полагаю, видят возможность отвести гнев народный от самих себя. Однако позиция сия наивна и чревата катастрофой. Именно это обстоятельство и позволяет мне «выстроить» собственную теорию происходящего с нашей памятью.

И БЕДА НАШЕГО общества в том, что каждый из лидеров, приходя к руководству партией и страной, считал и считает своим долгом отречься от деяний предшественника, свалив груз ошибок, деформаций и просчетов на того, при ком спокойно пребывал в единодушно и подобострастно принимавшем решения Политбюро и ждал своего часа, чтобы стать Генеральным. В таком случае, простите, откуда же могут возникнуть преисправленность в политике, нравственное совершенствование общества, уважение к прошлому? Напротив, все прошлое — неверно, все минувшее — несостоятельно, все создававшееся и почитавшееся — бесперспективно. Вот вам и почва для крушения идеалов, еще одна кампания, подстрекаемая теми, кто в очередной раз в корыстных интересах использует свое пребывание возле новоявленных вождей. Разве не здесь истоки безнравственности? А мы опять и опять говорим о следствиях, никоим образом не вскрывая причин, всерьез полагаем, что все «дело крушения» началось с большевиков. Да нет же! Мы просто живем в стране, не застрахованной от очередного проявления крайностей.

Вспомним хотя бы историю введения христианства на Руси. Варвары устанавливали его варварскими средствами. Свидетельство тому оставила «Повесть времен-

ных лет» Нестора. В ней впечатляет эпизод возвращения князя Владимира из Чернигова и решение принять христианство: «И когда пришел, велел опрокинуть идола — одних порубить, других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочь его с горы по Бричеву возу к Ручью и поставил двенадцать мужей колотить его жезлами...»

Читая эти строки, так и хочется спросить: а ныне кто-нибудь из государственных мужей распорядился взять под защиту памятники? Разве можно было коверкать жизни старших поколений, отдавать их на суд тех, у кого нет и не может быть права судить революционное прошлое? Как это могло случиться, что руководство страны практически санкционировало духовный развал общества, разрыв поколений, святотатство на могилах павших?!

Если поддаться вспыхнувшей эпидемии вандализма, то я, скажем, должен предать память отца. Отец мой шел по Финскому заливу вместе с делегатами X съезда партии на подавление Кронштадтского мятежа, и в него стреляли поручики голицыны и корнеты оболенские. Что подделаешь — так случилось в России. Это была национальная трагедия. Так давайте же научимся соответствовать глубине ее!

В чем же критики Системы и революционного прошлого видят вину народа?! В том, что он именно так распорядился своей судьбой, так обозначил свою дальнейшую историю? Именно эту историю, как сейсмограф, зафиксировала советская многонациональная литература. Духовный напор победы революции вошел в плоть и кровь нашей идеологии, ставшей верой многих поколений. Верой в светлое будущее, которое следовало построить собственной рукой и ради которого люди готовы были идти и шли на сознательное самопожертвование. Об этом хорошо сказал И. Волгин в статье «Гарантии для идеала»: «Почему в России вообще победила революция, почему, несмотря на все наши ошибки, провалы и поражения, были явлены образцы беспримерного героизма и величайшего самопожертвования?»

Потому что народ никогда не был соучастником зла. Потому что те высшие идеалы, которые обозначены на нашем знамени — всемирного братства, справедливости и свободы, — эти идеалы по своей сокровенной сути совпадают с нравственным инстинктом нации, с глубинным, народным пониманием добра — как любви, истины, блага. Именно сознание внутренней правоты, личной причастности к некоей мировой правде, к еще неокрепшему и в незащищенности своей требующему железной опеки добру — вот что одушевляло тех, кто, не задумываясь, шел на смерть ради торжества настоящей жизни».

И что же, все это — тлен, чепуха, подлежащая разрушению и анафеме?

249

ПРИГЛЯДИТЕСЬ к происходящему, вчитайтесь в пышущие недобром страницы периодики и вы обнаружите, что расшатывают пьедесталы нашей памяти не только осквернители памятников. Волна сокрушений в словесной оболочке гуляет по радиопередачам и телеэкранам, в кино и на подмостках сцены. Я лично называю этот рецидив своеобразной «палатой № 6» в нынешнем кураже массовой культуры, где утрачены критерии истинной художественности и таких понятий, как интеллигентность, деликатность, совестливость.

Осквернение памяти — это осквернение самого великого памятника в национальной жизни — памятника нравственности. Отсюда берут начала вандализм и беспредел. А осквернять великое, высокое, трагичное можно ведь не только физическими действиями, но и уравнивая указанием свыше истинное искусство и шлагер. Пусть, мол, соревнуются, все равны. Только в подобном вседозволении то ли сознательно, то ли по недомыслию забывается одно и главное: талант — товар штучный, а не конвейерный, занятие искусством — тяжкий труд, а не развлечение и шоу, «сладкая каторга», как говорил поэт, а не времяпрепровождение.

Нельзя не согласиться и с Ильей Глазуновым: «Попробуйте станцевать, как Дудинская, Уланова, Семеняка. Это трудно, требует школы, воли, таланта. Но, думаю, всякий может от руки или по линейке начертить квадрат и раскрасить его черной краской. И ведь никому не придет в голову заменить русскую школу классического балета классами аэробики. И если кто-то хочет заниматься абстракцией, для этого не надо учиться, достаточно свободы самовыражения. Это самодеятельность. Школа же должна иметь принципы, она должна давать знания, открывать тайну мастерства и равняться в этом на вершины мирового класса, не забывая при этом, ради чего это делается... Пусть у нас будут разные художники, но Рафаэль, А. Иванов, Брюллов, Врубель и другие великие художники прошли школу и только потом приобрели право на свободу творчества. Сейчас, в XX веке, размыты все критерии искусства — есть мода и бизнес, культ дилетантизма».

Не от бизнеса ли происходит наш убогий арсенал «телесной» пропаганды, весь этот бум вокруг порно-видео, что давно уже не в «моде» на Западе. Там ценят подлинное, истинное, но потому-то и дорогое. А прочее по дешевке сбивают нам, нищим. И не только материально, но, увы, и духовно.

Согласен с известным актером и режиссером Р. Быковым: «Наше общество все более теряет стыд. Думаю, что показ порнофильмов ничуть не отличается от нравственности, которую можно назвать порнографической... Это одно из проявлений

коммерциализации нашей жизни и, к сожалению, культуры». И далее он делает печальный вывод: «Ну ладно. Положим, в стране рыночная экономика. Но лично у меня еще есть дети! Думаю, мало кому из отцов понравится, если его ребяташки начнут знакомиться с интимными сторонами жизни с помощью порнухи из видеосалонов и буклетов из метро, подробно описывающих опыт польских лесбиянок и проблемы советских гомосексуалистов. А ведь с этим не шутят. Подростки настойчиво ищут ответ на вопрос, что такое дружба, любовь, верность. А взрослые дяди и тети старательно убеждают их в том, что скотство — это и есть любовь».

Все это, как ни печально, рецидивы духовного обнищания общества, оказавшегося лишенным нравственного иммунитета — национальных традиций, устоев, обычаев. Так что духовная нищета общества — не порок его, а беда.

БЕДА, ОНА всегда тиха, боится шумовых эффектов. Но мы и эту истину перевернули. У нас и «поминки», как, скажем, в статье В. Ерофеева «Поминки по советской литературе», опубликованной 4 июля 1990 года в «Литературной газете», и те справляют со скандалом, и из партии выходят с эстрадной помпой. Мы и из своей духовной убогости устраиваем некое шумное действо: публично сечем себя, поливаем грязью, посыпаем голову пеплом, под стать популярной передаче КВН. Что это? Очередная пляска дикаря?

Ну хорошо. Мы многое узнали и ужаснулись каким-то жестоким страницам в своем прошлом. Для чего же предавать анафеме и это ужасное? Для чего на подобном «открытии» опять же строить публичную экзекуцию над политическими деятелями революции во главе с Лениным? Да к тому же отталкиваясь от вырванных из контекста биографии частностей, истолкованных субъективно и скоропалительно?

«Я добросовестно подсчитал, по наименованиям, что знали из мировой культуры Маркс и Энгельс, а что Ленин. Раз в 50 меньше», — сообщает дostoевсковед Ю. Карякин в «Комсомольской правде» 22 июня 1990 года. Следует вывод: «А если что-то не знаешь, это для тебя не существует, тебе этого не жалко, это не входит в твой духовный статус, не живое для тебя».

Почему-то возникла мысль об элигонстве сей «смелой» точкой зрения. Не о том ли можно было прочитать в журнале «Юность» (№ 11, 1989 г.), первым поместившем страницы из книги Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма»? Так вот у Бердяева есть слова, которые, как мне кажется, не делают чести этому философу: «Тип культуры Ленина был невысокий, много ему было недоступно и неизвестно. Всякая рафинированность мысли и духовной жизни его отталкивала. Он

много читал, много учился, но у него не было обширных знаний, не было большой умственной культуры». Вот Ю. Карякин и решил все это, сказанное Бердяевым, может, и в сердцах, «скалькулировать» и перевести на язык цифр.

Но зачем же так примитивно-статистически? Неужто для того, чтобы объяснить читателю, почему Ленин «выгнал» за пределы России двести ученых-философов, нужна логика подобных подсчетов и сопоставлений, проделанных Карякиным над Марксом, Энгельсом и Лениным в области «наименований из мировой культуры»? Простота удобна для приговора, но отнюдь не для постижения истины. Когда же она становится двигателем наших суждений, тогда погибает здоровый смысл и торжествует примитив. К тому же не следует забывать, что ныне мы лишены истинных знаний о минувшем, ввергнуты в атмосферу слухов, легенд, домыслов.

Велик соблазн выстроить и свой контрответ Ю. Карякину, свою версию прискорбного эпизода. А что, если Ленин, высылая русских ученых-философов из страны, тем самым сознательно сохранял им жизнь, а стало быть, их творческую деятельность для России, для истории, для нашего будущего? Не боясь прослыть антипатриотом, признаю: меня греет и такой домысел, что русские интеллигенты, эмигрируя, вывозили с собой живописные, эпистолярные и другие ценности во благо России. Останься все это в бушующей революционной переустройством стране, скольких бы духовных и материальных сокровищ мы недосчитались! Говорю об этом, не повторяя уже повторенное многожды, а основываясь на своем собственном опыте.

В 1966 ГОДУ в костромской газете «Северный рабочий» появилась заметка местного краеведа «Рассеянные сокровища», где, в частности, сообщалось со ссылкой

на документ в областном архиве, что весной 1919 года из имения П. А. Катенина в Шаёве, что в сорока верстах от уездного Кологрива, вывезен вместе с утварью архив писателя. Но началась распутица, и все это добро свалили на чердак первой же избы близлежащей деревни. И подумалось: «А вдруг?!»

Летом того же года отправился на поиски архива. Не буду описывать всей этой «одиссеи». Скажу лишь, что в Кологривском краеведческом музее отыскал тетрадку с записями внучатого племянника Катенина — некоего Глебова. Из нее, в частности, узнал, что однажды, оказавшись на чердаке родового дома, он обнаружил кучу самых разных бумаг. Роясь в них, натолкнулся на толстую тетрадь. Раскрыл и обомлел. То были письма Пушкина к Катенину. Он отослал тетрадь в Петроград, в Пушкинский дом. Оттуда последовал ответ: да, это письма Пушкина, но не под-

линники, а копии с них, кем-то аккуратно переписанные в тетрадь. Просили поискать подлинники. И не только пушкинских писем, а и посланий Грибоедова, Озерова, других современников Катенина.

Но заниматься розысками Глебову не пришлось: началась первая мировая война, он ушел на фронт. В Кологрив вернулся лишь после гражданской, в 1923-м. На чердаке уже ничего не было.

— Не обязательно погибли бумаги в то время, — заметила директор музея. — Могли разобрать и хранить у себя местные интеллигенты. Но в 30-е, когда и до Кологрива докатилась волна репрессий, люди сжигали все, что так или иначе несло на себе печать прошлого. Особенно бумаги с ятями и ерями...

Вот откуда во мне это чувство благости от того, что не все погибло в огне революции и духовной стерилизации общества. Но, право же, это обстоятельство ни тогда, ни сегодня не возбуждает во мне желания обвинить в происшедшем Ленина или даже на чуть-чуть усомниться в его гениальности. Содеянное им не укладывается в привычные доморощенные догмы, и никто не сумел и, думаю, не сумеет опровергнуть его учение и его дела. Зато сколько же ныне развелось охотников опорочить ленинизм, похабно похихикать у памятника вождю, как некто Арк. Минкин в первом выпуске нового еженедельника «Столица».

«Если подумать — что пропагандируют каменные Ленины? — с элементами иезуитства вопрошает он в статье, названной не менее иезуитски — «Истукан». — Вот памятник Пушкину. За что? Кто не читал книг — прочтет на постаменте: «Что в мой жестокий век восславил я свободу И милость к падшим призывал».

А что на «дедушках»(?!), что написать? Что простой советский человек знает из Ленина? Из всех искусств для нас важнейшим является кино. Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи. Учитесь, учиться и учиться. Верной дорогой идете, товарищи. Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация. Политическая проститутка Троцкий. В каждом городе страны есть Ленин. Денег на культуру стране не жалко».

А ведь в подобных «познаниях» наследия Ленина Минкин поставил не только самодиагноз. В стране немало людей, не ведающих сути предмета, но знающих о нем по расхожим стереотипам. Из «Горя от ума» А. С. Грибоедова помнят — «Карету мне, карету!»; из «Гамлета» Шекспира — «Быть или не быть?»; из «Преступления и наказания» Ф. Достоевского — кто-то шлепнул старушку-процентщицу. Но именно подобных познаний как раз и хватает для создания пасквилей.

1 апреля 1990 года В. Дюжев, как он сообщает в газете «Красная звезда», оказался на «Олимпиаде смеха» в Театре эстрады. В представление был вставлен скетч Ефима Смолина, в котором автор изобразил отделение психической больницы. Сре-

ди действующих лиц (читай—психов)—Ленин, Дзержинский, Подвойский, Урицкий, Зиновьев. А далее на сцене происходило следующее: «Ленин», одержимый боязнью к «Керенскому», увидев тетку в юбке, тут же посреди палаты соорудил себе из простыней шалаш и стал в нем скрываться. «Соратники» ему подыграли: напрудили лужу вокруг и получился «Разлив»...

СТАЛО ЧУТЬ ЛИ не модным бросить камень в имя Ленина: и тут-де он ошибся, и там не так поступил. К тому же был жесток, неуступчив, самолюбив. Да и окружение у него подобралось чуть ли не из преступников. Произносился, пишется все это людьми бессовестными нарочито и прицельно, поскольку игнорируется общеизвестное: Ленин никогда не протестовал против открытой полемики, считал такую партияной, революционной. Он видел в полемике действенное оружие против врагов социализма. Ее открытость выбивала козыри в их «слуховой» обработке масс, в стараниях фальсифицировать факты, организовывать заговоры. Вместе с тем, благодаря такой полемике, народные массы получали из первых уст информацию о происходящем в стране, в партии, в руководстве государством.

Завершая предисловие к работе «Шаг вперед, два шага назад», В. И. Ленин заметил по адресу противников: «Они злорадствуют и кривляются, наблюдая наши споры; они постараются, конечно, выдерживать для своих целей отдельные места моей брошюры, посвященной недостаткам и недочетам нашей партии. Русские социал-демократы уже достаточно обстреляны в сражениях, чтобы не смущаться этими щипками, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно и неизбежно будут превзойдены ростом рабочего движения».

И тем не менее у нынешних противников социализма и Советской власти есть очень весомые козыри. Я имею в виду тот факт, что эти известные ленинские указания были напрочь исключены из жизни партии и государства после кончины вождя. Обожествлением Ленина его вчерашние соратники решили покончить с живой, деятельной, противоречивой личностью Ильича, а тем самым и с его планами построения демократического государства. Чудовищный по замыслу и елейный по исполнению план убийства живого учения произошел. И никто почему-то не говорит, что именно в этой казуистике—синдром оправдания безнравственности бюрократии от партии, превращенной Сталиным и его окружением в служителей партократического ордена. В чем эта безнравственность? Да хотя бы в том, что все вершившееся в стране связывалось с именем Ленина, прикрывалось его «заветами».

Одной из самых коварных форм проявления безнравственности партократии было переименование исторических мест страны в угоду тщеславию «пламенных революционеров». Благословенная самим Лениным традиция сокрушила его самого: именем его у нас называлось все маломальски значимое, что строилось, организовывалось, оформлялось, возводилось и т. п. Вот откуда это неприятие Ленина. А на самом деле не его, а того, что зачастую бездумно связывалось с его именем, вместе с потоком растражированных гипсовых, бронзовых барельефов, бюстов и бюстиков. Вот они плоды чудовищного по замыслу обожествления, десятилетиями прикрывавшего иждивенчеством на цитатах вождя, великое наследие которого так и осталось пылиться на книжных полках в кабинетах его «верных продолжателей».

Подтверждением сему — факт реабилитации тех жертв сталинских репрессий, которые, как оказалось, сами стремились всеми правдами и неправдами сохраниться у власти, предавая Ленина, его дело, своих вчерашних товарищей. Естественно, по их признаниям, все это делалось во имя сохранения единства партии. Нам трудно сегодня докопаться до истины. Куда как проще списать все на одного тирана, а других представить невинными жертвами. Сочинить оду вдове Бухарина, предложить переименовать Ждановский район в Бухаринский и т. д.

Очередная, неожиданная вспыхнувшая любовь наших известных поэтов к жертвам-вождям, но не к народу-страдальцу так же неожиданно обернулась прямо противоположным эффектом. Вот уж поистине прав был Ф. И. Тютчев, пророчая: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...» В самом деле, не прошло и года, как на страницах периодики вслед за филиппиками в адрес Бухарина, Зиновьева, Тухачевского и других появились материалы, которые ужаснули фактами беззаконий, творимых названными вождями от имени революции. Вот только один пример из «Комсомольской правды» за 12 сентября 1989 года:

«В Петрограде Зиновьев приказал всем бывшим офицерам царской армии зарегистрироваться для получения хлебных карточек и т. д. Те пришли. И все были расстреляны. Красные брали Крым. Фрунзе обратился к белогвардейцам с воззванием, чтобы не уходили с Врангелем за рубеж. Всем гарантировалась жизнь и свобода. Десятки тысяч офицеров, юнкеров, рядовых чинов остались. Несколько дней их, сдавших оружие, расстреливали из пулеметов, живыми бросали в море с привязанными к ногам камнями. Руководили расстрелами Бела Куя и Землячка».

Подобные примеры можно множить. Но вот что поразительно: они используются не для констатации трагизма нашей революции, а для выяснения отношений между нынешними «левыми» и «правыми», «нашими» и «не нашими». С горечью и в который уже раз приходится отмечать, что ис-

тория ничему не учит, а всего лишь используется для разжигания страстей, сокрушения вчерашних авторитетов и идеолов. Злость вымещается на памятниках и великих именах, среди которых оказываются Горький, Маяковский, Шолохов, Макаренко, Гайдар и др.

Н А ГОРЬКОГО, — пишет исследователь его творчества И. Вайнберг, — сваливаются все беды за Первый съезд писателей. И чуть ли не за сталинские репрессии, и вот вместо того, чтобы попытаться понять писателя, его позицию, мы начинаем навешивать ярлыки, бросаясь из крайности в крайность: то мы рисовали иконописный портрет — он был для нас великим гуманистом, буревестником революции. Теперь его делают чуть ли не проводником и защитником сталинских репрессий». Между тем, говорит исследователь, «Горький пережил ту же трагедию, что и весь народ, и партия».

Происходящее напоминает «достопамяные» для сокрушителей Союза писателей и его основоположника 20-е годы, когда писательская публика разедалась жестокой враждой ассоциаций и объединений, безжалостной к личности групповой борьбой, существенно сократившей дни пребывания иных писателей на этом свете. Не о том ли, в частности, свидетельство А. Воронского, который в 1927 году писал в адрес Л. Авербаха — лидера рапповцев: «Орудя якобы марксовым методом, вы способны изрекать только такие истины: Булгаков — черная сотня, Толстой — сменовец, Горький — люмпенпролетарий или пролетарий, Успенский — разночинец-народник и т. д.» Вместо серьезного разговора по существу у Авербаха, по словам Воронского, — всегда разнос, навешивание ярлыков, а «каждое отступление от общих избитых мест кажется... предательством».

Как актуальна ныне попытка Воронского разобраться в генотипе людей, подобных Авербаху, появившихся в первые послереволюционные годы в нашем литературном мире. Фигуры, сродни лидеру РАПП «вострых, преуспевающих, всюду поспевающих, неутомимых юношей, самоуверенных и самонадеянных до самозабвения, ни в чем не сомневающих, никогда не ошибающихся», уже довольно примелькались и в нашей жизни. Они, как правило, «клянутся ленинизмом», а их «вострота подчас принимает поистине злоевавший оттенок. Легкость и немудреность их багажа конкурирует с готовностью передернуть, исказить, сочинить, выдумать. Они уверены, что бумага все стерпит, оттого такая прыткость, развязность тона. Они метят в Катоны, но мы-то знаем, что в них больше от Хлестакова и Нооздрева. Однако они усвоили твердо: клеветцы, от клеветцы всегда что-нибудь да останется...»

Конечно, останется! И даже дух их ос-

танется, и приемы, и методика ведения полемике с перехлестами и намеками, с передержками и искажениями. Об этом, кстати, напомнила и А. Латынина в своей статье «Не мешайте коню сбросить всадника...» Она поведала о телефонном разговоре с интересным своим знакомым, который огорчен «войной с патриотами» в «Огоньке»: «Стыдно читать, и знает — стыдно за обе стороны сразу...» И далее приводятся, видимо, его слова: «Я ценю дар Татьяны Толстой, но ощущаю какую-то неловкость, читая фельетон «Не могу молчать»: «Пушкин был еврей. Его настоящая фамилия Пушкинд... Лермонтов тоже был еврей. По-настоящему его звали Лерман». И т. д. Наверное, патологическая логика мифоманяюдобфа заслуживает фельетона не меньше, чем научного исследования, но не велит этот... пролеткультовский юмор».

С ОВСЕМ ЕЩЕ недавно мы, разгадывая причины бесспорной творческой удачи А. Н. Толстого — романа «Петр Первый», называли среди них удивительное со-
впадение петровского преобразования России с трудовым пафосом первых пятилеток. Нынче этот же очевидный момент пытаются «перестроить», а точнее переписать. И он уже выступает не как объективный фактор реальной жизни, сослуживший добрую службу в художественном открытии нашего великого современника, а всего лишь как субъективное начало «подхалимствующего» автора. Именно так «перепрочел» историю создания и сам роман Е. Добренко в статье, опубликованной в августовской книжке журнала «Вопросы литературы» за 1988 год. В романе, считает он, воспроизведена «не Петровская, но именно сталинская эпоха», и в нем запечатлен не дух времени, не быт петровской Руси, как то с восторгом отмечал И. А. Бунин, совсем не жаловавший Толстого, а всего лишь «сплошной маскарад».

Не миновала чаша с желчью оскорблений, передергиваний и подозрений и Вл. Маяковского. Особо досталось поэту в газете «Московский художник», где дискуссии о нем открыла статья В. Лемпорта «Счищая накипь».

Какую же «накипь» взялся «счистить» автор статьи? Он решил сказать «во весь голос», что Александра Блока уморила голодом Советская власть. На этот голод обрек страну ленинский план кооперации. Идеалисты-большевики во главе с Лениным вместо того, чтобы покупать хлеб у крестьянина, стали отнимать его за так и тем самым обострили гражданскую войну. А Маяковский всю свою звонкую силу поэта отдал атакующему классу, явившись тем самым апологетом сталинизма. И потому он никакой не великий, нет ему ни славы, ни признания.

Снова та же самая простота приговора. А в жизни все значительно сложнее. И по-

тому трагичнее. И именно этой мыслью проникнут достойный ответ участникам дискуссии Т. Хорошиловой. В статье «Не кистью, так пером» она говорит, что этого великана затравили карлики. Они с высоты своих карликовых амбиций не могли простить ему его величия. Это еще раньше уловил Б. Пастернак, заметив, что Маяковский «почти как долгу был верен всем карликовым затеям своей случайной, наспех набранной и всегда до неприличия посредственной клики...» И среди этих карликов прежде всего следует упомянуть чету Бриков.

«Строки дискуссии в «Московском художнике», — пишет Т. Хорошилова, — сквозят иронией и фельетонным сарказмом, когда дело касается отношения Маяковского и Бриков, а это особая страница в жизни поэта, тайну которой он унес с собой». И тут бы не приговором заниматься, а серьезным расследованием, скажем, коварной роли Л. Брик в личной жизни Маяковского. Это она похвалялась: «Какая разница между Володей и извозчиком?.. Один управлял лошадей, другой — рифмой». Расследовать бы и роковую роль в творчестве поэта О. Брика, который, будучи теоретиком Лефа — Левого фронта искусств, — отстранил от истинного искусства многих талантливых людей. Не случайно В. Катаев говорил, что Маяковский для таких деятелей «был счастливая находка, выгоднейший лидер, человек громадной пробивной силы, за широкой спиной которого можно было пролезть без билета в историю русской литературы».

И не так все просто было в отношениях Маяковского с властью предрержащими. Участник дискуссии А. Григорьев пишет: «С Маяковским обычно связывают понятие гражданского мужества. Но ведь мужество заключается не в том, чтобы отчеканить в строки то, о чем говорят миллионы. Мужество проявляет тот, кто идет против большинства, если большинство не право».

Естественно возникает вопрос: а откуда, извините, знали многие, в том числе и Маяковский, что большинство не право? Так ли уж оно не право? Может быть, все-таки неправым было то самое меньшинство, что совратило с пути истинного эти самые «тьмы», «множества» и завело их в конце концов в тупик, о чем ныне как раз и спорят в периодике? Но это говорим мы, нынешние. И требуем такого же понимания от самих участников сложных процессов пересоздания жизни на новых началах, требуем от тех, кто не на жизнь, а на смерть сражался с белыми гвардиями, с Антантой, кто с непоколебимой верой возводил здание всеобщего равенства и братства. Как же могло быть поэту не по пути с революцией, если это — революция народа? Но в том-то и дело, что у Маяковского было достаточно и силы, и мужества для жесткого анализа реального бытия. Он одним из первых уловил фальшь в политике большевистского правительства. Именно мужество дало поэту волю погасить свою сечу в самом расцвете сил.

Винят Маяковского и за то, что призывал к штыку приравнять перо. Но это все равно, что винить Лермонтова, сравнивавшего поэзию с кинжалом. И не вина поэта, что Сталин буквально понял метафору. Иначе можно обвинить и Булгакова в служении культуре, поскольку-де написал пьесу «Батум» о юности Сталина.

Оголенная и заданная мысль не признает убедительных профессиональных возражений и доводов. Но тем не менее нельзя не согласиться с Ю. Окланским, который по поводу «Батума» заметил: «Дело не в том в конце концов, написал ли Булгаков пьесу «Батум» о Сталине (при желании ее можно расценить и как просветительскую человеческую слабость, сбой в героической биографии стойкого художника), а в том, что он творил в контексте советской литературы, жил ее проблемами, интересами, дышал ее воздухом, и, безусловно, к этой литературе принадлежал». Так, видимо, должны были понимать свою задачу и люди, начавшие дискуссию о Маяковском на страницах газеты «Московский художник». К сожалению, они тут оказались не на высоте. Права Т. Хорошилова: «Да, даже с великими людьми можно не соглашаться. Но при этом действительно должна быть культура несогласия. А не оголтелое свержение с пьедесталов. (Например, Б. Лихтенфельд предлагает целый список таких величин: Горький, Шолохов, Фадеев, Леонов, Симонов, Михалков). И если чувствуем на то моральное право «чистить» страницы прошлого, как бы светлое в них не очернить...»

А ведь в раже замахнуться на все и вся, в желании неблагодарных посредственностей сокрушить, оплывать памятники сынам и дочерям народа, живущим в его памяти, в агрессивном невежестве всегда вызревала трагедия. Об этом еще раз напомнил на страницах «Советской культуры» (21 июля 1990 г.) Ст. Бабаев. В статье «Судим историю — казним памятники» он пишет: «Безнравственно сажать в тюрьму за разбитый бюст, как это бывало у нас не так давно. Но не менее безнравственно глумиться над памятником человеку, про которого сегодня молва говорит не то, что говорила вчерашня. Это так же постыдно, как осквернять солдатские могилы, бульдозерами громить кладбища представитель другой национальности. Там, где пущены в ход такие аргументы, недалеко и до расправы над людьми...»

Да, так действовал всегда и может работать ныне, если не остановить вовремя, синдром беспамяства. Он освобождает людей от совести, сострадания, жалости. У него нет лица, нет национальности, нет Родины. Беспамятность — это конец народа и человечества. Что такое пустыня? Это обеспамятвшая гора. Она рассыпалась на несвязанные «памятью» частички и обратилась в стихию песчинок, подверженных всяческому дуновению ветров. Сколько их, этих «гор» цивилизаций, исчезнувших с лица земли?! Сколько их, песчинок, которые канули в беспамястве времени?!

Алексей ПОДБЕРЕЗКИН,
Василий ФАРТЫШЕВ

ДРОЗА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Эта сенсация не попала на страницы американской прессы, умолчали об этой таинственной истории телекомментаторы, и лишь в коридорах власти несколько дней переговаривались об «испарении» президента ведущего концерна «Дженерал Индастриз» Ленфорда Джимми Айена, одного из ста посвященных в жизненно важные интересы Соединенных Штатов. Все обошлось без единого выстрела, без трупов и голливудских погонь с визгом покрышек и тормозов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Первой ощутила неладное секретарша Айена Энн Крафт. В середине октября, провожая шефа в отпуск, она записала на диктофон несколько его поручений на 17 ноября, когда он предполагал вернуться в Нью-Йорк.

И в этот день с утра она оповестила совет директоров, юриста и финансистов фирмы о совещании, назначенном на 11 часов, заказала ксерокопии нескольких статей и документов, спланировала визиты и подготовила текст двух десятков телексов в европейские и японские фирмы по радиоэлектронике. Энн даже заказала для шефа кофе с минеральной водой, по-французски, но этот кофе ей пришлось выпить в компании с референтом Айена — Джо приехал к десяти с объемистой папкой для доклада президенту обо всем происшедшем в течение его каникул. Они пили кофе и болтали о мерзкой погоде — пятый день кряду сеял мелкий дождик, такой, что вроде бы и зонта не нужно, но все насквозь сыро.

— Однако... — сказал вдруг Джо, взглянув на электронные часы. — А ведь шеф опаздывает едва ли не впервые в жизни. Наверное, застрял в пробке. С этим собачьим дождем все как сонные мухи. Пока доехали сюда, видел четыре «собачьих свадьбы» — так Джо называл коллективные аварии, когда в две столкнувшиеся машины врезаются все новые и новые.

— Верно, ты прав, никто в Нью-Йорке не держит дистанции, прямо-таки висят на бампере. Много стало хлопот нашим «наружникам», верно?

Дело в том, что близкие к Айену сотрудники нью-йоркского отделения фирмы знали не только о финансовой стороне его жизни, но и о политической, о которой многие не догадывались. Сейчас, после избрания новым президентом Франклина Гора, политические акции Айена возросли — так считали сотрудники фирмы. Не являлось особенным секретом, что руководимый им Фонд «Америка» в последние годы добился — пожалуй, как никогда прежде — высокого влияния на политику Белого дома. Немалая заслуга в этом и Айена, который был личным другом и прежнего президента, и, похоже, нового.

Близкие шефу сотрудники нередко обсуждали эту сферу его жизни, но знали о ней действительно очень мало. Когда же с некоторыми из них стали встречаться сотрудники городского бюро ФБР, которым поручили обеспечить безопасность президента фирмы, они очень удивились: привилегия иметь охрану за государственный счет — чрезвычайно дорогостоящая

для налогоплательщиков — говорила о многом.

— А что, ты заметила что-то особенное? — референт предпочитал на щепетильные вопросы отвечать своими вопросами.

— Нет, просто, я думаю, произошла обычная смена. Новички сильно суетятся, катаясь за нами, — и тем самым выдают себя.

— А, все, что им надо о нас знать, они давно знают! — беспечно махнул рукой Джозеф.

Тут в приемную президента фирмы вошел юрист, хотя до назначенного совещания было еще полчаса. Уже по таким деталям Энн безошибочно определяла, у кого сегодня конфиденциальный разговор к шефу.

— Странно, ты не находишь? — спросила Энн, кивнув на «хэлло» юриста и обращаясь по-прежнему к Джо. — Позвоню-ка я ему домой.

Она нажала кнопку — и автомат тут же соединил ее с квартирой Айенов. Долгие гудки. Никого нет дома.

— Господи! А ведь миссис Айен звонила мне неделю назад! — вспомнила тут Энн Крафт. — Интересно, не появился ли шеф на фирме. Чует мое сердце, тут что-то не так!..

— Да брось суетиться, он уже скорее всего в лифте. — вновь махнул рукой Джо.

На всякий случай Энн нажала кнопку связи с радиотелефоном служебной машины шефа. Без ответа.

— Не нравится мне это, — озабоченно произнесла Энн и попросила телефонистку фирмы соединить ее с виллой Айенов в пригороде.

— Слушаю, мадам, — сказал старый негр-слуга. — Нет, мадам, они не приезжали. Мы ждем миссис и мистера Айен вот уже третий день. Ни телеграммы, ни звонка. Повар не знает, куда девать приготовленные обеды.

Энн Крафт была опытной секретаршей. Она связалась по селектору с вице-президентом компании и сдержанно сообщила, что мистер Айен задерживается, а люди, созданные ею по его указанию на совещание, уже приезжают. Хорошо, она передаст подготовленные материалы и направит всех к нему в кабинет в одиннадцать ноль-ноль. Тут Джо взял ее папку с надписью «Президент фирмы» и ушел первым к вице-президенту. Энн включила световое табло «Совещание в кабинете № 7101». Приемная сразу опустела. Тогда Энн Крафт набрала шесть цифр электронного кода своего служебного сейфа — дверь автоматически и беззвучно распахнулась, — и на внутреннем пульте она нажала на три кнопки и одну клавишу, сломав при этом, к большой досаде, один из темно-красных, как ягода кизила, полированных ногтей. Сейф загудел, и с приятным электронным звуком в бокс упала секретная

инструкция. Энн нашла нужную страницу и прочла:

«В случае непредвиденной задержки президента «Дженерал Индастриз» от двух до трех часов без дополнительной информации (устной, по телефону, от референта, членов семьи, личного врача, вице-президента и др.) вам надлежит сообщить об этом по телефону 537-25-16».

Энн открыла служебный дневник и коротко записала в нем все свои действия с указанием точного времени:

10.00 — сообщила референту Джозефу Маклейну об опоздании мистера Айена;

10.07 — позвонила на квартиру м-ра Айена;

10.10 — позвонила на виллу;

10.20 — запросила радиотелефон служебной машины;

10.25 — перенесла совещание в кабинет № 7101;

10.30 — сообщила по телефону 537-25-16 о непредвиденной задержке м-ра Айена свыше двух часов.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В городском отделении Федерального бюро расследования дежурный записал на магнитную ленту сообщение Энн Крафт, и через секунду ЭВМ выдала на дисплей информацию, посвященную фирме «Дженерал Индастриз» и личности ее президента. Инструкция требовала немедленно поставить в известность руководителя нью-йоркского отделения ФБР Конрада Кларка обо всем, что касается президента этой фирмы, руководителя неформального штаба республиканской партии Фонд «Америка», мультимиллионера Ленфорда Дж. Айена, — что дежурный тут же и сделал. «Ну и важная птица этот Айен!» — удивился дежурный.

В 11.00, когда вице-президент концерна открыл назначенное м-ром Айеном совещание в своем кабинете, дежурный ФБР получил указание вызвать к подъезду две машины, а у Энн Крафт зазвонил «особый» телефон, переключенный ввиду отсутствия президента на приемную.

— Энн Крафт? Это из ФБР. Сейчас с вами будет говорить мистер Кларк.

— Хэлло, Энн, — тут же подхватил Кларк. — Значит, мистер Айен никак не оповестил фирму об окончании отпуска или об изменении планов? И не появился на вилле? Будьте добры, а где на этот раз отдыхала семья? Вы думаете, как всегда на родине — в Калифорнии? А почему вы так думаете? Заказывали билеты на самолет? Может быть, кто-то из Айенов звонил вам или другим сотрудникам оттуда, из Калифорнии? Так-так, зво-

нила миссис Айен... Интересовалась, не появился ли он на фирме... И попросила помочь связаться со штаб-квартирой по избранию президента Гора в Вашингтоне? Интересно... Хорошо, Энн, соблюдайте инструкцию и ни о чем не тревожьтесь. Никому больше не сообщайте, я уверен, что произошло досадное недоразумение. Да, еще: сейчас к вам подъедет один из моих парней, его зовут Энтони. Покажите ему все, что он попросит.

— Но, сэр... — замылась Крафт.

— Не беспокойтесь, лишнего он и сам не захочет смотреть, — прервал ее Кларк.

Две машины с агентами ФБР выехали из одних ворот, но тут же повернули в разные стороны. Первая, с Энтони Райлем, вскоре прибыла к офису фирмы «Дженерал Индастриз», где первым делом Энтони опросил Роберта, водителя служебной машины президента компании. На все вопросы Роберт ответил отрицательно: никаких распоряжений не получал ни до, ни после отпуска босса, никаких договоренностей не было. Обслуживал вице-президента, а теперь вот сидит, ждет указаний. Энтони расспросил о последнем дне Айена в Нью-Йорке, 17 октября. Да, Роберт отвез его на виллу часов в восемь вечера, пожелал счастливого отдыха — и они расстались. Нет, ничего особенного в тот день и вечер Роберт не заметил. Все шло как обычно: фирма — банк — обед в ресторане «Форум», аэропорт.

— Что в аэропорту? — быстро заинтересовался Энтони.

— Он провожал своего друга, Стива, Это чин из НАСА. Стив улетал в Европу.

В заключение Энтони напомнил водителю о данной тем подписке о неразглашении служебных тайн фирмы — такую подписку давал каждый работник, от президента до уборщика мусора.

Затем он поднялся на 47-й этаж к Энн Крафт. Работы тут было невпроворот. Прежде всего Энтони распорядился открыть кабинет президента и его служебный сейф. Представить всю деловую документацию президента за последние месяцы. Дать ему код персонального компьютера Айена — на что она, естественно, ответила отказом. Кода не знал никто. Подготовить адреса и телефоны всех ближайших родственников Айена. Сделать выборку всех визитеров, встречавшихся с м-ром Айеном за последние полгода. Соединить с директором банка, в котором м-р Айен хранил свои личные средства, — или договориться с ним о встрече для конфиденциальной беседы. Пригласить сюда вице-президента, как только тот закончит совещание. Снять ксерокопию с личных и служебных дневников мистера Айена, его референта и с дневника самой Энн...

«Горячий же выдался денек, несмотря на этот занудный дождь!» — мысленно ругалась Энн Крафт, выполняя все новые и новые сыпавшиеся на нее поручения Энтони. Она нервничала исключительно потому, что этот самозванный фэбээровец вовсе

не считался с правом на обеденный пере-
рыв, нервничала и потому, что в отличие
от мягкого и всегда взвешенно-пунктуаль-
ного шефа этот молодой сыщик не просил,
а приказывал, и еще оттого, что она впер-
вые в своей жизни столкнулась с рассле-
дованием и полагала, что теперь ее за-
таскают по комиссиям, а то и судам, где
она должна будет давать показания — а
что она может сказать, кроме того, что
уже сказала!

Вторая машина с двумя агентами взяла
курс на пригородную виллу Айенов. Стар-
шим тут был Гарри Сентклу, лет пятиде-
сяти, тучный, неторопливый, казавшийся
флегматиком. Ему не хотелось вылезать
из уютной, теплой и такой мягкоходной
машины под дождь, в слякоть, задавать
дурацкие вопросы и слушать не менее
бестолковые ответы. Но — дело важное и
срочное, как сказал шеф оперативного от-
дела, и Сентклу понял это хотя бы по то-
му, что шеф тут же сам схватился за те-
лефон, приказав немедленно обзвонить
все морги, полицейские участки, службы
спасения на водах и криминалистов из от-
дела автокатастроф — все о том же ста-
ришке Айене.

Это дачное местечко «Саут порт» нахо-
дилось под постоянным присмотром «на-
ружников», службы наружного наблюде-
ния, — тех ребят, которых Гарри убежден-
но считал бездельниками: вечно они па-
сутся в курортных местах, режутся в кар-
тишки, дуют себе пиво да катаются на
лучших моделях машин с мощными движ-
ками, сопровождая политических и финан-
совых деятелей.

Гарри завернул к «наружникам», у них
тут была своя автомойка — недурственное
прикрытие! — бесцеремонно отхлебнул их
виски и порасспрашивал о Ленфорде Дж.
Айене. Оказывается, тот давно не появлял-
ся на своей вилле.

— Никто к нему не приезжал?

— А я помню? — отвечал «наружник». —
Пойдите в гараж, прокрутите видеоролик.
Его номер 16 дробь 60. Может, найдете
что интересное.

Сентклу оставил молодого помощника
смотреть запись телекамеры, а сам про-
ехал к вилле Айенов. Ему открыл старый
негр, который засуетился, услышав, что
перед ним агент ФБР. Для начала Гарри
прошелся по всем комнатам, отмечая про
себя стильную и дорогую обстановку, под-
нялся на второй этаж, спустился к бас-
сейну в сад.

— Когда в последний раз был хозяин? —
спросил Сентклу негра.

— Семнадцатого... да, сэр, семнадцато-
го октября, вечером.

— Один?

— Да, сэр, один!

— Что-то привез? Взял с собой?

— Да, что-то взял... Бумаги... Много
бумаг. Не привозил ничего, нет. Двадцать
долларов мне дал на чай — за хорошую
службу.

— Где держал бумаги?

— Там, в кабинете, я покажу.

Бюро, письменный стол, книжный шкаф —
все красного дерева, с резьбой, ручная ра-
бота. «Кой черт смотреть место, где ког-
да-то были какие-то бумаги?» — опять
зевнул Гарри и потянул носом — пахло
жареной курицей. Ящики, конечно, оказа-
лись пусты.

— Где сейф? — наугад спросил Гарри.

— Но, сэр, здесь никогда не было сей-
фа! — затрепетал старик, и губастое лицо
его даже посерело.

— А здесь что такое? — указал Гарри
на еле заметную щель между листов пла-
стика, покрывающего стену.

— Клянусь, ничего! Я... никогда...

Сентклу с трудом нагнулся — мешал ра-
стущий с годами живот — и поискал под
подоконником, за жалюзи окна, под крыш-
кой письменного стола какую-нибудь тай-
ную кнопку. Ему показалось, что этот
лист пластика похож на выдвигной блок.
Но ничего не нашел. Тогда взял со стола
авторучку и простучал всю стену. Этот
лист звучал иначе, чем остальные.

— Время обеда, — сказал тут Гарри,
услышав звук мотора подъехавшей маши-
ны. Это «наружники» подвезли Гарри-
младшего, помощника. — Скажи, пусть-ка
мне с товарищем привесут сюда чего-ви-
днать поесть. И выпить.

Старик, мелко и часто кланяясь, побе-
жал к кухарке.

— Ну? — спросил Сентклу у вошедше-
го. Тот развел руками: ничего! — А я и
знал, что там — ничего. Охота тебе время
терять. Все молодые старательные, пока
опыта не наберутся. Сейчас перекусим за
счет Айена.

— А у тебя как?

— Да есть кое-что. Этот Айен уволок
отсюда целый чемодан бумаг. Ты, кажет-
ся, был в Огайо большим спецом по части
сейфов, тайников и всяких секреток? А
ну-ка, послушай!

С самодовольной улыбкой — мол, ви-
дишь, деревенщина, что я тут обнаружил,
пока ты там прохлаждаешься! — постукал
по листу пластика. Помощник открыл пе-
рочинный нож и промерил лезвием глуби-
ну шва — она оказалась до трех санти-
метров, тогда как остальные листы не пу-
скали нож глубже трех миллиметров. Не-
смотря на то, что пожилая кухарка при-
несла два блюда с курицей, жареным кар-
тофелем, зеленым горошком и кетчупом
да еще четыре жестяных банки пива, и ве
слушая призывов Сентклу подкрепиться,
Гарри-младший начал сантиметр за сан-
тиметром исследовать все стены в поисках
скрытой проводки к подозрительному бло-
ку стены. Вскрыл оба распределителя,
двигал мебель, ползал на четвереньках.
Наконец, вывернул из стены электронный
блок, чем-то шелкнул, что-то перемянул,
под руками у него заискрило — и легким
гудением электромоторчика блок в стене
начал плавное вращение вокруг своей
продольной оси...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Шеф нью-йоркского отделения ФБР Конрад Кларк вечером 17 ноября обзвонил пятерых агентов, брошенных на расследование исчезновения Ренфорда Дж. Айена, назначил им встречу в отеле «Ричмонд» в 23.30. Чертыхаясь, все они в разных концах города натянули на плечи еще мокрые плащи и куртки и на своих машинах устремились к отелю. Энтони Райло пришлось пить крепкий черный кофе, поскольку он уже принял снотворное на ночь, а Гарри Сентклу вынужден был разжевать зерно кардамона, чтобы от него не разлило на весь кабинет пиво и виски.

В «Ричмонде» была рабочая штаб-квартира ФБР — среди множества малых ресторанных залов и зальчиков тут были встроены уютные кабинеты для дельцов, торговцев, разного рода маклеров и прочих деятелей, ценивших интимность своих деловых встреч, этим-то «Ричмонд» и славился. Единственное, что все-таки привлекало младших сотрудников в ночных совещаниях — так это бесплатный ужин под музыку ресторана.

— Ну, ребята, — начал Конрад Кларк, при свете низких светильников с розовыми абажурами похожий скорее на добропорядочного фермера или скотопромышленника, чем на шефа местного ФБР. — Подведем итоги дня. Первого дня. Утром мне докладывать об этом Айене в Совет национальной безопасности.

— Такая важная птица? — удивился Сентклу.

— Да, такая важная. Энтони, что у тебя?

— Шеф, ответить на этот вопрос я смогу не раньше, чем через неделю. Там прорва информации, меня надо кем-то усилить.

— И все же, что на первых порах можно сказать конкретно?

— Ну, например, оказалось, что Айен посвящен в большие дела Белого дома, Пентагона. Года три назад фирма получила заказ на разработки и исследования по СОИ. Для начала подряд составлял триста миллионов долларов, недавно вложения были удвоены. Короче, Айен знал слишком много, что дает основания предположить...

— Минуту, Энт. Об этом — позже. Пока только факты. Факты одного дня.

— А почему он докладывает первым? — недовольно пробурчал Сентклу. — Он что, старший по операции?

Традиция Кларка на ночных совещаниях заключалась в том, что первым всегда докладывал старший агент, ответственный за операцию.

— Старшим по этому делу буду, если не возражаете, я, — мягко отвечал Кларк. — Дальше, Энт!

— Айены двенадцать лет подряд отдыхали в это время в Калифорнии, у них там вилла и ранчо на побережье. Любили бархатного сезона. На этот раз семейный клан тоже собрался, но папа буквально через неделю вылетел в Вашингтон по просьбе Гора. С тех пор — никакой связи с Айеном. Это — данные нашего телефонного разговора с ребятами оттуда.

— Нужно еще раз новости справки в Вашингтоне, хотя ясно, что его там нет уже несколько дней. Может, и правда, пишет бумаги где-нибудь в окрестностях столицы для новой администрации? Но почему не уведомил фирму, не позвонил жене? Странно. Адреса младших Айенов у вас?

— Да. У него два сына и дочь, старший сын женат. Мы созвонились с Шарлотсвилем, Чикаго и Лос-Анджелесом. Там прокачивают.

— Та-ак, — протянул Кларк и закурил сигарету. Это всегда служило сигналом к тому, что и подчиненные тоже могут курить. Сентклу с удовольствием откусил кончик «гаваны» из запасов отдавшего богу душу Айена — в последнем Гарри не сомневался уже с утра этого слякотного осеннего дня. Услышав о том, что глава семьи и фирмы исчез в неизвестном направлении более двух недель назад, все, даже сонные и злые участники совещания, насторожились: дело обещало быть сложнее и головоломнее, чем показалось вначале. Ничего хорошего это не предвещало — чем сложнее расследование, тем быстрее начальство будет требовать результатов.

— Та-ак, — снова протянул Кларк, помолчал. — Их имена, адреса, телефоны, места службы, связи?

Энтони Райл, радуясь своей преданности, протянул шефу копию, снятую по его указанию Энн Крафт. Вообще, кажется, он был единственным из агентов, который испытывал подъем и оптимизм, получив из рук вон скверное дело.

— Боюсь, парни, что этот кусок пирога окажется шире нашего рта, — сказал наконец Конрад Кларк, все еще продолжая изучать поданные Райлем бумаги. — Как бы не пришлось поделиться информацией с «мальчиками». Раз здесь пошел разговор насчет СОИ.

«Мальчиками с игрушками» они, копируя политиков, привычно называли работников ЦРУ.

— Вернемся теперь к началу. Джим, что там новенького у мертвяков?

Джим Стефенсон, угрюмого вида детина, похожий на уголовника-громилу, доложил, что среди жертв авткатастроф, неопознанных трупов, самоубийц, утопленников и сумасшедших Айена пока не обнаружено.

— Не обнаружено — где? В Нью-Йорке, Сан-Франциско, Вашингтоне? — Кларка раздражал этот мрачный тип, и хоть шеф всегда призывал сотрудников учитывать

в своей работе психологию различных человеческих типов, сам он почему-то никогда не учитывал, что Стефенсону больше других приходится иметь дело с самыми мрачными сторонами американской действительности — что и налагало на этого парня свой мертвящий отпечаток.

— За один день, шеф, данные только по Нью-Йорку и восточному побережью.

— Мало! Прежде всего нас интересует автострада в Калифорнию и этот штат.

— Завтра же запрошу! — подтянулся, продолжая сидеть, Джим.

Кларк тем временем поинтересовался у Мэтью Хьюза, розовощекого блондина, похожего на ирландца, что там в городской квартире Айенов?

— Следы поспешного отъезда. Месячная пыль, куча корреспонденции, брошенной за дверь, счета, несколько писем, открытка из Европы, Италии, от какого-то Стива Гроута.

— Хьюз, а как насчет документов, чековых книжек, полисов, квитанций, билетов? — Нет, шеф. Что меня поразило — никаких документов.

— Деловые бумаги?

— Никаких. Вообще, такое впечатление, что в этой квартире Айены не жили, а так... ночевали иногда.

— Так и есть. Айен в Нью-Йорке бывает наскоками, а жена — и того реже.

— Вилла? — взгляд Кларка остановился наконец на Сентклу. И, конечно, сразу обнаружил алкогольный блеск в глазах. Гарри молча выложил фотографии гайника и кассету с показаниями «наружников» и слуг. Не выпуская сигареты из губ, он доложил, что старший Айен приехал на виллу вечером семнадцатого октября, перед самым отъездом на юг, провел там не более получаса и забрал с собой целый чемодан каких-то бумаг.

— Ценная информация, — коротко похвалил шеф, похвалил с усилием, видя, что Сентклу уже отметил свой успех нынешнего дня, потому и не прикасается к двойному «дайкири» с шапкой розового снега над бокалом. — И снова Райль: что там у вас еще?

Энтони доложил, что персональный компьютер Айена даст результаты не скоро — шифр штучный, не массовый. Среди посещавших Айена в последние полгода: три визита нанес Стив Гроут, ведущий специалист НАСА, давний друг и сослуживец, дважды посетил конгрессмен Хас-

пер, лидер правой оппозиции, «ястреб» с 30-летним стажем; тоже дважды — председатель Лиги христиан за разоружение, нравственность и экологию...

— Хорошо, дайте список, — устав от перечислений фамилий и должностей, сказал вскоре Кларк. — Визитерами займется мой помощник Ли. Тут дело тонкое — политика... Вопрос ко всем: как ни будь письменные или устные угрозы, шантаж, вымогательство?

— Да, в городской квартире на записях телефонного автоответчика зафиксированы угрозы Лиги защиты евреев, а в корреспонденции — письмо Молодых радикалов с угрозой опубликовать компрометирующую Айена информацию об участии его фирмы в незаконной торговле оружием, если он не откажется от заказов по СОИ, — добавил тут Хьюз.

— Странно. Но — посмотрим. У кого еще что-то ценное? Энтони, как там верхушка концерна, обслуживающий персонал?

— По нулям. Все — проверенные люди, работают вместе лет десять, никакой утечки служебной информации...

— Кстати, об утечке! На пушечный выстрел не подпустите к этому делу прессу! Только помешает расследованию.

Он знал, как отреагирует пресса, пронохав об исчезновении: первым раздастся звонок из АП (Ассошиэйтед пресс), затем из ЮПИ, третьей будет, как всегда, нью-йоркская «Таймс», потом вашингтонская «Пост» — и начнется несусветный перезвон по всем номерам от всех остальных изданий и агентств.

И снова взял слово Энтони Райль: сегодня трижды звонил репортер «Нью-Йорк геральд трибюн», некий Паркинс. Напрашивался на репортаж из лаборатории. Энн Крафт отшила его, сказав, что Айен — в Европе, а без него никто не может санкционировать посещения лаборатории. Энтони добавил, что за последние три года Айен дважды побывал в Москве. И трижды принял делегации советских ученых и общестственности. Для человека с его взглядами — это уже многозначительно.

В последний раз прозвучало традиционное «та-ак», и тональность его показывала всем явное неудовольствие Кларка: как ни крути, а придется поделиться с «мальчиками» добытой сегодня ценной информацией!

Совершенно секретно

Примите меры к розыску, установлению личности Ленфорда Джимми Айена, президента концерна «Дженерал Индастриз», 62 лет, рост 5 футов 10 дюймов, волосы седые, жесткие, глаза голубые, крупные, нос с горбинкой, слегка занут книзу, ушные раковины крупные, мочки прижаты к щекам. Носит очки, страдает близорукостью. Короткие седые усы. Фотографии отправлены нами по фототелеграфу.

По утверждению членов семьи, 15 ноября вечером вылетел из Сан-Франциско в Вашингтон и Нью-Йорк. О дальнейшем местонахождении нет информации. Личный автомобиль в Нью-Йорке — кадил-

лак, синий, выпуска 1988 года, номер штата 5712, в Вашингтоне такой же с личным номером: США-01

В момент исчезновения был одет в костюм-тройку из ткани светло-кофейного цвета и такого же цвета шляпу.

Информируйте по телефону (212) 648-2113 или на телекс 3113868. Нью-Йорк, отделение ФБР, Кларк.

Телекс

Отделение ФБР штата..... Секретно.

Объявлен общенациональный розыск автомобилей кадиллак — 21 синих, выпуска 1988 года, номер штата Нью-Йорк 5712, в Вашингтоне личный: США-01. Принадлежат бизнесмену Ленфорду Дж. Айену. Особых примет не имеют. Любую информацию о местонахождении сообщите в нью-йоркское отделение ФБР служебным каналом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Похищение — никто пока не произнес этого слова ни в фирме Айена, ни в ФБР, но именно его непроизвольно повторял про себя Конрад Кларк, написав рапорт. Действительно, куда мог деться преуспевающий бизнесмен, миллионер, президент богатейшей разветвленной корпорации, процветающей год от года все больше, в том числе и на заказах военного ведомства? В 62 года не убегают с пылкой любовницей, а при таком нескончаемом успехе в делах не кончают с собой, и уж вовсе глупо предположить, что Ленфорд Дж. Айен почувствовал вдруг усталость, пресыщенность от дел и денег — от денег не устают! Не менее абсурдно было бы предположить, что Айен вдруг ударился в какую-нибудь новомодную кришнаитскую религию и уехал в высокогорный Тибет, чтобы всецело посвятить себя служению своему старому или новому богу. Нет, у этого человека, судя по его досье, никогда не было никаких чрезмерностей ни в чем — ни в потребностях, ни в вопросах пола, религии, морали, не было порочных слабостей или склонностей, даже закадычных друзей у него не было. Кларк не понимал таких дистиллированных людей, как Айен — для чего, собственно, они живут? Для денег?

Информация о финансовом положении Д. Джонса.*

(Из досье ФБР на Ленфорда Дж. Айена)
«По официальным источникам, его доходы в минувшем году составили около 10 миллионов долларов, полученных только за деятельность в качестве высшего руководителя «Дженерал Индастриз» и члена правления ряда других корпораций. При этом они распределялись следующим образом:

* В целях конспирации ФБР сменяло фамилию исчезнувшего псевдонимом «Джонс».

— оклад, премии и другие вознаграждения в «Дженерал Индастриз» в этом году составили 3 миллиона 398 тысяч долларов;

— вознаграждения других корпораций, членом советов директоров которых он являлся, — 2 миллиона 678 тысяч долларов;

— частные консультации, советы и пр. — более 3 миллионов 200 тысяч долларов;

— гонорары за выступления, статьи — 120 тысяч долларов.

Итого около 10 миллионов; с которых им была полностью уплачен соответствующий налог.

Эти источники, однако, составляют лишь небольшую часть доходов Д. Джонса. В действительности он является владельцем акций, в том числе контрольных пакетов, целого ряда крупных корпораций США и Западной Европы. По некоторым оценкам, у него крупнейший личный капитал в Калифорнии, а значит, один из крупнейших капиталов в США и в мире. Финансисты говорят, что лично он «стоит» около 400 миллионов долларов.

Они, эти деловые люди, настолько умерены во всем, что их жизнь представлялась Конраду некой нескончаемой диегой — им нельзя почти всего на свете, им можно иметь только самый минимум обыкновенных человеческих желаний — да разве это жизнь? Они так увлечены своим бизнесом, будто собираются жить вечно, они не думают о смерти, даже видя ее в упор, даже когда хоронят своих близких или конкурентов.

Но вот в один прекрасный день этакий Айен ощущает мгновенный укол в сердце, удушье — это оторвавшийся тромбик навсегда закупоривает его сердце и переносит в вечный сон — и что? Кому нужны теперь его бранные останки, его идеи, уловки, хитрые ходы? А за его миллионы начинается беспощадная война между вдовой и беспутными детьми, ничего не умеющими делать своими собственными руками и даже своей собственной головой.

И все-таки, читая досье и материалы первого дня расследования, Конрад Кларк отбрасывал пока мысль о смерти вовсе не бессмертного Айена. Смерть — самое простое, что может быть в этой истории. Добровольно из такой игры и такой жизни нормальные люди не уходят. Айен, несомненно, был не только нормален, даже по-своему гениален в делах. Опыт, чутье, связи, знание конъюнктуры, рынка, политики и политиканов — все делало Леяфорда Дж. Айена незаурядным дельцом, значит, и концовка его жизни не могла быть заурядной, как у какого-нибудь зарвавшегося мафиози.

Похищение, только похищение, — снова и снова, заходя с разных концов, уверял-ся в своем первоначальном диагнозе Конрад Кларк. И похитители вот-вот выставят свои условия концерну или банку, где хранятся миллионы Айена. У него два сына и дочь — какова их роль в судьбе отца? Они должны что-то знать. Ведь если отца выкрали, как в свое время итальян-

янского политика Альде Моро, как позднее американского дипломата в Ливии, как еще позднее — американского офицера ВМС, или бывшего бельгийского премьер-министра, как... то их могли тоже шантажировать... Упоминание о письменной и телефонной угрозах поддерживало эту рабочую гипотезу. Айену угрожали — это несомненно. Того и гляди, завтра в газетах появится сообщение о том, какая организация взяла на себя ответственность за похищение. Видно, уже и миротворческие организации, чтобы добиться разоружения, стали прибегать к террору, насилию. «Стронники мира» порой чересчур агрессивны, это не раз было видно при пикетировании военных баз США.

Айен дважды летал в Советский Союз. И трижды принимал делегации отсюда... Нужно запросить состав участников этих делегаций. Связаться с посольством в Москве. Уточнить все контакты Айена там, у русских. Но предположить, что похищение организовано их разведкой?.. У него дух захватило от того, как росло на глазах это необычное дело — так же укрупнилась на глазах сама фигура Айена. Нет, абсурд, не та эпоха. Маккартизм, охота за ведьмами, процесс над атомщиками Липманами, якобы продавшими секрет атомной бомбы Советам, — все это давно устарело, не те времена. «Хотя, — цепко отметил Кларк, — тут неплохой трюк для пропаганды: роль Москвы в исчезновении крупного деятеля военного бизнеса. В этом что-то есть...»

Итак, похищение. Или мафия выкрала Айена в целях наживы, или, чего доброго, миротворцы решили таким нетрадиционным способом затормозить работу над СОИ. Возможен и третий вариант: этот Джонс наряду с господрядами на стратегическое оружие втихомолку занимался, скажем, торговлей оружием или наркотиками. «Ирангейт» уже показал, что это вполне реально. Тогда совсем иная мафия могла свести с ним счеты.

И все же от этих догадок не было легче. Дело сейчас находилось в самой заманчивой, начальной, стадии, и первый день расследования дал уже много пищи для размышлений.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

В то время как К. Кларк наутро, на следующий день, вылетел в Вашингтон, Эни Крафт была приятно поражена, что ее вызвали по селектору к вице-президенту, и тот, ослепительно улыбаясь, будто популярный киноактер в рекламе зубной пасты, вручил ей продолговатый голубой конверт.

— Эни, вы неплохо поработали в этом

году, и президент поручил мне выполнить эту приятную процедуру... Фиома награждает вас туром по трем самым экзотическим странам Африки. Желаем приятно провести время!

— Благодарю вас, сэр. Буду работать так же и впредь, — Энн сделала книксен, принимая конверт. — Вы сказали «президент», сэр?

— Да, он сожалеет, что сам не поцеловал вас в щеку — по-родительски.

— Могу я узнать, где же он?

— Разве вам еще не сказали? Мистер Айен прервал свои каникулы в Калифорнии по просьбе нашего нового президента Гора. Так что нашего босса весьма ценит не только уходящая администрация.

— Как я рада! Передайте, если возможно, мою благодарность и признательность мистеру Айену! — Энн особенно искренне,

с большим подъемом произнесла последние слова. И не только потому, что шеф вдруг оказался в «команде» президента. Нет, она увидела в конверте чек на тысячу долларов.

— Это вам на карманные расходы в дороге, — снял ослепительно белыми зубами вице-президент.

Сама не своя от неожиданности подарка, она зашла в кафетерий для сотрудников в цокольном этаже.

— Эй, Робби! — окликнула она водителя персональной машины Айена. — Посмотри-ка, чем меня наградили! — и помахала конвертом.

— Можешь поздравить и меня, детка, — ответил сняющий Роберт. — Теперь я буду работать в одном нашем посольстве в Европе! Такой контракт — ты бы видела!

* * *

Конрад Кларк, руководитель нью-йоркского городского отделения ФБР, вылетел в Вашингтон со смутным предчувствием большой удачи. Кажется, волею providения или случая ему выпало необыкновенно крупное дело. Уж если не дело века, так, минимум, дело года! Дело, которое может вмиг изменить его личную судьбу. Например, перебросить его с солидным повышением в центральную контору ФБР в Вашингтоне. И не летать ему больше по «воздушному челноку» туда-сюда по пятнадцать раз в месяц с докладами и отчетами.

Сразу после ночного совещания в «Ричмонде» он отправил по телефаксу короткое сообщение в столицу и в конце информации попросил на утро встречи с директором бюро. Буквально через минуту пришло подтверждение приема информации. Значит, вылет его тоже санкционирован...

Вице-директор пролистал доклад, прочитывая «по диагонали», и посмотрел на Кларка. Водянисто-серые глаза под очками с крупными овальными стеклами ничего не выражали.

— Вы правильно поступили, Кларк, — сказал он, выдержав паузу. — По инструкции. Однако произошло недоразумение: фирму почему-то не проинформировали своевременно о том, что мистер Айен прервал свои каникулы на морском побережье.

И работает сейчас над одной из программ нового президента.

— Да, сэр, но его супруга звонила в «Дженерал Индастриз», волновалась... Три дня полного молчания!

— Бывает. Обычная женская хитрость. Проверяла мужа на расстоянии. Признаться, с вами такое тоже бывало?.. К компьютеру, как вы понимаете, не прикасаться. Поблагодарите своих парней. Рапорт оставьте здесь, а все документы, связанные с этой ложной тревогой, перешлите-ка лучше сюда. Желаю успехов.

Огорошенный Конрад Кларк вернулся в аэропорт. Предчувствие обмануло его — как жаль! А ведь был такой изумительный шанс отличиться! Он позвонил в свое бюро и велел от его имени дать отбой всем участникам ночного совещания в «Ричмонде». Черт побери, какой же блестящий шанс был, казалось, только что в его руках!

* * *

Через несколько минут после того, как обескураженный К. Кларк покинул кабинет вице-президента, сам директор ФБР читал подготовленный им рапорт. Даже не дочитав, он связался с помощником президента по национальной безопасности, попросил принять по неотложному делу.

На совещании в Совете национальной безопасности были обсуждены четыре основные версии исчезновения Джонса (рабочий псевдоним был оставлен и тут):

1. Похищение с целью выкупа или шантажа, осуществленное силами внутри США. Руководитель рабочей группы расследования — Гарри Мас.

2. Аферы, скандал, финансовые трудности — и он сам ушел из этого мира.

Хотя было известно, что дела Джонса шли отлично, но эту версию предложил новый президент Гор, родители которого едва не покончили самоубийством во время кризиса 1930 года.

Руководитель второй группы — Юджин Совер.

3. Похищение, инспирированное и подготовленное центрами международного терроризма и осуществленное с политическими целями. Ответственный за разработку этого направления — Ричард Фрейзер.

Четвертым, уже негласным направлением, о котором знали всего пять человек, включая ответственного за операцию в целом Роберта Мейера, занялась группа с расплывчатым названием «Другие варианты». Мейер взял на себя анализ досье Дэвида Джонса, изучение его личных документов, включая данные персонального компьютера. Он же отвечал за подготовку ежедневных докладов президенту. Конкретнее характер работы по четвертому направлению вслух не обсуждался. Всем было ясно, что обнаруженные сведения при подобной степени посвященности Джонса в национальные интересы США могут быть взрывоопасны. Допуск к дискетам компьютера получил один только Роберт Мейер.

Сразу после совещания в СНБ по делу

исчезновения Джонса Роберт Мейер распорядился вызвать из Бостона в Нью-Йорк двух высокопрофессиональных специалистов по компьютерам. Предупредить их о возможном автоматическом уничтожении информации, записанной на дискетах, о срочности и деликатности задания. А также информировать вице-президента «Дженерал Индастриз» об их миссии. В самой фирме принять соответствующие меры по пресечению слухов о таинственном исчезновении.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Из досье о Ленфорде Дж. Айене — Дэвиде Джонсе

«Д. Джонс — типичный «белый англосикс» — основатель и фактический руководитель ведущего консервативного мозгового треста в США, Фонда «Америка». При внешней скромности он — один из наиболее влиятельных людей в США. Хотя Джонс никогда не являлся формально ни членом СНБ, ни членом «кухонного кабинета», ни кабинета как такового и не занимает официальных постов, он относится к той чрезвычайно узкой категории полуполитиков и полубизнесменов, которые составляют неофициальное «правительство из личных друзей президента». Никто в Белом доме или конгрессе не смог бы бросить в его адрес упрека в том, что его приближенность ко всем последним президентам страны от республиканской партии сделала ему карьеру. Наоборот, по компетентным свидетельствам, это он способствовал карьере многих ныне стоящих на вершине пирамиды власти. Джонс на протяжении вот уже трех десятков лет входит в ближайшее окружение президентов, причем не только от республиканской, но и от демократической партии, хотя последние никогда не афишировали свою связь с ним».

Билл Гайтс, исполняющий обязанности директора ЦРУ, вызвал к себе Мейера и ознакомил с документом.

«Джонс не мог исчезнуть бесследно, — еще раз подумал Мейер. — В стране с самой сложной и изощренной системой связи, в стране, где каждый человек пронумерован и зарегистрирован десятками способов — от страховых полисов и кредитных карточек до отпечатков пальцев; в стране, где самая многочисленная и профессиональная полиция, ФБР и ЦРУ, вооруженные супертехникой, которая ищет, находит и опознает. Значит, у Джонса была своя тайна».

Вот почему личность Джонса чем дальше, тем больше приобретала для Роберта Мейера не только профессиональный, но и глубоко личный интерес. Вместе с указа-

нием президента вплотную заняться делом Джонса он получил и редкую возможность увидеть потайные рычаги реальной власти.

Итак, Дэвид Джонс: политическая фигура и человек. Его психологический и политический портрет был крайне необходим Мейеру, который всегда считал, что, только поняв личность, получишь алгоритм практического решения любой задачи.

Дэвид Джонс — 62 лет, женат, имеет троих детей, два сына и дочь. Важнейшие общественные черты типичного положительного американца — образцовый семьянин и патриот. Но его политический портрет значительно богаче.

За все годы активной политической деятельности — а начал Джонс рано даже по американским стандартам, в 22 года, — он зарекомендовал себя в самом верхнем слое истеблишмента абсолютно безупречным деятелем, чрезвычайно способным человеком, таким, которые ни при каких обстоятельствах не пойдут на сделку со своей совестью или на компромисс со своими убеждениями.

Оказалось, еще при президенте-генерале ему предложили пост руководителя одного из самых престижных учреждений, расположенного в непосредственной близости от Потомака, или, как говорят, «на болоте». Джонс мог бы стать министром — и каким министром! — в сорок с небольшим лет, если бы... Если бы он лишь скорректировал свои, чересчур консервативные даже для генерала внешне политические концепции и установки. Но Джонс отказался — чем немало огорчил президента, который напрямую ему об этом «демарше» в течение всего срока своего правления. Одно из внутренних убеждений Джонса — нужно уметь отказываться от большого во имя большего.

У него свое строгое понятие о чести. Когда в начале 60-х годов Джон Кеннеди потребовал отчета о его поездке в Южный Вьетнам в личном качестве — как «друга» предыдущего президента — Джонс немедленно написал заявление об уходе с поста в Фонде «Америка» и тут же вручил его Кеннеди. Последний встал перед выбором: ссора с популярной личностью или отказ от своих требований. Выбрал последнее.

— Распорядитесь серьезно наказать те наружные службы ФБР, которые прохлпали исчезновение Джонса, — сказал Гайтс Мейеру. — Распорядитесь также усилить контроль за всеми остальными людьми ранга Джонса. Это нам урок на будущее. Мы как-то привыкли, что наши «мозги» хорошо защищены от случайностей. Надо подумать о специальной директиве СНБ.

* * *

Мейера среди многочисленных фактов из досье исчезнувшего вполне естественно заинтересовал Фонд «Америка». Он и раньше многое знал из прессы и от своих друзей, однако вплотную не интересовался, Фонд не был объектом его исследования. Тем более, что сам по себе Фонд, без сомнений, является одним из феноменов сегодняшних Соединенных Штатов — социальным, научным, политическим. Значит, ему нужно уз-

нать о нем максимум того, что вообще доступно, не переходя, впрочем, ту тонкую грань, за которой неизбежно сталкиваешься с интересами влиятельных политических кругов.

Первая справка о Фонде «Америка» касалась финансовой деятельности. Финансы в Америке. Итак, доходы Фонда «Америка» на 45 процентов формировались взносами частных лиц, что за один только год составило 220 миллионов 240 тысяч. Кроме того, другие фонды предоставили порядка 40, частные корпорации — 12 процентов. Остальное — доходы от публикаций и ценных бумаг. Число спонсоров, оказавших финансовую поддержку Фонду в одном лишь минувшем году, составило более 300 тысяч человек вместе с руководством различных организаций, корпораций. Значит, по показателю социальной поддержки среди американского населения Фонд прочно занимает первое место в стране, более чем вдвое опережая такие популярные среди населения организации, как Фонд Карнеги и Фонд Рокфеллера, вместе взятые. Об этой стороне Фонда «Америка» как-то никто не задумывался, а она свидетельствует о том, что у Фонда есть прочная социальная база в американском обществе. Похоже, если бы его руководители поставили перед собой задачу ускоренного ее роста, то могли бы с успехом и очень быстро увеличить число своих сторонников до нескольких миллионов и стать конкурентами демократам или республиканцам. Во всяком случае, нельзя исключить, что это — потенциальная третья политическая сила.

Признаться, Мейер не догадывался до сих пор о существовании рядом, под боком, такой могущественной и богатой «третьей партии».

Каково же «политическое лицо» Фонда? Он заказал все, что об этом думают или по крайней мере пишут в мире. Подборку отзывов печати о Фонде Мейер получил почти сразу же из управления анализа, во главе которого сам стоял до недавнего времени. Он попросил сотрудников не делать обобщений и анализа — полагался на собственные первые впечатления. И они не обманули. Мейер, не глядя, вынимал один за одним бланки, на которых было отпечатано по несколько строк, иногда десятков, не больше.

Ю. ВУД — сенатор-республиканец от штата Теннесси: «Доклад Фонда «Америка» ясно говорит о том, что эффективность влияния этой организации возрастает... Влияние аналитических разработок Фонда не зависит от наличия хороших друзей в Белом доме или Конгрессе. Он — самостоятельная сила. Более того, нужно прямо сказать, что за прошедшие десять лет процесс организации общественности в нашей стране шел таким образом, что превратил Фонд во влиятельную часть механизма подготовки и принятия политических решений в стране» (Из выступления в Конгрессе 21 марта 1988 года.)

«Если говорить о размерах бюджета,

числе персонала и масштабах этой «фабрики мыслей», то ее можно отнести к числу трех крупнейших в США. Однако, если говорить о числе привлекаемых исследователей и политиков, о политической поддержке в массах, наконец, о политическом влиянии, то Фонд — безусловно и неоспоримо занимает первое место не только среди исследовательских объединений, но и, пожалуй, среди всех общественных институтов нашей страны. Даже сторонники мультинациональных объединений и организаций — «Тройственной комиссии», «Бабельсбергского клуба» — признают вне сомнений, что Фонд по отношению к ним является организацией № 1. («Вашингтон таймс», 22 февраля 1988 г.)

«Если рассматривать Америку как автомобиль,двигающийся в политике вправо по избранной им дороге, то Фонд, может быть, и не является рулевым колесом. Но то, что он является топливным баком,двигающим мотор и позволяющим водителю наслаждаться переменной пейзажа, — это несомненно» («Нью-Йорк таймс», 14 апреля 1988 г.).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

311868 К. Кларку, ФБР, Нью-Йорк
Автомобиль марки кадиллак, синий, модель 1988 года, номер штата 5712 обнаружен в аэропорту имени Кеннеди, Даллас, без повреждений. Находится в подземном гараже с 15 ноября, бокс № 314. Обыск машины результатов не дал. Плата за стоянку не просрочена. В списках пассажиров, вылетавших в Нью-Йорк, Ленфорд Дж. Айен не значится. Его фотоснимок никем из сотрудников аэропорта не опознан. Продолжаем изучение данных видеокamera.

Директор отделения ФБР Р. Бенгиссон.

Дети Айена даже не заметили, как среди их приятелей и сослуживцев произошло пополнение — за счет четверых сотрудников группы Роберта Мейера.

Жена Айена по-прежнему оставалась на побережье — она любила бархатный сезон и была уверена, что Ленфорд вскоре, как и обещал (а он всегда точно держал слово), вернется, и они славно проведут время вдвоем. Наведенные справки о миссис Айен мало что обещали от встречи с пею — типичная американская домохозяйка, 35 лет в браке, добропорядочная жена и мать, «хранительница очага», она была лишь обычным атрибутом преуспевающего политика и бизнесмена — изредка выезжала с ним «в свет», изредка организовывала приемы у себя, а ее политические взгляды были бледной копией взглядов и интересов мужа. По традиции, представительницы

этого класса состоят в десятке благотворительных обществ, носят с рахитичными идеями, которые, на взгляд их супругов, не стоят тех тысяч долларов, что нужны, дабы эти идейки не упали.

Реже всех остальных детей семья видела Мишел Айен. Несмотря на то, что двадцать три года — прекрасный возраст для замужества, Мишел не торопилась искать постоянного спутника жизни.

Она получила диплом журналиста и теперь работала во вновь организованном журнале «Ай» — «Глаз». Это был молодежный журнал штата, и редактор его, Трудн Гаршелл, и все сотрудники были очень молоды.

Как-то после обычного отдыха на ранчо в Калифорнии Мишел Айен, точно так же, как и ее братья, обнаружили в своем приятельском окружении новых знакомцев — их обычно представлял кто-нибудь из прежних близких друзей.

На одной вечеринке ее познакомили с симпатичным парнем Джо, который неплохо танцевал, обыграл всех в теннис, а когда она заговорила с ним, поразил журналистку прекрасным знанием психологии: он умел в отличие от большинства слушать человека, да так внимательно, что ему хотелось исповедоваться; этот Джо был не скуп на комплименты, впрочем, всегда заслуженные, и несколько раз уже в самом начале знакомства попал в самую точку, похвалив сперва публикации Мишел Айен в журнале «Ай», затем — ее спортивность, а позднее заинтересовался, не тот ли клан Айенов перед ним, возглавляет который опытный, просто виртуозный, талантливый — Джо не скупился на высшие эпитеты — бизнесмен Ленфорд Дж. Айен, говорят, друг обоих президентов — и уходящего из Белого дома, и входящего в него?

Мало-помалу они разговорились, Джо похвалил ее жонглирующий загар — Мишел тут же рассказала о традиции семейного отдыха на море, вот только папа на этот раз вынужден был прервать свои каникулы раньше намеченного, вылетел в команду Гора...

— По просьбе самого Гора?! — неподдельно изумился Джо. — Вы можете гордиться такой честью, выпавшей вашему отцу! Э, Мишел, да у вас теперь отбоя от женихов не будет... Но я вижу, вы чем-то озабочены?

Они взяли по бокалу коктейля и вышли на лужайку, подальше от шумной компании, которая то и дело взрывалась хохотом.

Мишел призналась, что ее вот уже несколько месяцев тревожит изменение взглядов отца. Джо пошутил, мол, обычно старики заботятся о наших взглядах — тут же наоборот. Поинтересовался, в чем же она находит это изменение?

— Видите ли, для окружающих, для других членов семьи это, возможно, незаметно, но я всегда была любимицей отца... Может, поэтому особенно внимательна к не-

му И вот в разговорах с ним в последние полгода меня насторожили звучавшие каждый раз фразы... ммм... определенной тоналности. Из психологии я знаю, что человек не говорит случайно об одном и том же по несколько раз. Значит, именно это и беспокоит его.

— О чем же он говорил? Может, и я помогу вам, я ведь тоже любитель психологии...

— Это трудно передать точно. Джо. Ну вот однажды отец обронил: «Мы выпустили джина из бутылки, а теперь он сел нам на голову».

— Мишел, речь шла о делах или о политике?

— Для него нет грани, где кончается одно и начинается другое. Скорее, мы говорили тогда об обстановке в мире. Он имел в виду, как я догадывалась позднее, технологию вооружений, которая теперь уже диктует политикам свою собственную логику, если угодно — волю. В другом разговоре папа вдруг заявил, что абсурдны любые долгосрочные планы — речь шла о моих планах — и привел русскую поговорку: «Человек предполагает, а бог располагает». Я удивилась тогда: с какой бы это стати он заинтересовался русским, а не индусским, например, фольклором?

— А что, он был поклонником всего индусского?

— Я бы так не сказала. Одно время занялся новыми направлениями современного буддийского учения, древнекитайским искусством К'ай Мэи...

Джо улыбнулся и отпил из бокала, вид его показывал, что он — не знаток таких материй.

— Да, а вот уж чем он меня совершенно огорчил, так тем, что однажды вполне серьезно заявил: он не видит больше смысла в деторождении. А ведь за последние годы я столько нотаций наслушалась от него с матерью о том, что мне необходимо думать о семье...

— Что же его настроило на такой лад? Новый Апокалипсис?

— Мне кажется, в последнее время он сильно казнился внутренне за то, что человечество совершает самый тяжкий грех против господ бога: разрушает само тво-

рение божие. То есть эту планету, мир, цивилизацию, вообще жизнь.

— Он так прямо и говорил?

— Нет, это я так догадываюсь.

— А какое разрушение он имел в виду — не уточняли? Ну, экология, гонка вооружений, СПИД, ядерный конфликт?

Мишел беспомощно улыбнулась, грациозно вынула сигарету — Джо быстро поднес зажигалку.

— Очень трудно тут строить догадки. Пожалуй, все вместе. Ведь папа у нас очень глубоко верующий человек.

— Очень глубоко... — оценил эти слова Джо.

— Да. И считал себя одним из прямых виновников происходящей в мире катастрофы. Мы, конечно, дружно разуверили его: мол, твоей вины никакой не видим, наоборот, ты помогаешь человечеству своими компьютерами выйти на новую ступень развития, выйти, может, во Вселенную...

— Ну, Мишел, дорогая, это же так естественно! — утешил ее новый знакомец. — Слава богу, что в этом мире еще остались совестливые и высоко нравственные люди. А страхи свои вы по-женски преувеличиваете. На то совесть и дана человеку, чтобы он сомневался в правильности своих действий. Вот позвонит он вам, и вы... Кстати, я не ошибаюсь: ваша семья, как и большинство американцев, все больше предпочитает звонить друг другу, а не писать письма? Вот и мои старики такие же стали...

— Да, а теперь и звонит реже... молчит. Вот уж недели две...

Он плавно вывел разговор из интересовавшей его темы, назначил Мишел АЙЕН свидание на следующий день, но, к великому ее сожалению, на это свидание не явился. А познакомивший их приятель сообщил ей, что Джо уехал в экстренную командировку.

Диктофонная запись беседы с дочерью исчезнувшего АЙЕНА-ДЖОНСА вскоре легла на стол Р. Фрайзера. Изучив «распечатку», Фрайзер решил передать ее Мейеру в обмен на информацию о некоторых результатах работы четвертой группы — такой обмен внутри рабочих групп был заранее оговорен.

(Окончание следует)

САМ СЕБЕ ТРЕНЕР

УРОКИ ДАЕТ ТРЕНЕР-МЕТОДИСТ МАКСИМ ГЛАДКОВ

Сегодня мы поговорим о развитии скорости реакции на движущийся объект — важного для единоборств качества. Уже из самого понятия ясно, что речь пойдет о способности быстро и точно реагировать на те или иные перемещения объекта в пространстве. В нашем случае это специальное качество проявляется в своевременном выполнении адекватных действиям противника защитных и атакующих движений. Для развития данного качества применяются специальные основные и вспомогательные упражнения.

Упражнение 1. Бег по кругу (по периметру спортзала) в среднем или высоком темпе. По хлопку партнера выполнить поворот на 180 градусов и продолжить бег в противоположном направлении в том же темпе.

Упражнение 2. Бег с ускорением по диагонали спортзала. Партнер находится в центре зала, лицом к бегущему. В тот момент, когда расстояние между ними составляет 1—2 метра, партнер поднимает правую или левую руку. В зависимости от того, какая рука поднята, необходимо обежать партнера с правой или левой стороны без снижения скорости бега.

Упражнение 3. Партнеры принимают основную стойку лицом друг к другу на средней дистанции. Первый перемещается вперед, назад, вправо и влево с «рваным» ритмом и без какой-либо обговоренной последовательности — второй реагирует на неожиданные перемещения первого соответственно (рис. 1).

Упражнение 4. По хлопку партнера выполнить удары рукой или ногой. На более позднем этапе — серии ударов. При этом паузы между хлопками должны быть разными.

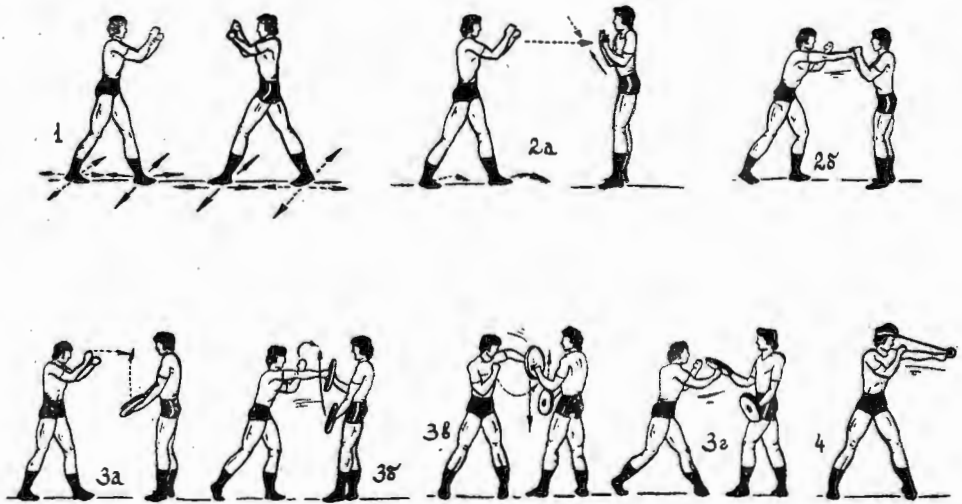
Упражнение 5. Исходное положение — стоя, ноги на ширине плеч, руки согнуты в локтях, кисти на уровне груди ладонями внутрь. Партнер — в основной стойке на средней дистанции (рис. 2а): он выполняет прямой удар кулаком в грудь с легким контактом, стараясь успеть отвести руку в исходное положение. Постарайтесь поймать руками кулак противника до нанесения им удара (рис. 2б).

Упражнение 6. Исходное положение — основная стойка. Партнер держит боксерские лапы на опущенных вниз руках (рис. 3а). Он поднимает правую или левую руку без обговоренной последовательности. Передвигаясь в основной

ЖИТНИЦОВ

ПОДОДОДОДО

стойке, наносите прямой удар, боковой или апперкот, в зависимости от того, какую руку поднял партнер и в какое положение переместил лапу (рис. 3б-г). После каждого удара партнер опускает руки.

Упражнение 7. Выполняется с помощью несложного приспособления, представляющего собой кольцо из эластичной ткани, надеваемое на голову, и теннисный мяч, соединенные прочной резинкой длиной 68—80 см. Надев кольцо, выполните прямые удары руками по мячу, стараясь постоянно удерживать его в воздухе. Каждый ваш промах будет наказан ударом мяча (рис. 4).

Предложенные вам упражнения — многовариантны, возможны различные интерпретации. Хорошо чередовать их с подвижными играми (в большей степени баскетбол и волейбол, в меньшей — футбол).

О защитных действиях в единоборствах — разговор особый, и он впереди. Пока же для ориентации вам необходимо уяснить, что они условно делятся на две категории — блоки и уходы. Первые предусматривают непосредственный контакт с противником, вторые — нет. Естественно, что выбор защитных приемов зависит от конкретной боевой ситуации. Блоки и уходы в свою очередь подразделяются на выполняемые с разрывом дистанции и без разрыва. И предпочтение, как правило, отдается первым, ибо они позволяют быстро перейти от защиты к атаке.

Теперь же рассмотрим некоторые вопросы специальной физической и технической подготовки в прикладных единоборствах.

1. Физическая подготовка (сила).

Теория спорта определяет силу как способность мышц преодолевать сопротивление. При этом мерой силы считается величина максимального напряжения, которую мышца может развить при возбуждении. В основе этой способности лежит свойство мышечной ткани сокращаться в ответ на какое-либо раздражение.

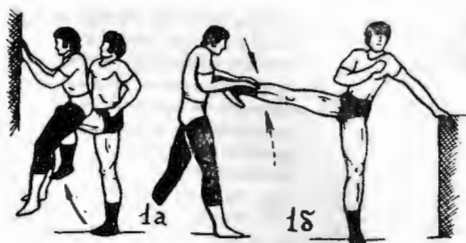
Тем не менее сила — не однозначное понятие. Специальная литература подробно описывает два силовых качества — статическую силу и скоростную («взрывную»). Однако есть основания выделять и третье качество — медленную динамическую («жимовую») силу (гимнасты и тяжелоатлеты поймут меня сразу).

Существуют две принципиально различные методики развития силы: методика упражнений с сопротивлениями и методика электростимуляции. Поскольку специальной материальной базы большинство из вас лишены, мы остановимся подробнее на первой, и в частности — на некоторых основополагающих принципах и методах, и выделим наиболее актуальные для прикладных единоборств.

1). Метод статических упражнений.

Статическая сила — это способность сопротивляться физическому усилию в течение некоторого времени (например, удержание большого веса на полусогнутых руках или «угла» в упоре на брусьях). Продолжительность этого времени как раз и характеризует статическую выносливость.

Статические упражнения можно использовать в начале тренировки; число подходов и пауз варьируется в зависимости от целей занятия и состояния человека.

Упражнение 1. Стоя у опоры, повернувшись к ней боком, удерживать партнера, сидящего на колене поднятой ноги (рис. 1а).

Упражнение 2. Стоя боком к опоре, поднимая дальнюю от нее ногу в положение удара ребром стопы. Партнер пытается нажимом сверху опустить ногу, а вы сопротивляетесь его усилиям (рис. 1б).

2). Метод изометрических напряжений.

Отличается от предыдущего тем, что рассчитан на развитие максимальных силовых возможностей, так как по мере роста сопротивления соответственно растут усилия, направленные на его преодоление. Общая продолжительность тренировки не должна превышать десяти минут для разных групп мышц (два-три подхода с небольшими перерывами).

Упражнение 1. Стоя или сидя, усилием воли постарайтесь максимально напрячь мышцы сначала правой, а затем левой руки (правой, левой ноги). Желательно, чтобы другие мышцы тела были расслаблены.

Упражнение 2. Сидя, усилием воли на 5—6 секунд максимально напрягите все мышцы тела.

Упражнение 3. Упритесь в стену рукой или плечом (рис. 2а, б) и в течение 5—6 секунд давите на нее с максимальным усилием.

Упражнение 4. Выполняйте удары рукой или ногой с максимальным напряжением мышц (на выдохе, выпрямление руки или ноги — 5—6 секунд).

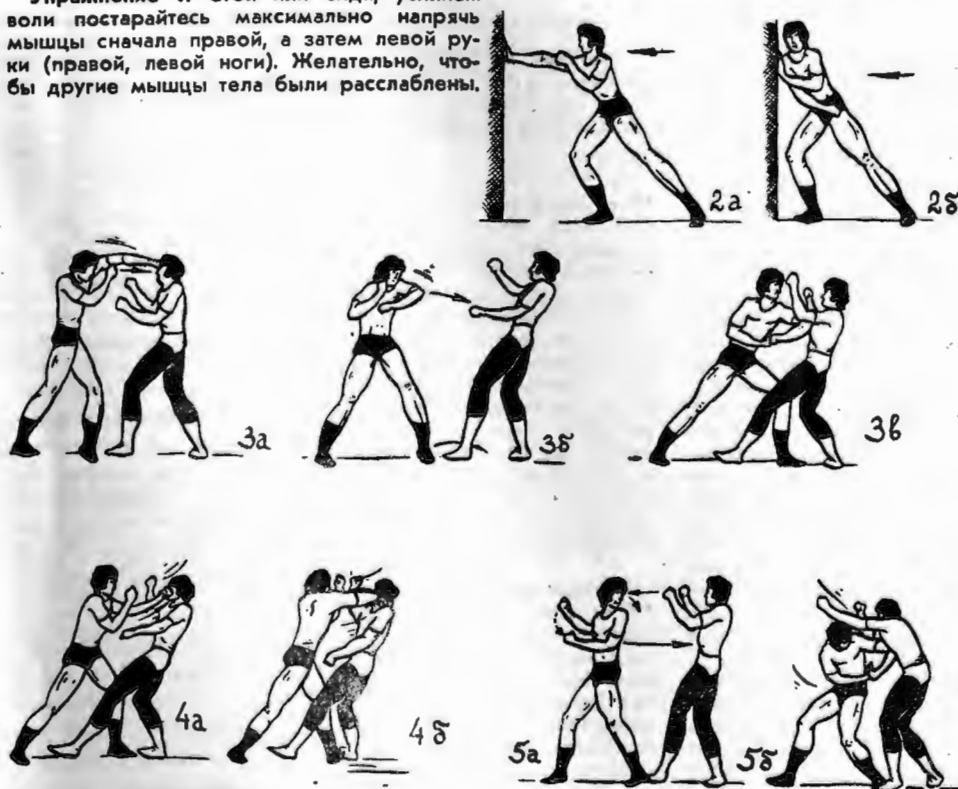
II. Техническая подготовка.

1). Прямой удар локтем. Исходное положение — основная стойка; 1 — боковой удар левым кулаком в голову (рис. 3а), 2 — перевести левую руку вправо (рис. 3б), 3 — нанести прямой удар левым локтем (рис. 3в).

2). Боковой удар локтем. Исходное положение — основная стойка; 1 — удар тыльной стороной левого кулака в голову (рис. 4а), 2 — боковой удар правым локтем (рис. 4б).

3). Удар локтем назад. Исходное положение — спиной к противнику (рис. 5а); удар локтем назад, спина выпрямлена, голова повернута в сторону удара, подбородок опущен (рис. 5б).

Рис. Е. ГЛАДКОВА

ХОЗЯЙКЕ НА ЗАМЕТКУ

Пришла весна, надели мы легкие наряды, а теплые зимние вещи надо, убирая в «сундуки», предварительно выстирать, почистить, протереть, обезопасить от моли. Тут у каждого есть свои секреты — поделитесь ими. А пока предлагаем несколько рекомендаций.

■ Стирая зимние шерстяные вещи, добавьте в воду 1 ст. ложку питьевой соды — она освежит цвет изделия, устранив запах пота.

■ Вернуть первоначальный вид свалывшемуся свитеру можно, простирав его в подогретой воде, в которой до того на несколько часов была замочена фасоль.

■ Мятые вещи из шерсти и трикотажа лучше не гладить, а повесить над тазом с горячей водой — пар расправит вещь не хуже утюга.

■ Крупные меховые изделия чистят горячими ржа-

ными или пшеничными отрубями. Для увеличения блеска мех протирают тряпочкой, смоченной глицерином или уксусом.

■ Очистить искусственный мех можно с помощью моющих средств для стирки тканей из искусственных волокон. 2—3 ст. ложки растворяют в 1 л воды, взбивают пену и протирают ею мех по ворсу. Остатки пены снимают чуть влажной хлопчатобумажной тряпочкой.

■ Жирные пятна с воротников, шапок, других небольших меховых изделий удаляют мягкой тряпочкой,

смоченной в бензине, протирая «по шерсти», если пятно свежее, и «против шерсти», если пятно застарелое и мех короткий. К бензину можно добавить щепотку порошка «Лотос» или «Нептун», потом еще раз чистым бензином.

■ Чтобы привести в порядок залоснившиеся шерстяные брюки или юбку, проложите в нужных местах влажную полотняную ткань и оставьте на сутки, потом отгладьте утюгом. «Стрелка» на брюках будет долго держаться, если прогладить их через ткань, смоченную слабым раствором уксуса, подсушить и прогладить еще — через влажную плотную бумагу.

Хорошее средство от моли — ореховые, табачные листья, полынь и зверобой, цветки пижмы. Их раскладывают в шкафах и ящиках, где хранится зимняя одежда; отпугивают моль и сухие апельсиновые корки. Поставьте на окно сильно пахнущую герань — моль не любит этот запах.

ПУТЬ К СЕРДЦУ МУЖЧИНЫ

Негусто в эту пору на полках овощных магазинов. Однако не будем отчаиваться, оглянемся: а что заготовила для нас природа-мать! Посмотрим под ноги! И увидим многое из того, что можно использовать в приготовлении очень вкусных витаминных блюд.

Салат из одуванчиков. 100 г листьев, 50 г зеленого лука, 25 г петрушки, растительное масло, соль, уксус, перец, укроп по вкусу, 1 яйцо. Листья выдерживать в подсоленной воде 30 минут, измельчить, перемешать с нарезанными луком, петрушкой, укропом, вареным яйцом, заправить маслом, солью, уксусом. Можно приготовить салат и из одних одуванчиковых листьев, добавив немного лимонной кислоты. Хорошо любой весенний или летний салат сдабривать листьями одуванчика — даже если вы не привыкли к его вкусу, в общей салатной массе он будет не очень ощущаться, а пользу принесет большую.

Щи зеленые из иван-чая. 100 г свежей зелени иван-чая, 100 г крапивы, 100 г щавеля, 200 г картошки,

10 г моркови, 40 г репчатого лука, 20 г маргарина, 0,5 яйца, 20 г сметаны, соль, специи по вкусу. Зелень ошпарить кипятком, откинуть на сито, нашинковать и потушить с жиром. Нарезанные морковь и лук пассеровать. В кипящий бульон или воду положить картофель, добавить подготовленную зелень. За 10 мин. до окончания варки добавить соль и специи. Яйцо и сметану положить в тарелки со щами при подаче на стол.

Запеканка из щавеля. 1,5 кг щавеля, 3 ст. ложки тертого сыра, 50 г сливочного масла, 1 чайная ложка пшеничной муки, 6 ломтиков белого хлеба, 1 ст. ложка толченых сухарей, соль по вкусу. Отварить щавель, пропустить через мясорубку. Добавить поджаренный

лук, муку, стакан отвара щавеля, молока или мясного бульона и проварить до готовности пюре. Всыпать тертый сыр и сливочное масло. На дно специальной формы уложить ломтики обжаренного хлеба, сверху приготовленное пюре, посыпать сухарями, смешанными с сыром, выпекать в духовом шкафу.

Биточки из крапивы. 100 г крапивы, 200 г жира, соль по вкусу. Крапиву ошпарить, порубить, отварить в кипящей воде 2—3 мин., откинуть на сито, измельчить, перемешать с густой пшенной кашей, сформировать биточки и выпекать в форме, предварительно смазанной жиром.

Напиток из кислицы. 200 г травы кислицы, 1 л воды. Нашинковать, пропустить через мясорубку, залить холодной кипяченой водой и настаивать 2 часа.

ЗАПАСЫ ВПРОК

Сейчас пока речь о легких, весенних, так сказать, вареньях. О более основательных заготовках (и обязательно по вашим рецептам!) — в летних номерах.

Варенье из одуванчиков пробовали! Это, собственно, и не варенье даже, потому что его не варят, но вкусно и очень полезно. В солнечную погоду, когда сойдет роса, срываем желтые корзинки цветков одуванчика (без зеленого цветоложа) и плотно укладываем на дно стеклянной банки слоем примерно в 2—3 см, утрамбовывая осторожно деревянным пестиком. Затем насыпаем таким же слоем сахара и так, чередуя операции, заполняем банку до тех пор, пока сок не начнет выливаться (лучше для начала взять литровую банку — вдруг не понравится!). Плотную закрытую банку ставим в холодильник. Примерно через месяц можно попробовать такое варенье. На дне банки, когда все съедите, останется густой сироп с темным осадком, не выбрасывайте его, это самое полезное — пыльца одуванчиков.

Варенье-пятиминутка. Многие сомневаются: неужели пятиминутка — доброкачественное варенье? не портится ли оно? остаются ли в нем все витамины? Да, утверждают опытные хозяйки. В таком варенье ягоды по цвету и аромату словно свежие, и вообще чем меньше варим, тем больше витаминов остается. Пятиминутку можно готовить не только из вишни, клубники, но и из черной смородины. Но здесь есть одна тон-

кость: в ягоды не добавляю воду, засыпают их сахаром, образовавшийся сироп сливают и в нем варят варенье. Только с черной смородиной надо делать иначе: сначала ошпарить в дуршлаге, потом опустить в сироп, в который добавят совсем немного воды.

Чтобы пятиминутка дольше сохранилась, варенье прямо горячим разливают по сухим, простерилизованным банкам и сразу же закатывают.

Советы мимоходом
(о варенье)

◆ Ягоды на варенье нужны целыми, неповрежденными. Клубника, малина, а также груши, персики, абрикосы пусть будут незрелыми — меньше разварятся, а сливы и вишни отбираем, отрывая ножки.

◆ Если ягоды со своего огорода, можно их чуть сполоснуть, с базара — моем в нескольких водах. Клубнику и малину моем с плодоножками, потом подсушиваем на полотенце и перебираем, отрывая ножки.

◆ Посуда для варки варенья должна быть широкой. В старину у хорошей хозяйки обязательно был медный таз для варки. Варить сразу лучше не больше килограмма ягод.

◆ Пенки снимайте постоянно в процессе варки. Но само варенье не надо мешать ложкой — ягоды помнутся, лучше несколько раз встряхивать таз.

◆ Верные признаки, что варенье готово: пенки не расходятся по краям, а собираются в центре посуды; ягоды равномерно распределены в сиропе; капля варенья на блюдце не растекается (это не относится к пятиминуткам).

◆ Бывает, что варенье долго варится и все жидкое. Добавьте чуть лимонного сока или яблочного желе — сразу загустеет.

◆ Банки для варенья надо очень хорошо промыть да еще кипятком ошпарить и высушить, чтобы в варенье не попала вода — придется переваривать.

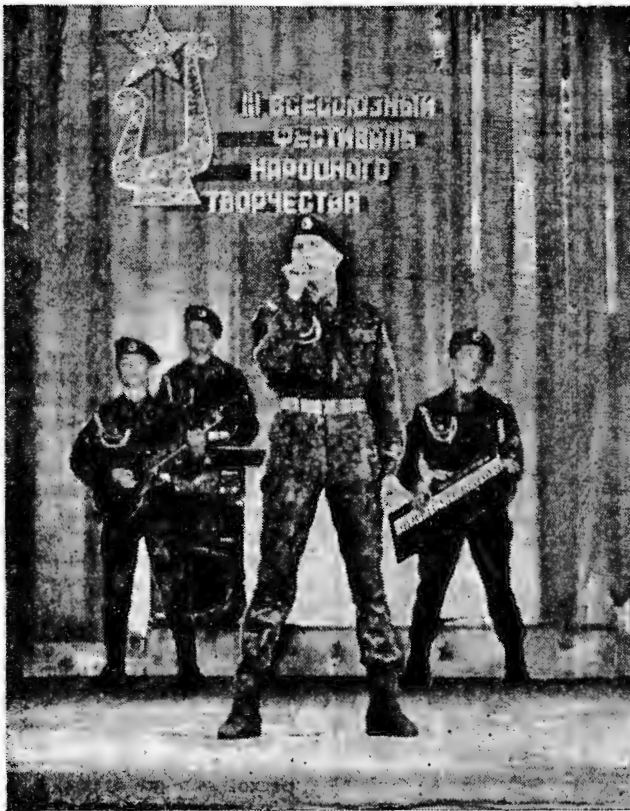
ПОДУМАЕМ О СЕБЕ

О себе в такую страдную пору заготовок вроде и думать некогда! Но — не опускаться! Да летом приятное легко можно соединить с полезным: солнце с давних времен считалось источником красоты, молодости и прежде всего здоровья. Но, загорая, главное — не переборщить. А если такое случилось, даем несколько советов по уходу за обгорев-

шей кожей: примочки из свежего молока, теплого чая; маска из муки и сырого молока с раствором борной кислоты.

Особенно внимательными нужно быть у воды и в заснеженных горах. Людям, страдающим нервными заболеваниями, нельзя загорать много. Собираясь по полям, по лугам за травами, необходимо надеть за-

щитные очки, косынку на голову или шляпу с большими полями. Если у вас сухая кожа и вы боитесь веснушек, то, выходя из дома, нанесите тонкий слой защитного крема на лицо, руки, шею. Полезно споласкивать лицо и шею настоем зверобоя — и загорите красиво, и уберетесь от обгорания.

Б ОЛЕЕ трех часов шел концерт коллективов художественной самодеятельности внутренних войск, завершающий III Всесоюзный фестиваль народного творчества. Сорок пять номеров значилось в его программе. Каждый из них был исполнен на высоком художественном уровне. И все же в фейерверке сольных и групповых выступлений зрители отметили наиболее яркие, самобытные.

Весь зал встал в едином порыве, когда солист молодежного ансамбля песни и пляски дивизии имени Ф. Дзержинского рядовой А. Мычко запел песню «Разговор с другом», посвященную воинам внутренних войск, погибшим при исполнении служебного долга. Авторы слов и музыки — эфрейторы Е. Журавлев и Д. Петренко.

Тепло было встречено вокальное трио «Патефон» из Челябинска в составе капитана А. Вос-

СПАСИБО, ФЕСТИВАЛЬ!

291

кобойникова, старшего лейтенанта Ф. Талышева и прапорщика А. Данилина. В стиле «ретро» они исполнили песни «Родная» (музыка Донаса, слова П. Германа) и «Ленинградские мосты» (музыка М. Табачникова, слова Л. Давидовича и В. Драгунского).

Словно утренняя зорька осветила сцену, когда появилась на ней младший сержант О. Узрюмова, легко и изычно исполнившая «Женский марш» О. Фельцмана на слова М. Рябинина и песню «Всего хорошего» (музыка Р. Майорова, слова Я. Гальперина).

Были представлены на концерте и юные дарования. Так, Валера Пожелеев мастерски аккомпанировал на бас-гитаре своей маме Вере Григорьевне, когда она пела тухмановский «Фронтной вальс».

Заключительный концерт показал, насколько сильными остаются традиции духовного братства народов нашей страны. Представителям всех республик нашлось место на сцене — именно на этом сделал акцент начальник Военно-политического управления войск генерал-лейтенант А. И. Гриенко, подводя итоги фестиваля.

Полковник в отставке
Ю. ТЯШКОВ.

Фото старшего прапорщика В. ГОЛЮТАРОВА.

САЛОГИ ВСМЯТКУ сатира юмор

II

С виду он был самый обычный землянин, вот только кожа его отливала болезненно-зеленоватым оттенком. Сидоркин обозвал его про себя оципантым цыпленком и тяжело вздохнул. Все равно, видно, при-

— Знаком, — ответил «цыпленок». — Готов один взять под круглосуточную охрану объект любого периметра, защищать спортивную честь роты в любом виде спорта, участвовать в художественной самодеятельности, субботниках, в заготовке ягод, грибов...

— Стоп-стоп, — прервал новичка Сидоркин. — Вы это... сказки не рассказывайте, мне только правда нужна.

— Я и не умею ничего говорить, кроме правды. А насчет способностей — не сомневайтесь. Вот канцелярия у вас обшарпанная, мебель здесь старая, стекло в окне треснутое... Хотите, все в порядок приведу?

Сидоркин только моргнуть успел, а стол перед ним — уже дубовый двухтумбовый, и на потолке ни единой трещинки, и окна от чистоты светятся. На месте Сидоркина, ясное дело, каждый бы в волнение от увиденного пришел, а поскольку ротный был как раз на своем месте, то и он заволновался. Зашагал по кабинету, руки потирать стал.

— А вы бы могли теплицу достроить? А то, знаете ли, мы три года назад фундамент как заложили...

— Пожалуйста, — говорит зелененький и в окно кивает. — Как видите, уже под крышей теплица. А внутри — огурцы, в стадии вызревания.

Тут ротный обнял инопланетянина за плечи, усадил

Командир части позвонил капитану Сидоркину с утра и обрадовал:

— Даю тебе, ротный, ценнейшего помощника. Не солдат — клад, честное слово.

«Был бы он такой на самом деле — вы б его при штабе оставили, — подумал про себя Сидоркин. — Наверное, нарушителя очередного из подразделения в подразделение переводят, и настала моя пора с ним страдать».

— Главное, ротный, он сам рвется у нас служить, понимаешь? Хочу, говорит, пользу принести.

— А не главное, товарищ полковник? — уныло спросил Сидоркин.

— Ну, это мелочи. Инопланетянин он, с Луны к нам свалился, в самом прямом смысле слова. Так что ты поговори с ним, присмотришься. Подойдет — оставим.

Дожили, подумал капитан, все еще держа в руках уже замолчавшую трубку. Хотя чему удивляться? За такие деньги в морозы на вышке стоять к нам разве что с Луны свалившийся и придет.

дется заключать контакт с этим инопланетянином, раз свои не идут.

— С нашими служебными задачами вы, конечно, не знакомы? — спросил ротный.

БАСНЯ

Вадим МАЛКОВ

Овчарка Колли

Овчарка Колли училась в школе служебного собаководства. Счастливей не знала доли, Нежней не знала руководства. Хвалили все в собачьей школе Достоинства овчарки Колли: — Вот слух! Вот нюх! Вот зоркость глаз! —

Начальник повторял не раз, Пса выставляя напоказ.

И все, с улыбкой на устах, Умилно повторяли: «Ах!»

Ее назначили в наряд:

— Ищи, кто слямзил шоколад!

Она по следу твердо шла —

Карман начальника нашла.

Облаяла. Какой скандал!

«Списать!» — начальник приказал.

Приказ начальника — закон.

И выгнали овчарку вон.

Не зря ей говорил Барбос:

— Не суй к чинам свой длинный нос.

Ученый пес, ты должен знать,

Где — лаять, где — хвостом вилять.

на свое место за новый дубовый стол, чаю хорошего — пачка на стакан — предложил и на ты перешел:

— Послушай, а вот ежели склад для картошки? А казарму побелить?.. А караульное помещение отремонтировать?..

— Все готово, можете не сомневаться!

И тут задумался капитан Сидоркин.

III

Задумался, значит, а потом остороженько так спрашивает:

— Вижу, незаменимый ты для роты человек. Но за способности свои и потребуешь, наверное, много. Кушаешь небось только деликатесы?

— Я вообще ничего не кушаю, питаюсь от солнечной энергии, и все.

— А жилье?

— Не нуждаюсь.

— А денежное содержание у нас для новеньких знаешь какое?..

— Ни к чему мне деньги.

— Откуда ж ты такой взялся? — ахнул Сидоркин.

— С Луны, — спокойно ответил тот.

— Это неважно, — махнул рукой ротный. — Пойдем, я тебя прямо сейчас с коллективом, так сказать, познакомлю.

— Лучше завтра, — предложил новичок. — В четы-

на этом мы обрываем рассказ и предлагаем вам, читатели, самим придумать концовку. Условие одно: чтоб строки ваши были неожиданными и, естественно, остроумными. Лучшие варианты будут опубликованы в очередном выпуске сатирической страницы.

ПОЧТИ С НАУСЫ

Трагичное с комичным
ходит рядом,
Поэтому не стоит
улыбаться,
Заметив, как у нас
тропу нарядов
Объединили
с полосой препятствий.

Рис. Б. Булгакова.

ре общее собрание по вопросам подготовки к зиме...

— Ты даже это знаешь? Ну даешь!

— Как же не знать, если я даже выступить хочу. Предложить, чтоб в гараже стоял не ваш «Москвич», а ротная машина: так она дольше сохранится. И еще: чтоб вы сделали обратную замену, рваный свой полубок домой унесли, а тот, что в роте взяли, вернули. И кирпич, который для бани выписали...

— Тихо-тихо-тихо! — ротный плотней прикрыл дверь и почему-то на цыпочках подошел к инопланетянину. — Ты что же, все обо всех знаешь, все видишь?

— Как через рентген, — кивнул свалившийся с Луны.

— Это хорошо, это просто замечательно, это, это... Ты вот что, приходи завтра, и я дам тебе свой окончательный ответ.

— Понятно, — вздохнул зелененький, — опять, значит, отказ.

— Ну что же ты так сразу, я же сказал — подумаю...

IV

До вечера думал капитан Сидоркин. А потом снял трубку и набрал номер командира части:

— Спасибо за то, что отличную кандидатуру предложили, товарищ полковник, но дело в том, что...

* * *

Товарищ Т. заявила, что письмо она написала под впечатлением эмоций. В целях недопущения подобных явлений изучена работа группы народного контроля части.

* * *

Очень прошу ответить на мой вопрос, так как ответить на него невозможно.

* * *

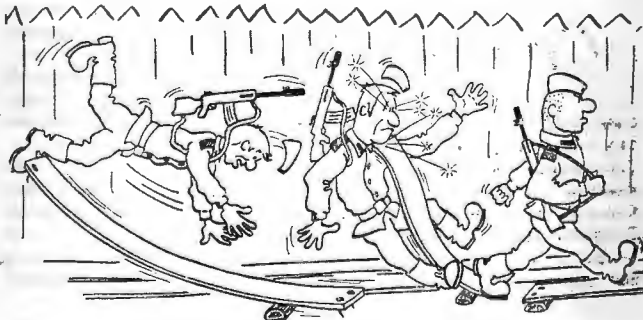
Вернувшись домой, Варя быстро разделась: до связи с Большой землей остались считанные минуты.

Григорий увозил в своей разгоряченной груди вместе с половой и чурками первую победу над врагом.

* * *

Угроза Венцеля на другой день попала в ухо офицантки, а затем с небольшими помехами достигла густого леса.

И здесь нам бы хотелось помочь нашим будущим абонентам (а также уже написавшим в клуб). Дорогие мужчины, знакомясь, нельзя быть столь немногословными, скуными на слова привета.

Уважаемые участники клуба «ВВ», убедительно просим в своих письмах четко и подробно указывать адрес, фамилию, имя, отчество. Если вы через полгода или раньше будете увольняться или менять место жительства, необходимо написать и новый адрес. Желательно кратко расска-

ние Промстройбанка, расчетный счет № 340616, МФО-201207. Квитанцию об уплате приложите к письму в редакцию. Получив ваше письмо с квитанцией об уплате, клуб подготовит текст объявления, а также вышлет вам полученные на него отклики или три-четыре адреса по рекомендации наших консультантов.

Если вас заинтересуют чьи-то объявления и вы решите переписываться с этими абонентами, то на этот же расчетный счет надо переслать почтой 5 (пять) рублей за каждый адрес, а письмо с просьбой о высылке адреса (с квитанцией и вашим обратным адресом) — в редакцию.

Военнослужащие срочной службы платят за услуги клуба соответственно пять (за объявление) и три рубля (за один адрес).

Сама идея клуба — помочь людям одиноким найти друг друга, — а также те десятки писем, что уже поступили в клуб, не оставляют сомнения в том, что отношение к переписке должно быть серьезным с вашей стороны и бережным и тактичным со стороны клуба. И это, а также тайну сообщаемых вами сведений совет клуба гарантирует.

Желаем вам удачи. Встреча — возможна!

ЖЕЛАЕМ ВАМ УДАЧИ!

Хоть мы только еще начинаем вместе с вами, уважаемые читатели, работу нашего клуба, однако заявок на опубликование объявлений уже немало. Правда, пока не хватает у нас женских объявлений, но это объяснимо: не знают еще многие девушки не только о существовании клуба «ВВ», но и о том, что журнал наш уже открытое издание и свободно продается в киосках «Союзпечати».

Ну что ж, пока девчата раздумывают, мы будем публиковать письма мужчин.

зать о себе: возраст, семейное положение, привычки, увлечения, склонности, внешние данные (ну, это на ваше усмотрение), а также пожелания (или требования) к той, с кем вы хотите переписываться.

Кроме того, просим вложить в письмо конверт с вашим обратным адресом — для более оперативного ответа.

Каждый, кто хочет поместить свое объявление в клубе, должен перевести 10 (десять) рублей по почте на адрес: 111250, Москва, Е-250, Калининское отделе-

000006-А. К. Увлекаюсь конным спортом и вообще люблю природу, животных. И еще музыку. Если встретится вдруг девушка с такими же увлечениями — буду рад. Только пусть она будет небольшого роста, мой рост 174.

Алексей.

000007-С. П. До армии был женат, но жена не дождалась... Сыну три года. И хоть рухнули мои прошлые планы и мечты, но жить-то дальше нужно! О себе: 23 года, разведен, после службы собираюсь работать в милиции. Рост 174, волосы русые, курю. Люблю читать, путешествовать, увлекаюсь спортом,

театром. Ценю верность, умение понять другого, чувство юмора, ненавижу предательство, эгоизм. Хотелось бы познакомиться с одинокой симпатичной женщиной (можно с ребенком), любящей домашний уют, детей.

Сергей.

000009-Ю. П. Характер у меня не взрывной, 20 лет, не пью, не курю. Люблю музыку, танцы. А девчата мне нравятся добрые и не курящие. Вот и хотел бы познакомиться с девушкой от 17 до 20 лет с похожим на мой характером. И очень надеюсь, что клуб «ВВ» мне поможет.

Юра.

000011-Л. Г. Хотел бы переписываться с девушкой со спокойным характером, доброй душой в возрасте от 18 до 22 лет. Мне 19 лет, по характеру спокойный, люблю музыку, занимаюсь спортом. Служу во внутренних войсках второй год.

Л. Г.
000013-С. П. Мне 20 лет, пока служу срочную. Звание — старший сержант. Увлекаюсь спортом, в частности восточными единоборствами, вредных привычек не имею. Познакомлюсь с веселой, отзывчивой и, конечно, симпатичной девушкой. Отзовитесь, девчата!

Станислав.

ОТ ПРОСТОГО К СЛОЖНОМУ

Как научить собаку садиться по команде? До кормления дайте ей хорошенько выгуляться, желательнее на местности с минимальным количеством отвлекающих раздражителей. А после возьмите ее на короткий поводок в положение «Рядом». Удерживая конец поводка в левой руке, наступите на поводок левой ногой так, чтобы он слегка натянулся. Повернитесь лицом к собаке, достаньте заранее приготовленное лакомство и поднесите его к носу своего питомца. Затем поднимите руку с лакомством вверх на уровень плеча и заведите ее за голову собаки. Громко и четко подайте команду «Сидеть». Понятно, что собака попытается подпрыгнуть, чтобы достать лакомство, но поводок, зажатый ногой у земли, не позволит ей этого сделать. Тогда она станет запрокидывать голову назад — к лакомству и вскоре сядет. Сразу же поощрите ее скажите «Хорошо, сидеть», дайте ей лакомство и погладьте. Повторите упражнение 5—6 раз, после чего отпустите собаку побегать. Через несколько минут вернитесь к упражнению. И так — 5—6 раз.

Уверю, что правильное выполнение упражнения и я уже к концу первого занятия приучит собаку к команде.

Предложенный способ — не единственный. Попробуйте, например, такой. Держа собаку на коротком поводке в положении «Рядом», повернитесь лицом к ее правому боку. Возьмите поводок в правую руку ближе к карабину. Подайте

команду «Сидеть» и через 1—2 секунды надавите большим и указательным пальцами левой руки, словно рогаткой, в область поясницы собаки, одновременно сделав рывок поводком назад и вверх. Как только собака сядет, тут же поощрите ее громким тоном командуйте «Хорошо, сидеть», погладьте и дайте лакомство. Режим выполнения упражнения — тот же, что и в предыдущем случае. Как только выработается условный рефлекс на голос, вводите в прием жест, для чего с подачей команды «Сидеть» поднимайте вперед и вверх на 135 градусов по отношению к вашему корпусу прямую правую руку. Результат не замедлит сказаться.

Совсем не сложно приучить собаку к команде «Лежать». Исходные условия те же, что и при «Посадке». Возьмите собаку на короткий поводок, который привяжите, ну, скажем, к дереву на высоту холки «ученика». Отойдите от своего питомца, но так, чтобы при натянутом поводке между вами было не более метра. Посадите собаку. Зажмите лакомство между пальцами правой руки и покажите, а затем, присев, опустите перед собакой вытянутую вперед правую руку ладонью вниз с лакомством. Собака, естественно, потянется к руке и, ограниченная в движениях поводком, примет удобное для нее положение — ляжет. Тут же поощрите ее — «Хорошо, лежать». Поверните кисть правой руки ладонью вверх, сожмите пальцы в кулак и переместите лакомство в центр ла-

дони. Разожмите кулак и угостите собаку. Режим выполнения упражнения — тот же. Стандартный жест для этой команды выглядит так. Правая рука, сжатая в кулак, поднимается вдоль корпуса к плечу. Затем кулак разжимается, и рука ладонью вниз выбрасывается вперед под углом к корпусу в 100—110 градусов. Не задерживая, сразу опускайте руку к бедру. Жест выводится в прием после выработки условного рефлекса на команду голосом.

Согласитесь, что как только собака научится садиться, самое время научить ее вставать. Исходные условия прежние. Собака на коротком поводке сидит у вашей левой ноги. Повернитесь лицом к ее правому боку и возьмите поводок в правую руку поближе к карабину. Встаньте на левое колено, подайте команду «Стоять» и через 1—2 секунды, подведя левую руку под живот собаки, надавите большим пальцем в область подреберья. Как только собака встанет, поощрите ее.

Теперь представим, что ваш питомец лежит. На конце поводка сделайте петлю, которую набросьте на собаку в области поясницы. Петлю подтяните так, чтобы она плотно прилегла к телу, но не беспокоила собаку, кольцо на ошейнике поверните в сторону холки. Правой рукой возьмите поводок ближе к карабину, левой — к петле. Подайте команду «Стоять» и, удерживая собаку правой рукой от движения вперед, через 1—2 секунды сделайте левой рукой рывок поводком вверх. Когда собака встанет, поощрите ее. Жест для этой команды: прямая левая рука поднимается вперед ладонью вверх на уровень плеча, на секунду замирает, а затем сгибается к плечу и вдоль корпуса опускается к бедру.

Постепенно усложняйте приемы.

Полковник В. СЕВОДНЯЕВ,
начальник службы собак
Главного управления
командующего внутренними
войсками.

Уважаемые читатели!

В прошлом году журнал «На боевом посту» поступил в свободную продажу и таким образом стал доступен широкой читательской аудитории. К тому же журнал получил статус общественно-политического и литературно-художественного издания. Редакция просит вас высказать свои предложения относительно основных направлений своей работы, характера рубрик и публикаций, ваше видение журнала в новом качестве. При заполнении анкеты выберите из предложенных вариантов тот, который наиболее соответствует вашему

мнению, и аккуратно, не перечеркивая цифры, обведите кружками число рядом с ответом. Если у вас есть другое мнение, то запишите его в специально отведенном месте. Редакция максимально заинтересована учесть пожелания своих читателей при определении издательской стратегии журнала. Для этого просим вас заполнить анкету, вырезать ее и выслать в редакцию журнала «На боевом посту».

Мы будем благодарны всем, кто откликнется на нашу просьбу.

I. Ниже перечислены проблемно-тематические направления, рубрики, которые редакция планирует использовать в журнале. Выберите те из них, которые заслуживают, на ваш взгляд, внимания:

01. — Войска: проблемы, события, люди.
02. — На перекрестке мнений.
03. — Актуальное интервью.
04. — В особом районе.
05. — Из истории внутренних войск.
06. — Письма читателей.
07. — Культура, быт.
08. — Молодежный клуб «Пульс».
09. — Журналист исследует проблему.
10. — Проза, поэзия.
11. — Спортивная жизнь.
12. — Спрашивайте—отвечаем.
13. — Наша анкета.
14. — Клуб знакомств.
15. — Калейдоскоп интересов.
16. — Другие рубрики (напишите, какие)

II. Назовите самые значительные, с вашей точки зрения, материалы, отражающие проблемы внутренних войск (2—3 названия публикаций)

III. Укажите ваш источник получения журнала:

17. — Являюсь подписчиком.
18. — Беру в библиотеке.
19. — Беру у товарищей, знакомых.
20. — Покупаю в киоске.

IV. Собираетесь ли вы остаться читателем журнала в будущем году:

21. — Да.
22. — Нет.

V. И в конце несколько вопросов о вас:

Ваш возраст (укажите, пожалуйста, число исполнившихся вам лет).

Какое у вас образование:

23. — Неполное среднее.
24. — Среднее специальное.
25. — Незаконченное высшее.
26. — Высшее.

Ваш пол:

27. — Мужской.
28. — Женский.

Род ваших занятий:

29. — Рабочий.
30. — Работник агропромышленного комплекса.
31. — Учащийся.
32. — Работник науки, преподаватель вуза.
33. — Творческий работник.
34. — Работник сферы культуры.
35. — Военнослужащий.
36. — Пенсионер.

Благодарим вас за продуманные ответы на вопросы.

Всего вам доброго!

Вас приглашает ЗИЛ

ОБРАЩАТЬСЯ ПИСЬМЕННО ПО
АДРЕСУ: 109280, г.МОСКВА,
ул.АВТОЗАВОДСКАЯ, 18,
УПРАВЛЕНИЕ РАБОЧИХ
КАДРОВ ЗИЛа.
Тел. 277-87-58, 277-93-09, 277-80-27.
ВЫЕЗД К МЕСТУ РАБОТЫ —
ПО ВЫЗОВУ.

Уважаемые воины!

После службы в армии Московский автомобильный завод имени И.А.Лихачева (производственное объединение ЗИЛ) приглашает вас начать свою трудовую деятельность в его многотысячном коллективе. Здесь можно пройти обучение по избранной специальности в процессе работы.

Завод приглашает на работу наладчиков, операторов автоматических линий и станков с ЧПУ, специалистов по наладке и обслуживанию робото-технических комплексов, слесарей-инструментальщиков и станочников-универсалов (токарей, фрезеровщиков, шлифовщиков).

Кроме этого, предприятию требуются водители-испытатели, водители электрогрузчиков, станочники всех специальностей, слесари-ремонтники, электромонтеры, рабочие по специальностям литейного, кузнечного, пресового, термического, механосборочного и механообрабатывающего производства, а также рабочие строительных и других профессий.

Заработная плата повременно-премиальная и сдельно-премиальная.

Принимаются одинокие иногородние граждане с предоставлением благоустроенного общежития квартирного типа с пропиской в г.Москве, согласно существующим правилам.

К вашим услугам филиал Всесоюзного заочного машиностроительного техникума, автомобильно-механический техникум, автомобилестроительный институт с дневным и вечерним отделениями.

Для укрепления здоровья, активного отдыха автозаводцам предоставлены санатории, пансионаты, дома отдыха, спортклуб "Торпедо", физкультурно-оздоровительный комплекс с плавательным бассейном, саунами, тренажерными залами. Имеется Дворец культуры, многопрофильная больница, поликлиника, комбинат общественного питания.

Поступив на ЗИЛ, вы получаете безвозмездное пособие в размере 100 рублей, имеете возможность приобрести промышленные товары повышенного спроса, включая легковые автомобили.

Добро пожаловать на ЗИЛ, дорогие товарищи!

Марийское главное территориальное управление Госнаба СССР в рамках разработанной в республике программы самообеспечения освоило выпуск ряда видов строительных материалов, санитарно-технических изделий и оборудования для нужд капитального строительства. Для увеличения объемов производства фирма ищет партнеров, которые могли бы помочь материальными ресурсами. Партнерами могут быть любые коммерческие центры, предприятия и организации Союза ССР.

ИЩЕМ ПАРТНЕРОВ

424000,
г.ЙОШКАР-ОЛА,
ул.МАШИНОСТРОИ-
ТЕЛЕЙ, 6-А.
ТЕЛЕФОНЫ:
6-72-60, 6-22-31,
ТЕЛЕТАЙП 220230
ВЕРБА.

Для выпуска отопительных приборов (конвекторов Аккорд-М, Лак-500 и смесителей с гибким шлангом) нужны трубы водогазопроводные; трубы тонкостальные электросварочные; трубы Л63, Л53; лист конструкционный холоднокатаный; сплав алюминия АЛ2, АЛ4 /силумин/; лента Л63М; бронза; латунь; шланг с металлической оплеткой или полиэтиленовый шланг; эмаль белая ПФ-115; грунт ГФ-021.

Кроме того фирма испытывает нужду в материальных ресурсах для выпуска обоев, линолеума.

Участникам совместного производства предоставляется право на получение части готовой продукции — по договоренности.

МАРИЙ ЭЛ-
КРАЙ МАРИЙСКИЙ

Маркетинг